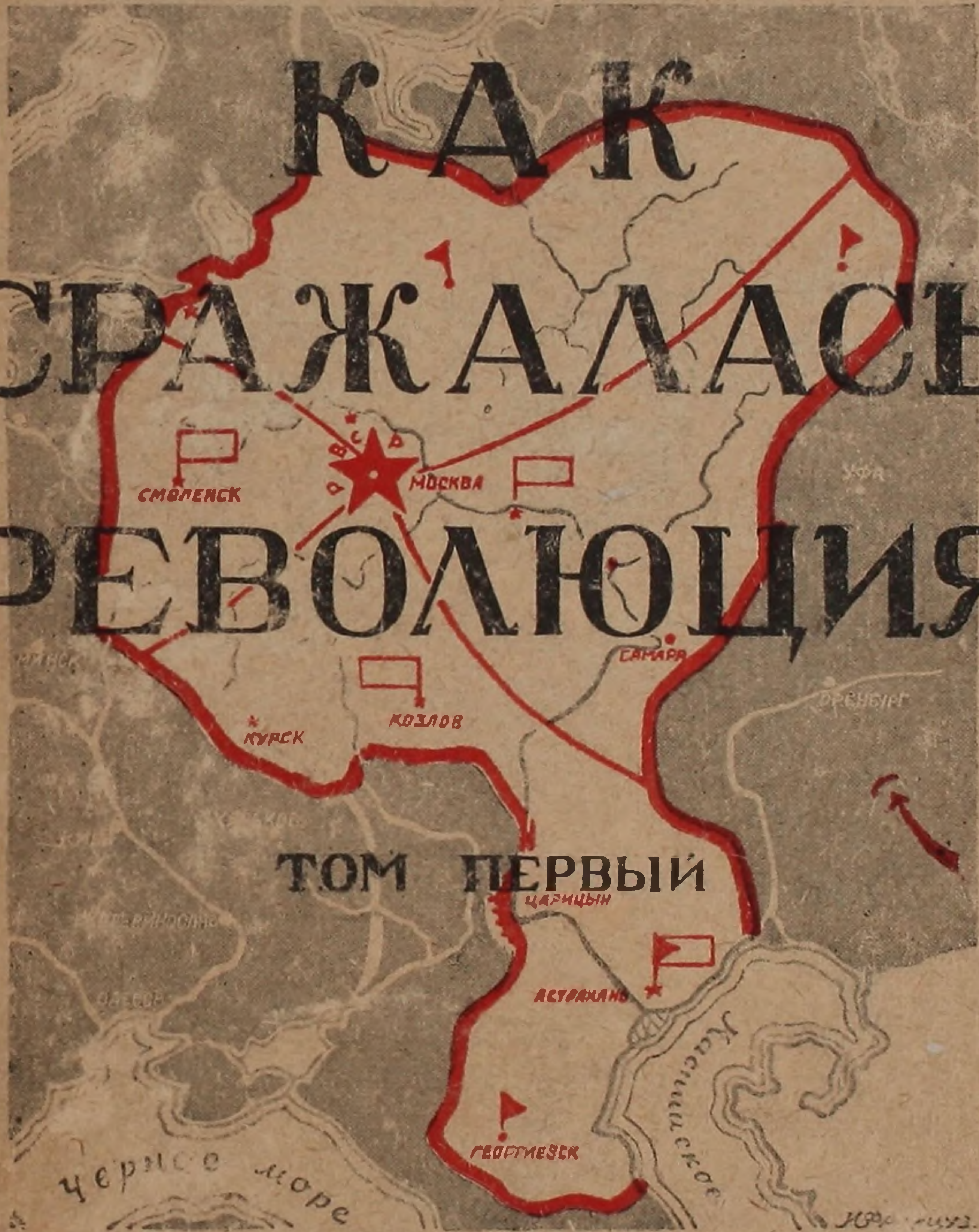
Н. КАКУРИН

КАК СРАЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 · 9 · 2 · 5

ССС Р Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА

Н. КАКУРИН

КАК СРАЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

1917—1918 г.

Под редакцией Н. Н. ПОПОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО № 14279.
ТИРАЖ 10500. Главлит № 32466.
Типо-литогр. Военной Академии
Р.-К. К. А. Москва, Зубовская
ул., д. 14. Тел. 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Введение 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внешняя политическая обстановка 13

Исторические моменты, определяющие различную внешнюю группировку держав во время гражданской войны в России. Позиция и политика держав центрального блока до конца империалистической войны и после нее в отношении Советской России. Роль держав Антанты в русской гражданской войне до конца империалистической войны. Отношение Америки и Японии к гражданской войне в России. Влияние окончания мировой войны на внешнюю политическую обстановку РСФСР. Проект конференции на Принцевых островах. Внутреннее состояние стран Антанты, как один из мотивов этого проекта. Отношение советского и контр-революционных правительств к проекту конференции. Новая линия политики Франции. Линия политики белой Польши в русских делах. Положение Румынии. Положение и политика Англии в русском вопросе. Отношение мелких государств к гражданской войне в России. Роль и влияние держав Антанты во внутренних делах русской контр-революции. Характеристика отношений держав Антанты к белым правительствам. Политическое значение участия чехо-словацкого корпуса в гражданской войне в России. Отношение войск держав Антанты к мелким контрреволюционным образованиям и местному населению. Выводы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутренняя политическая обстановка 40

Главнейшие движущие силы революции и контр-революции и их относительное значение. Угнетенные нации. Соотношение внутренних сил в лагере революции и основные моменты внутренней политики советского правительства. Группировки внутренних сил в стане белых и основ-

Стран.

вые линии внутренней политики белых правительств. Правительство Колчака; его возникновение, эволюция, политическая физиономия, режим, падение. Взаимоотношения с прочими белогвардейскими правительствами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Белогвардейские правительства на территории России . 67

Донское, кубанское, астраханское и терское правительства. Их возникновение, организация, политическая физиономия. Правительство Добровольческой армии. Его характеристика, режим, эволюция. Правительство Северной области (архангельское) и северо-западное. Выводы. Соотношение внутренних сил на Украине. Правительство украинской директории. Белые правительства Закаспийской области, Кавказа и Туркестана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Состояние тыла обеих сторон 93

Состояние тыла белых и красных армий в эпоху гражданской войны. Наиболее крупные выступления в тылу красных армий в пределах Великороссии, Сибири и Урала. Партизанское и бандитское движение на Украине в период гражданской войны; причины его сильного развития. Революционное движение в тылу белых армий; его характерные особенности. Махновщина и ее значение. Выводы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Театры военных действий 109

Главные и второстепенные театры военных действий; их относительное значение в процессе гражданской войны и общая характеристика. Водные артерии. Население; его классовые группировки и их взаимоотношения. Плотность населения. Средства театров. Пути сообщения; пути вторжения и пути связи. Укрепленные пункты и районы. Операционные направления. Общие выводы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вооруженные силы обеих сторон 133

Начало возникновения вооруженных сил революции. Возникновение первых ячеек центрального управления. Установление организационных форм. Развитие органов управления. Вооруженные силы революции в период добровольчества и их характеристика. Переход к обязательной воинской повинности. Нарастание вооруженных сил революции и окончательная организация их. Пополнение Красной армии командным составом. Снабжение. Обучение и тактика. Выводы. Вооруженные силы внешней контр-революции. Вооруженные силы внутренней контр-революции:

Стран.

а) имевшие собственную территорию; б) не имевшие собственной территории. Общее количество вооруженных сил контр-революции в 1919 г. Общая характеристика вооруженных сил контр-революции. Пополнение командным составом. Обучение и тактика. Выводы. Сравнение сил обеих сторон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Период эшелонной войны 167

Общая характеристика периода „эшелонной войны" и причины, обусловившие ее возникновение. Политические предпосылки вооруженного столкновения с контр-революционными правительствами Дона и Украины. Зарождение контр-революционных движений в Оренбургской и Уральской областях. Общий стратегический план советского командования. Силы и средства сторон. Начало боевых действий против Дона и Украины. Работа внутренних движущих сил революции на Украине и на Дону. Ликвидация украинской контр-революции. Заминка на Дону и ее причины. Захват жизненных центров контр-революции на Дону и разгром вооруженных сил донской контр-революции. Борьба с контр-революционными национальными частями. Борьба с оренбургским и уральским казачеством. Выводы. Борьба с внешней контр-революцией в лице Румынии и ее результаты. Выводы. Германская оккупация и ее значение для дальнейшего хода гражданской войны. Развитие и этапы контр-революционного движения на Кубани. Ледяной поход Добровольческой армии и его значение. Партизанская война в оренбургских и уральских степях. Общая обстановка в Сибири накануне свержения в ней Советской власти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Начало интервенции и образование фронтов гражданской войны 208

Внешняя и внутренняя политическая обстановка перед интервенцией Антанты. Эвентуальный план интервенции. Чехо-словацкий мятеж и его значение для контр-революционного движения на окраинах страны. Начало возникновения красного восточного фронта. Первоначальные планы сторон. Укрепление положения контр-революционных сил в Оренбургском и Уральском крае в связи с выступлением чехо-словаков. Захват белыми плацдарма в Сибири. Первоначальная организация красного восточного фронта. Выводы. Первые предвестники образования Северного фронта; мурманский десант. Мятеж левых эсеров и его влияние на ход военных действий. Развитие успехов белых на Восточном фронте. Дальнейшее усиление красного восточного фронта. План действий главкома Вацетиса. План белого командования восточного фронта. Падение Казани.

Стран

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Образование Сев. фронта и развитие борьбы на прочих фронтах 230

Образование Северного фронта. Выводы. Возникновение Южного фронта и летняя кампания на нем в 1918 году. Выводы. Осенняя кампания 1918 года на Восточном фронте; обратное взятие Казани. Летняя и осенняя кампании 1918 года на северном Кавказе. Летняя и осенняя кампании 1918 года в Терской области. Выводы.

Общее заключение 261

Источники 267

ВВЕДЕНИЕ.

Общий характер работы и предмет исследования.

Приступая к своему труду, автор невольно остановился в смущении перед обширностью и сложностью той исторической перспективы, охватить все величие которой едва ли по силам перу одного человека. Поэтому автор далек от претензий на исчерпывающую полноту своего труда. Он охотно сознает, что рамки его труда являются слишком узкими и недостаточными для описания того великого исторического катаклизма, который захватил собою $^1/_6$ часть суши и отзвуки которого потрясли собою весь мир.

Свою работу автор рассматривает, как попытку связать в единое целое те факты и эпизоды гражданской войны в России, которые, будучи известны большинству современников, как факты пережитого ими „сегодня“, для ближайшего поколения явятся уже историческим „вчера“.

Учитывая это обстоятельство, нам представляется уместным теперь же установить наиболее выдающиеся моменты эпохи гражданской войны, рассмотреть эти моменты в их взаимодействии, связи и зависимости от тех движущих сил, которые в конечном итоге определяли собою то или иное течение гражданской войны и ее результаты.

Таким образом, мы приходим к заключению о необходимости рассматривать военную сторону событий гражданской войны на базе тех социально-экономических условий, которые определяли собою группировку и динамику внутренних сил революции и контр-революции.

Отсюда возникает для военного историка неизбежность остановиться на политико-социальном анализе сил обеих сторон, определявших основные линии их политики и стратегии.

Поскольку Октябрьская революция была революцией, эвентуальные цели которой не ограничивались пределами одной бывшей империи, явилось не менее существенно необходимым разобраться в значении для судеб нашей гражданской войны факторов внешнего политического окружения РСФСР и той роли, которую для обеих сторон

играл процесс выявления предвестников общей революции в странах Европы.

Только в рамках внешней и внутренней политической обстановки, рассмотренной под этим углом зрения, можно, на наш взгляд, получить правильное представление о стратегии обеих сторон, которая в войне гражданской так полно отражала на себе влияния факторов политического порядка, как ни в какой иной войне.

Вместе с тем вовлечение в процесс войны всего народа в целом определило собою тот „абсолютный“ характер гражданской войны, когда все слои населения, все классы общества были волею истории поставлены по ту или другую сторону баррикад.

Последнее обстоятельство является одним из наиболее характерных признаков, отличающих гражданскую войну от войн империалистического порядка. А если это так, то для полного уяснения обстановки явилось существенно необходимым остановиться на роли и работе партий, игравших или пытавшихся играть ту или другую роль в политической борьбе.

Таковы были основные предпосылки, которыми руководствовался автор в замысле своей работы.

Он полагал, что величественная эпопея гражданской войны является результатом творчества не отдельных лиц или группировок, а творчеством классового коллектива, впервые вышедшего на историческую арену в качестве самостоятельного фактора, руководимого его авангардом в лице РКП.

Только при таком подходе к рассмотрению последующих событий мы можем сохранить правильность исторической оценки всего многообразия явлений минувшей гражданской войны и правильно определить место отдельных личностей в ходе этой войны.

Вот почему труд автора носит несколько своеобразную планировку, отличающую его от прочих военно-исторических трудов. Поскольку основной задачей автора явилось выявление работы движущих сил революции в различные периоды гражданской войны, автор был склонен рассматривать генезис гражданской войны, относя к нему первую борьбу с Украиной и Доном зимою 1917—18 г., как естественное продолжение того революционного процесса, который передал в руки пролетариата власть в обеих революционных столицах, Петрограде и Москве, в октябрьские дни 1917 г.

Исходя из этого, автор в оценке событий этого периода пользуется не лекалом общестратегических положений, а

тем критерием, который для стратегии и тактики революции дали в своей теории великие вожди пролетариата.

Сгущение борющихся сил обеих сторон, вовлечение стихийного движения масс в определенное организационное русло и уплотнение этих сил на территории переводят гражданскую войну в новый фазис, приближающий ее по формам к регулярной войне, со всеми вытекающими отсюда требованиями к управлению и командованию и с выявлением большого относительного значения этих последних.

Поэтому здесь уместна оценка их действий под углом зрения того критерия, который мы вообще применяем при оценке всех военных операций.

На наш взгляд поворотным моментом, определившим собою начало этого нового фазиса гражданской войны, явилось выступление чехо-словацкого корпуса в конце мая — июне 1918 г., положившее собою начало возникновению правильных фронтов гражданской войны и последовательному приближению методов ее ведения к методам действий больших организованных армий.

Германская революция в ноябре 1918 г. не отразилась на характере ведения войны и ее формах, но, вызвав коренную перегруппировку в факторах внешнего политического окружения РСФСР, она переместила центр тяжести стратегических сил на различных ее театрах и дала ряд новых обширных перспектив политике, сделав возможной попытку ставки на мировую революцию, что, в свою очередь, определило руководящую линию поведения советской стратегии. Это был опять тот момент, когда к оценке действий советской стратегии нельзя применить один только критерий — стратегическую догму, но нужно подойти и с точки зрения теории развития революции.

Поскольку ноябрьская революция в Германии определила собою новые пути для советской стратегии, мы сочли ее следующим поворотным моментом в ходе нашей гражданской войны, и, наконец, третьим таким моментом, знаменовавшим собою ее фактический конец в пределах России, мы считаем ликвидацию армий Колчака и Деникина, т.-е. декабрь 1919 г.—февраль 1920 г.

Следующий период — до конца 1920 г. являет нам уже картину классовой войны, впервые веденной в международном масштабе между РСФСР и белопанской Польшей, почему мы ее и оставляем вне рамок настоящего труда.

Врангелевская авантюра, хотя и осуществляемая осколками внутренней контр-революции, идеологически питается надеждами не на себя, а на успехи белых польских армий, оперативно тяготеет к ним, но поскольку она осуществляется

силами внутренней контр-революции, она также рассматривается нами, как одно из следствий внутренней гражданской войны.

Наконец, отдельные контр-революционные выступления на окраинах, как-то: в Сибири, Туркестане и пр., и волна бандитизма в некоторых внутренних областях РСФСР являются естественными отголосками бури гражданской войны, последними бурными всплесками укладывающейся в берега советского строительства стихии.

Исходя из этих, намечающихся при углублении в изучение недавно минувших событий, поворотных моментов, мы нашу работу предполагаем разбить на три тома.

Первый том, ныне предлагаемый вниманию читателя, охватывает собою очерк внешней и внутренней политических обстановок, краткий обзор театров и организации вооруженных сил обеих сторон и описание событий на различных фронтах гражданской войны, начиная от первой борьбы Советской власти с украинской радой и контр-революционным Доном до германской революции в ноябре 1918 г.

Второй том должен охватить собою эпоху гражданской войны от германской революции до ликвидации всех фронтов гражданской войны, т. е. примерно с конца ноября 1918 г. до ликвидации Врангелевской армии.

Литература.

Литература, относящаяся к нашей гражданской войне, в настоящее время уже достаточно обширна. В своем большинстве она носит мемуаристический характер, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В отношении количественном и объемном преимущество пока принадлежит белым зарубежным изданиям в силу весьма понятных причин: творцы новой жизни не имеют еще времени и возможности с исчерпывающей полнотой передать бумаге свои опыты и переживания.

Знакомство с белой литературой необходимо, поскольку из нее приходится черпать многие факты и подробности, особенно бытового порядка, бывшие нам мало известными или недостаточно освещенные; она же помогает проверке хронологии тех или иных событий, так-сказать, обратной засечкой, так как, надо правду сказать, в хронологии событий гражданской войны у нас часто встречаются погрешности, а кроме того, она дает представление о внутренних взаотношениях в стане белых.

Отбрасывая в сторону произведения памфлетического характера, не имеющие, конечно, никакой исторической ценности, мы наиболее полно использовали, главным образом, для уяснения фактической стороны дела труды Гинса

„Сибирь, союзники и Колчак“ (пекинское издание 1921 г.), III том труда генерала А. И. Деникина „Очерки Русской смуты“, К. Н. Соколова „Правление генерала Деникина“, а также том II „Воспоминаний“ генерала Лукомского, благодаря более историческому подходу их авторов к изложению описываемых событий, а также достаточному количеству документальных приложений.

Прочие белые источники использованы нами, главным образом, для извлечения из них штрихов бытового порядка, для характеристики режима белых правительств и их внешней и внутренней политики.

Из нашей современной литературы мы широко воспользовались работами В. А. Антонова-Овсеенко „Записки о гражданской войне“ и Л. Д. Троцкого „Как вооружалась революция“, главным образом для справок и ссылок фактического порядка; немалую пользу нам принесли также военно-исторические сборники ВНО при Военной академии. Главными же источниками при описании действий красной стороны нам послужили архивные документы и материалы в виде рукописных статей, дневников и пр.

Список тех и других источников, послуживших нам при разработке первого тома, приводится нами в приложении к настоящему тому.

Ценность всякого военно-исторического исследования значительно зависит от наглядности и изобразительности его картографических приложений.

В этом отношении автор считает себя особенно счастливым, так как иллюстрировать его труд соответствующими схемами любезно согласился А. Н. де-Лазари, пользующийся заслуженною известностью в области графического изображения мысли. Автор пользуется случаем принести искреннюю признательность тт. Я. А. Яковлеву, Р. А. Муклевичу, и Н. Н. Попову, которые чрезвычайно тепло и отзывчиво отнеслись к замыслу автора, поддержали его в его начинаниях и, не жалея собственного времени, весьма много помогли ему своими ценными указаниями при проработке некоторых глав этого труда.

Н. Какурин.

Москва. Январь 1925 г.

ГЛАВА I.

Внешняя политическая обстановка.

Исторические моменты, определяющие различную внешнюю группировку держав во время гражданской войны в России. Позиция и политика держав центрального блока до конца империалистической войны и после нее в отношении Советской России. Роль держав Антанты в русской гражданской войне до конца империалистической войны. Отношение Америки и Японии к гражданской войне в России. Влияние окончания мировой войны на внешнюю политическую обстановку РСФСР. Проект конференции на Принцевых островах. Внутреннее состояние стран Антанты, как один из мотивов этого проекта. Отношение советского и контр-революционных правительств к проекту конференции. Новая линия политики Франции. Линия политики белой Польши в русских делах. Положение Румынии. Положение и политика Англии в русском вопросе. Отношение мелких лимитрофных государств к гражданской войне в России. Роль и влияние держав Антанты во внутренних делах русской контр-революции. Характеристика отношений держав Антанты к белым правительствам. Политическое значение участия чехо-словацкого корпуса в гражданской войне в России. Отношение войск держав Антанты к мелким контр-революционным образованиям и местному населению. Выводы.

Исторические моменты, определяющие внешние группировки держав во время гражданской войны в России.

Октябрьская революция, выведя Россию из числа действующих факторов империалистической войны, поставила ее в совершенно новые взаимоотношения с великими мировыми державами; она же определила и новые цели каждой из них по отношению к новой, Советской России.

Нам предстоит определить роль и отношения великих держав к Советской России в течение всего периода гражданской войны; то и другое не являлось неизменным и постоянным в течение всего ее продолжения, равным образом группировки держав, их взаимоотношения, цели и степень активного участия в судьбах русской революции зависели от многих причин внешнего и внутреннего порядка в каждой из держав, поэтому наше изложение было бы очень сложно, если бы мы не установили заранее

определенных характерных моментов для всего периода гражданской войны и соответствующих им группировок держав.

После этого мы постараемся проследить роль и влияние на ход гражданской войны либо отдельных группировок держав, если цели их совпадали, либо каждой из них в отдельности, если их политика диктовалась различными мотивами.

Подходя к нашему изложению под этим углом зрения, мы должны признать, что конец империалистической войны явился тем переломным моментом во внешней политической обстановке для СССР, который определил собою, с одной стороны, крупные перегруппировки во внешнем политическом окружении союза, низвел к нулю роль таких могущественных внешних политических факторов, как державы срединного союза, а с другой стороны, развязал руки державам Антанты в смысле их более широкого активного участия в делах русской революции.

Поэтому естественно будет рассмотреть роль и значение для нашей гражданской войны держав центрального и антантовского блока от начала Октябрьской революции и до конца мировой войны и от этого момента до тех пор, пока не выявились окончательные результаты гражданской войны.

Позиция и политика держав центрального блока до конца империалистической войны и после нее в отношении Советской России.

Брестский мир застал Советскую Россию в состоянии величайшей военной слабости лицом к лицу с державами серединного союза, первенствующая роль в котором принадлежала Германии.

Условия этого мира, настолько тяжелые, что его нельзя было иначе и рассматривать, как „временную передышку", кроме невыгод для Сов. России чисто-материального порядка, создавали крайне невыгодную обстановку для развития и закрепления революции на Украине и на юге России. Вынужденное, в силу условий этого мира, отказаться от активной поддержки слабого и еще не окрепшего в борьбе украинского советского правительства, русское советское правительство должно было предоставить его своим собственным слабым силам в борьбе с волной германской оккупации, и последняя в начале мая 1918 г. докатилась до пределов Донской области, дав возможность разгореться тлевшему там пламени восстания.

Таким образом, германская оккупация не только положила временный предел распространению пролетарской

революции в пространстве, но прямо и косвенно содействовала образованию плацдармов, на которых начали организовываться и крепнуть силы контр-революции, поскольку влияние германской вооруженной силы сказывалось в известной мере и за пределами оккупационной зоны.

Контр-революционный Дон извлек для себя гораздо больше пользы от соседства с германской оккупационной зоной, чем Украина, захваченная ею. В интересы немцев не входило, очевидно, создание сильной Украины, которая впоследствии могла бы предъявить свои требования и протестовать против беззастенчивой экономической эксплоатации, согласно условий мира, заключенного германцами с центральной радой. Кроме того, окрепнув, Украина могла искать опоры в Австро-Венгрии и даже стремиться к унии с нею, что тоже не улыбалось немцам. Поэтому они препятствовали под благовидными предлогами формированию украинской вооруженной силы, но поощряли контр-революционные антиукраинские организации, формировавшие на территории Украины вооруженные отряды под различными лозунгами для действий вне территории Украины. Несомнено, здесь действовал и другой момент. Антиукраинские части состояли из офицеров,—элемента вполне надежного. Для создания же частей украинской армии приходилось в первую голову мобилизовывать крестьянство. Это было опасно.

Иначе обстояло дело с Доном. Провозгласив лозунги, хотя и временной, самостоятельности[1]), Дон, в лице своего атамана Краснова, выбранного на этот пост весною 1918 г., явно склонялся к германофильской ориентации, что нашло официальное подтверждение в виде известного письма атамана Краснова императору Вильгельму летом 1918 г., где первый, прося о признании самостоятельного Дона, обещал свое вооруженное содействие германцам на случай, если бы державам Антанты удалось образовать новый восточный фронт против германцев на территории России[1]). Слишком ничтожная по размерам и по количеству населения, чтобы когда-либо явиться серьезным противником Германии, Донская область, в условиях связанности главной массы германских сил войной на Западе, могла явиться временным выгодным попутчиком. почему германцы, особенно в лице своего военного командования, оказали ей свое покровительство, выразившееся, главным образом, в материальной помощи, а иногда и вооруженной поддержке. Поскольку

---

[1]) Подробности см. „Архив русской революции“, том V. Записки Краснова („Всевеликое войско Донское“), стр. 218—327.

Добровольческая армия, в лице своих руководителей, генералов Алексеева и Деникина, заявляла о своей верности союзническим обязательствам и не признавала платформы Брестского мира, германцы в принципе относились к ней отрицательно, хотя, не находясь в непосредственном с ними соприкосновении, она использовала к выгоде для себя результаты германской оккупации, которая развязала ей руки для действий на Кубани. Кроме того, испытывая постоянную нужду в огнеприпасах, эта армия тайным образом получала их от Краснова, в свою очередь получавшего их от немцев.

Единственно, что могли сделать германцы,— это воспретить вербовку добровольцев на территории Украины для этой армии и начать формирование добровольческих отрядов германофильской окраски в виде Астраханской армии и Южной русской армии, которые впоследствии слились с Донской армией.

Идеологически враждебная большевизму, императорская Германия вынуждена была некоторое время мириться с существованием советского правительства, поскольку его миролюбие, им неоднократно заявленное и доказанное, обеспечивало ее от угрозы возникновения нового восточного фронта. Однако, временная военная слабость советской республики заставляла Германию опасаться возникновения нового театра войны на советской территории, вопреки даже желанию РСФСР.

Оценивая роль германской политики того времени в судьбах нашей гражданской войны по ее действиям, можно притти к заключению, что, идеологически более близкая контр-революции, она стремилась к созданию такого положения вещей на территории бывшей Российской империи, чтобы отдельные части ее и все силы, выявившиеся в ней в процессе развития революции, равно испытывали ее влияние и, будучи взаимно враждебны, не могли образовать достаточно сильного объединения, безразлично—революционной или контр-революционной окраски. Короче, эту политику можно характеризовать древней формулой римской политики: „разделяй и властвуй“.

Поскольку державы Антанты в силу географических условий и общей стратегической обстановки могли проявлять свое реальное влияние на ход нашей гражданской войны в этот период только на весьма ограниченной в пространстве и отдаленной периферии, как-то: в Архангельске и Владивостоке, блоку серединных держав, во главе с Германией, принадлежала роль важнейшего внеш-

него политического фактора в начале гражданской войны, и роль эта была неблагоприятна для революции.

Прочие участники серединной коалиции, в лице Австро-Венгрии и Турции, не вели самостоятельной политики по отношению к Советской России, и роль их в нашей гражданской войне явилась соподчиненной политике Германии. Одно время Турция пыталась проводить на Кавказе самостоятельную политику, но ей это не удалось.

Капитуляция серединных держав осенью 1918 г. в момент, когда грандиозный масштаб гражданской войны начал обрисовываться вполне ясно, вычеркнула их из ряда главнейших внешних факторов политической обстановки нашей гражданской войны. Только одна Германия, на этот раз соглашательская, некоторое время играет роль второстепенного действующего фактора; но теперь она преследует ограниченные в пространстве цели: сохранив свое влияние в Прибалтике при помощи корпуса фон-дер-Гольца, тем самым обеспечить свои восточные границы от грозящей им волны большевизма; наконец, летом 1919 г. под давлением держав Антанты, главным образом Англии, она окончательно выходит из числа внешних политических факторов нашей гражданской войны, отозвав корпус Гольца на родину.

Роль держав Антанты в русской гражданской войне до конца империалистической войны.

Мы уже коснулись причин, замедливших во времени выступление держав Антанты в качестве крупного внешнего политического фактора, определившего собою до известной степени самый ход войны.

Значение этого фактора нарастало постепенно. Оно начало проявляться с самых отдаленных окраин нашего Союза, и Сибирь с ее обширной территорией, а также беломорское побережье явились первыми плацдармами активных выступлений держав Антанты в роли непосредственных участников нашей гражданской войны. Эти выступления еще предшествовали концу империалистической войны и имели свой период предвестников, на которых мы сейчас и остановимся.

Подобно тому, как Германия в только-что описанном периоде являлась полным выразителем политики всего блока серединных держав в отношении к Советской России, так и политика держав Антанты в указанное время не представляла сколько-нибудь выдающихся особенностей со стороны отдельных членов этой коалиции; разница интересов, а в связи с этим и способов действий, выявилась значительно позднее, почему первоначально мы рассмотрим политику держав Антанты в отношении к Советской России в общем и целом.

Октябрьская революция сильнее всего затронула и военные, и экономические интересы, главным образом, держав Антанты; в их отношении к ней сомневаться не приходилось, да и они нисколько не скрывали своих истинных к ней отношений.

Однако, еще несколько месяцев после октябрьского переворота мы видим в пределах Советской России не только военные миссии держав Антанты, но и все их дипломатическое представительство, несмотря на то, что официально они отказались признать совершившийся переворот и новое правительство России; мало того: иностранные военные агенты принимают участие в обсуждении проектов организации Красной армии и на этих совещаниях делают свои указания и замечания [1]), а в Мурманске устанавливается даже деловое сотрудничество между тамошним советом, английским адмиралом Кемпом и начальником маленького французского экспедиционного отряда в целях обеспечения Мурманской железной дороги от покушений германцев и белогвардейцев со стороны Финляндии [2]).

Столь странное положение вещей объясняется двумя причинами: во-первых, надеждой держав Антанты до окончательного подписания Брестского мира на восстановление фронта против немцев на территории России, хотя бы и под советской фирмой, во-вторых, надеждами на свержение советского правительства путем взрыва его изнутри,—надеждами, усиленно поддерживаемыми контр-революционными буржуазными и соглашательскими кругами России, после того как оно сыграет свою роль в создании нового противогерманского фронта [3]).

Ни то, ни другое не осуществилось. Советское правительство, согласившись на подписание Брестского мира, выгодного ему в качестве передышки, должно было сосредоточить все свое внимание на укреплении власти и борьбе с организующейся контр-революцией, вовсе не намереваясь в угоду Антанте бросаться в авантюру новой войны с Германией; силы же внутренней контр-революции сами по себе оказались настолько слабы, что свержение советского правительства путем внутреннего переворота им оказалось не по плечу. Таким образом, отношения Антанты к Советской России в течение первого полугодия 1918 г. носили двой-

---

[1]) М. Левидов, „К истории союзной интервенции в России“, изд. „Прибой“, Ленинград, 1925 г., стр. 87.

[2]) Там же, стр. 99.

[3]) Подробности см. М. Левидов, „К истории союзной интервенции в России“, изд. „Прибой“, Ленинград, 1925 г., стр. 31—44, 46.

ственный и колеблющийся характер. Лишь к средине июня 1918 г. в странах Антанты началась открытая кампания в пользу интервенции, конечная цель которой выражалась в свержении советского правительства.

Одновременно со своими официальными выступлениями, начиная с весны 1918 г., державы Антанты, при посредстве своих дипломатических и военных представителей, начинают принимать активное участие в подготовке внутренних контр-революционных взрывов на территории Советской России [1]); результаты этой работы сказываются в ряде вспышек контр-революционного характера в начале июля 1918 г. в Ярославле, Муроме и некоторых других городах,—вспышек, быстро подавленных, однако, советским правительством; одновременно назревает мысль и об активном вмешательстве во внутренние дела РСФСР и в более широком масштабе там, где Антанта располагает для этого возможностями и средствами. Возможности для активного вмешательства Антанты в дела РСФСР в этот период мировой войны представляют пока лишь порты нашего северного и дальневосточного побережий, и действительно, мы видим, что Владивосток, а затем Архангельск являются первыми жертвами антантовской оккупации, произведенной ею собственными своими силами и средствами. Бродящий по РСФСР чехо-словацкий корпус, обманутый ловко пущенным провокационным слухом, что его хотят выдать германцам, является прекрасным средством забросить семя интервенции и в самую середину Советского Союза, недоступную для иностранных эскадр; и действительно, он подымает восстание в конце мая 1918 г., образовав собою остов будущего восточного фронта и получив значительные денежные средства от консулов Англии и Франции. Тогда же выясняется преимущественная заинтересованность Англии мурманским побережьем, а Франции—Сибирью.

Но еще раньше этих событий в европейской части Советского Союза на путь активной интервенции на Дальнем Востоке вступила Япония, за которою впоследствии же выступили С.-А.Соед. Штаты.

Этими странами руководили мотивы несколько иного порядка, чем прочими державами Антанты, почему их влияние на ход нашей гражданской войны носило иной характер, проявилось на определенно ограниченном пространстве, и их линия поведения шла часто вразрез с линией поведения остальных держав Антанты. Исходя из этого, отношение их

---

[1]) См. Левидов, „К истории союзной интервенции в России", стр. 112, 119.

к гражданской войне в России и их участие в этой войне должны быть рассмотрены особо.

Отношение Америки и Японии к гражданской войне в России.

Общим в политике обеих этих держав по отношению к Советской России было то, что активная борьба с революцией отнюдь не составляла главной цели их интервенции.

Япония, вопреки ожиданиям Франции и Англии и своей агитации в печати, вводя свои войска на территорию Дальнего Востока, руководствовалась интересами установления там своего преимущественного влияния, а не задачами борьбы с большевизмом во всероссийском масштабе; не в ее целях было существование какой-либо сильной власти в пределах Сибири. Поэтому она покровительствовала лишь таким контр-революционным образованиям на Дальнем Востоке, которые, не будучи сильны сами по себе, вместе с тем преследовали самостоятельные цели, шедшие часто вразрез с политикой центральной сибирской власти, хотя бы и белой. К числу таких образований относились войсковые формирования атамана Семенова в Забайкалье и атамана Калмыкова в Уссурийском крае; некоторую помощь им оказывали и французы [1]). Действительно, в дальнейшем мы видим, что отряды Семенова неоднократно нарушают приказания верховного правителя Колчака, и дело чуть не доходит до вооруженной борьбы между ними и войсками Колчака, которой не допускают японцы, беря Семенова под свое покровительство. Впоследствии Япония помогала образованию целого ряда последующих дальне-восточных экзотических правительств, например, правительства Меркулова, никогда не пытаясь распространить свое влияние западнее Забайкалья.

Причиной активного выступления Америки в восточной Сибири было именно опасение роста там японского влияния [2]), а кроме того, оно являлось уступкой президента Вильсона, противника интервенции, нажиму со стороны Франции и Англии [3]).

---

[1]) Г. К. Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“ (1918—1920 гг.), т. II, Пекин, 1921 г., стр. 43.

[2]) Начальник английского экспедиционного отряда в Сибири Джон Уорд в своей книге „Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг.“ категорически это утверждает. Официальная американская декларация об интервенции указывает, что Япония послала свои войска в Сибирь по просьбе Америки. Поведение американских войск в их оккупационной зоне, косвенно помогавших всем противникам японцев и опиравшимся на них белым, как бы подтверждает мнение Уорда.

[3]) М. Левидов, „К истории союзной интервенции в России“, Изд. „Прибой“, Ленинград, 1925 г., стр. 50- 63.

Официальная американская декларация о целях интервенции от 5-го августа 1918 г. начиналась следующими словами: „Военное вмешательство скорее принесет России вред, нежели помощь в ее тяжелом положении“. Поэтому американское правительство свою интервенцию объясняло следующими мотивами:

1) желанием оказать покровительство и помощь чехословакам против нападения на них бывших австрийских и германских военно-пленных;

2) желанием сохранить в России военные склады, необходимые для ее будущей армии;

3) желанием оказать русским помощь, которая может быть принята ими в организации их собственной самозащиты (под этим разумелась борьба с Германией).

Поэтому правительство Соединенных Штатов предлагало „правительству Японии отправить во Владивосток отряд из нескольких тысяч человек, в целях совместной деятельности с американскими войсками“ [1]). Последнее, впрочем, было сделано им и без этого приглашения еще ранее, а именно 4-го апреля, но в ограниченных размерах и с ограниченной целью, якобы, защиты своих подданных во Владивостоке.

Далее американское правительство заявляло, что оно не имеет в виду „произвести какое-либо территориальное изменение ни теперь, ни потом“. Декларация Японии, последовавшая 6-го августа, повторяла приблизительно те же мотивы, при чем не был также упущен аргумент о помощи „доблестным чехо-словацким войскам“ [2]).

Еще большим лицемерием отличались декларации Англии и Франции от 22-го августа и 19-го сентября 1918 года. Союзники утверждали, что единственным мотивом их интервенции являлось желание „помочь спастись от раздела и гибели, грозящих России от руки Германии, которая стремится поработить русский народ и использовать для себя его неисчислимые богатства“ [3])

На самом же деле правительствами Антанты в их действиях руководили мотивы совершенно иного порядка.

Прежде всего их беспокоила возможность для Германии использовать те многочисленные людские резервы в виде военно-пленных, которые еще пребывали на территории

---

[1]) Г. К. Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“ (1918 1920 гг.). т. II. Пекин. 1921 г., стр. 46.

[2]) Там же, стр.47

[3]) Там же, стр. 48.

России, а также извлечь экономические выгоды из мира с ней [1]).

В использовании экономических возможностей России союзники были заинтересованы не менее, чем германцы. Наконец, чехо-словацкие войска, а в дальнейшем и румыны, и поляки, и сербы интересовали их не сами по себе, а как человеческие ресурсы для возможного продолжения борьбы с Германией.

Восстановление на территории России правительства или правительств буржуазного или соглашательского типа открывало также благоприятные перспективы в отношении уплаты долгов, в чем особенно была заинтересована Франция.

Влияние окончания мировой войны на внешнюю политическую обстановку РСФСР.

Окончание мировой войны, т.-е. осень 1918 года, начинает собою третий фазис во внешнем политическом окружении РСФСР.

С окончанием этой войны центр тяжести интервенции переместился из Азии в Европу и стал ближе, благодаря открытию Дарданелл, к жизненным центрам революции и контр-революции. Вместе с тем в лице Германии исчез тот грозный для Антанты призрак, который объединял внешнюю политику Антанты и ее боевые усилия.

С окончанием мировой войны каждое из государств, входивших в состав Антанты, стало прежде всего думать о собственных интересах. Это и послужило причиной той несогласованности в действиях и целях, которое с этого времени особенно заметно наблюдается у держав Антанты в русском вопросе. Эта несогласованность проявилась в полной мере позднее; пока же конец мировой войны способствовал выявлению двух главнейших внешних врагов русской революции, Англии и Франции, поскольку роль Америки и Японии в судьбах нашей гражданской войны с этого времени становится менее заметной, а лимитрофные государства находятся еще в периоде своего образования.

Открытие Дарданелл дает доступ политическому и военному влиянию Антанты в те области, где до сих пор безраздельно господствовала германская ориентация. Подобно тому, как в начале гражданской войны Украина по своему

---

[1]) С агитационной целью в прессе Антанты несколько раз подымалась ожесточенная кампания, что, якобы, советское правительство вооружает этих военнопленных для борьбы с Антантой под контролем Германии. Ложность этих провокационных слухов была категорически опровергнута донесением представителей Антанты Хигсом и Вебстером. См. об этом у Левидова, „К истории союзной интервенции в России", стр. 102—103.

географическому положению и политическим устремлениям правящих партий первая явилась объектом германских оккупации и влияния, так и теперь она должна была первой пережить ломку ориентаций, совпавшую с внутренним сдвигом ее политических сил, о чем мы будем говорить ниже, коснувшись здесь лишь в двух словах внутренних событий на Украине, постольку, поскольку это необходимо для уяснения себе первых политических ходов союзников в отношении Украины и юга России.

Конец мировой войны, почти совпавший во времени с революциями в Австро-Венгрии и Германии, развязал те внутренние разнородные силы на Украине, которые были придавлены гнетом германской оккупации. Социал-соглашательские и шовинистические элементы, группировавшиеся вокруг лозунгов самостийной, но демократической Украины, пытались возглавить революционное крестьянство, стремившееся к низвержению гетманской власти и начавшее открытую борьбу с гетманским правительством, при нейтралитете полуразложившихся в условиях оккупации германских войск. Гетманское правительство, не имевшее никакой точки опоры внутри страны, в надежде на поддержку Антанты, поспешило переменить ориентацию и вступило в сношения с ее представителями. Антанта, в лице своих представителей и прессы, усиленно муссировала слухи о размерах той помощи, которую она намеревалась оказать антисоветскому блоку.

Во второй половине ноября последовала декларация союзников, в которой они заявляли, что они вступают в Россию для поддержания порядка и освобождения ее от „узурпаторов - большевиков". Как германцы, так и они являются не завоевателями, а защитниками права и порядка [1]).

Вскоре на совещании, происходившем в Яссах между русскими белогвардейскими общественными и политическими деятелями и послами Антанты, при видном участии французского посланника в Румынии де-Сент-Элера, были установлены следующие положения:

1) Державы Антанты содействуют созданию России в прежних границах, за исключением Польши и Финляндии. 2) Форма государственного строя союзниками не предрешается. Вопрос этот подлежит решению всероссийского учредительного собрания, созданного путем новых выборов. 3) На Украине союзники согласны поддерживать власть, поддерживающую порядок, при условии отказа ее от само-

[1]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 142—148.

стийной политики. 4) Для свержения большевиков державы Антанты решили создать единый фронт из всех возникших на территории России армий, поставив во главе их Добровольческую армию. 5) Очищение России от большевиков решено было производить одновременным нажимом с юга и севера. 6) Державы Согласия предполагают одновременно в ближайшие дни двинуть свои войска с Амура и Архангельска, одновременно произведя десантную операцию в некоторых пунктах Балтийского моря.

Вместе с тем, в киевских политических кругах усиленно распространялись слухи, что командующий Добровольческой армией, генерал Деникин, назначается союзниками главнокомандующим всеми вооруженными силами на территории России, действующими против большевиков.

Намечались базы для предстоящих операций союзников; таковыми должны были явиться Варна, Одесса и Новороссийск.

Вместе с тем продолжалось продвижение союзных войск к пределам РСФСР. Французские войска в количестве двух дивизий под командою французского генерала Бертелло заняли линию Журжево—Бухарест.

Гетманское правительство еще раньше в свою программу поспешило внести пункт о федерации с Россией [1]).

Мы видим, что во всех этих событиях Франции принадлежит если не первенствующее, то во всяком случае весьма видное место. Так оно и было до весны 1919 года, когда, в связи с неудачей французского десанта в районе Одессы, Херсона, Николаева, а также финансовых затруднений в кредитовании русских белогвардейских правительств, начала намечаться другая линия политики Франции в русском вопросе.

Проект конференции на Принцевых островах.

Но прежде чем перейти к этой новой линии поведения Франции в деле борьбы с большевизмом и в русском вопросе, нам следует остановиться на одном моменте, весьма характерном для двойственной и колеблющейся политики держав Антанты в русском вопросе.

Ведя деятельные переговоры с представителями различных контр-революционных направлений и правительств о способах и методах поддержки их и оказывая уже эту поддержку им материально и морально, фактически осуществив интервенцию на беломорском побережье и в Сибири, дер-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 114, 116.

жавы Антанты пожелали демонстрировать свое миролюбие перед лицом своих народных масс, пригласив на конференцию на Принцевых островах представителей всех правительств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, в том числе и советского.

Истинные мотивы созыва этой конференции следует искать, конечно, не в официальных декларациях, а в невольных, быть-может, признаниях выдающихся государственных и политических деятелей Антанты.

Ллойд-Джордж в палате общин, например, следующим образом излагал значение приглашения большевиков на Принцевы острова: 1) против России нельзя послать войска; 2) в России необходимо восстановить порядок [1]).

Приглашение на конференцию ко всем правительствам, существовавшим на территории России, последовало 25-го января 1919 года [2]). Это приглашение встретило единодушное отрицательное отношение со стороны всех контрреволюционных правительств на территории России. Представители контр-революционных окраинных группировок, в лице Чайковского и Сазонова, заявили от имени своих правительств об отказе от всяких переговоров с большевиками.

Буржуазное общественное мнение, в лице своих органов печати, в странах Антанты также высказывалось против примирительной линии поведения в отношении большевиков.

Консервативная английская газета „Таймс" писала, что „большевики должны быть уничтожены в пределах России"; другая газета „Дейли Телеграф" утверждала, что „никакая победа на Западе, как бы велика она ни была, не будет полной, если не будет сопровождаться освобождением и переустройством Великой России".

Наконец, в Америке сенатор Мак Кемор заявил, что долг союзников и Соединенных Штатов требует немедленного отправления в Россию достаточного количества войск, для того, чтобы разбить большевиков и дать возможность русскому народу образовать прочное правительство.

Эти заявления в достаточной мере характеризовали отношение очень влиятельных элементов буржуазии к пролетарской революции в России, и, тем не менее, буржуазные правительства Антанты не решались последовать советам воинствующей части буржуазии.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 227, лл. 155—167.

[2]) Гинс. „Сибирь, союзники и Колчак" (1919—20 гг.), том II, стр. 89.

Внутреннее состояние стран Антанты, как один из мотивов конференции на Принцевых островах.

Причины этому явлению следует искать не в мотивах идеологического порядка. Победители в мировой войне чувствовали себя далеко непрочно во внутреннем отношении. Революционное брожение в странах серединных держав находило живой отклик в народных массах стран Антанты, утомленных и разоренных 4-летней войной, все тяготы которой легли на их плечи. На Европу надвигался угрожающий призрак безработицы в связи с сокращением военной промышленности и предстоящей массовой демобилизацией. В связи с этими настроениями и общей усталостью от войны в войсках Антанты, особенно французских, господствовали демобилизационные настроения, и наблюдались частичные революционные брожения, которые легко могли разрастись в серьезное революционное движение при соприкосновении с живыми и энергичными возбудителями классовой идеологии в массах, в лице красных советских войск. Австро-венгерская и германская оккупационные армии своим примером показали, что лозунги пролетарской революции находят живой отклик в солдатских массах вне зависимости от их национальности, и брожение на судах черноморской французской эскадры весною 1919 г., принявшее сразу классовый характер, показало, что эти настроения далеко не чужды армиям держав-победительниц [1]).

Таким образом, вооруженная интервенция в условиях данной политической и экономической обстановки Европы являлась оружием обоюдоострым, а конференция давала возможность капиталистическим странам попытаться путем переговоров добиться от советского правительства удовлетворения хотя бы части своих экономических претензий к России.

Отношение советского правительства к конференции на Принцевых островах.

Соглашаясь принять участие в конференции на Принцевых островах, советское правительство отдавало себе ясный отчет в ее истинных мотивах. Охраняя жизненные интересы широких рабочих и крестьянских масс, представителем которых оно являлось, советское правительство склонно было отнестись к этой конференции так же, как оно в свое время отнеслось к Брест-

[1]) Первый случай брожения на французском броненосце „Мирабо“, выразившийся в митинге матросов, вынесших резолюцию о нежелании участвовать в гражданской войне в России, имел место еще в конце 1918 г. на одесском рейде. См. об этом у Маргулиеса, „Год интервенции“, Берлин, 1923 г.

скому миру. Выяснение экономических претензий Антанты к Советской России и хотя бы частичное их удовлетворение могло дать советскому правительству необходимую передышку для устройства внутренних дел советской страны, а главное избавить ее от излишних кровавых жертв.

Антанта не приняла предложения советского правительства непосредственно мирно договориться об условиях дальнейшего совместного существования, и гражданская война продолжала свое дальнейшее течение.

Новая линия политики Франции.

С момента неудачи проекта конференции на Принцевых островах начинает постепенно выявляться новая точка зрения французского правительства на русские дела. Эта точка зрения нашла вскоре законченное выражение в известном проекте тогдашнего главы французского правительства Клемансо о создании системы буферных государств между Советской Россией и прочими странами Европы. Подготовка общественного мнения к этому проекту началась в момент переговоров о конференции на Принцевых островах.

Французский министр иностранных дел Пишон заявлял, что союзники пришли к полному соглашению по русскому вопросу, а бывший посол в России Нуланс пояснял, что союзной миссии в Польше, председателем которой он состоит, удастся примирить поляков, чехов, украинцев и германцев и соединить их для совместной борьбы с большевиками.

Окончательное оформление эта мысль получила в начале апреля 1919 года, когда 4-го апреля помощник статс-секретаря по иностранным делам Амбари заявил в палате депутатов, что французское правительство, не намереваясь совершать экспедицию в Россию, решило оказывать действительную помощь против большевиков нациям, находящимся в соседстве с Германией. „Французское правительство,— говорил Амбари далее,—будет помогать им доставкою оружия, денег, обмундирования, экипировки и продовольствия всякого рода“ [1]).

Эта новая линия политики нашла фактическое выражение во всех последующих действиях Франции в продолжение нашей гражданской войны.

Прежде всего, именно в момент объявления этой новой линии поведения во французской палате депутатов Фран-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 277, лл. 155—167.

ция спешно отозвала свои войска, оккупировавшие Одессу, Николаев и Херсон с зимы 1918 г.

Вскоре последовал уход французских войск с беломорского побережья; только французский флот принимал еще участие в блокаде берегов РСФСР, но и он в сентябре 1919 года покинул Черное море, вошедшее с тех пор целиком в сферу английского влияния [1]).

Таким образом, начиная с весны 1919 года, Франция центр тяжести своего активного участия в борьбе с большевизмом переносит на укрепление и усиление в военном отношении вновь возникающих лимитрофных государств, главным образом Польши.

Дальнейший ход событий гражданской войны показал, что эта политика Франции причинила Советской России наибольший реальный вред. Подняв на ноги в военном отношении белую Польшу, Франция тем самым содействовала продолжению гражданской войны еще на год; но результаты этой политики сказались лишь постепенно, а именно к началу 1920 года, когда белая Польша выступила, как отдельно действующий внешний активный фактор европейской контр-революции.

Поскольку внешняя политика этого наиболее могущественного в военном отношении из лимитрофных государств находилась в тесной зависимости от политики Франции и руководилась ею в значительной мере, уместно будет здесь же остановиться на роли и значении белой Польши в судьбах гражданской войны в России.

Линия политики белой Польши в русских делах.

Кроме интересов Франции, белая Польша в своей активной борьбе с Советской Россией преследовала и собственные, близкие ей интересы. Не входя в анализ и изложение причин, выдвинувших ко власти в Польше буржуазно-шовинистическое правительство, во главе которого стал Иосиф Пилсудский, отметим только, что целью этого правительства во внешней политике явилось стремление к распространению на восток до пределов Польши 1772 года, что отдавало в руки белой Польши Литву, Белоруссию и значительную часть Украины с населением, чуждым Польше по национальности и политически тяготевшим к очагу великой пролетарской революции. Это распространение на восток должно было неминуемо привести и привело белую Польшу к вооруженному столкновению с Советской Россией, а тем

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 96, л. 35.

самым и с большевизмом, что вполне отвечало интересам Франции. Поэтому последняя, несмотря на свои торжественные заявления о стремлении к сохранению целости и единства России, благосклонно взирала на территориальные расширения Польши на востоке.

Занимая обширный участок сухопутного контр-революционного фронта, белая Польша действовала на нем изолированно, вне связи с действиями прилегающих к ней участков, занятых силами прочих контр-революционных образований, а иногда и вопреки их интересам. Это, конечно, являлось весьма выгодным обстоятельством для советской стратегии. В летний период 1919 года наиболее мощной контр-революционной силой, с которой могла бы войти в связь и действовать совместно польская армия, являлась Добровольческо - Кубанско - Донская армия, возглавляемая генералом Деникиным.

Однако, опасаясь невыгодных для себя последствий восстановления „единой неделимой“ России в случае победы деникинской армии, Польша сочла себя вынужденной воздержаться от активного содействия ей. Советские войска разгромили Деникина при нейтралитете польской армии.

Положение Румынии.

Румыния, не являясь вассалом Франции в такой мере, как белая Польша, все же находилась в орбите французской политики; интересы последней и ее собственные определяли ее враждебное отношение к Советской России. Однако, в ходе русской гражданской войны она явилась несравненно менее активным фактором, чем Польша.

Широко провозглашаемые белыми правительствами России лозунги „единой и неделимой России“ заставляли Румынию опасаться за судьбу захваченной ею Бессарабии в случае полного торжества контр-революции в России. Кроме того, непомерно раздувшаяся от территориальных приобретений после окончания мировой войны Румыния с трудом переваривала свои вновь присоединенные окраинные области, с ненавистью относившиеся к ее гнету.

Роль Румынии в гражданской войне в России выразилась поэтому во враждебном нейтралитете по отношению к Советской России. Ее активная помощь контр-революции носила весьма ограниченные размеры и выражалась, главным образом, в оказании временного приюта тем контр-революционным организациям и вооруженным силам, которые выбрасывались на ее территорию мощными ударами советских войск.

Положение и политика Англии в русском вопросе.

Таким образом, к весне 1919 года частичные изменения в отношениях держав Антанты к русским делам выдвинули Англию на первое место в ряде держав-покровительниц русской контр-революции. Официальный руководитель тогдашней внешней английской политики Ллойд-Джордж и еще более военный министр Черчилль являлись ярыми сторонниками активной интервенции. Английские десанты продолжали вести активную борьбу с советскими войсками на беломорском побережье, английское обмундирование, снаряжение, огнеприпасы и вооружение обильной струей лились в базы Добровольческой армии. Английские эскадры продолжали блокаду берегов РСФСР и, где только было возможно, содействовали операциям белогвардейцев на суше.

Однако, в процессе назревания кризиса гражданской войны начала меняться точка зрения у руководителей английской политики на их участие в русских делах. Этой перемене содействовали причины внутреннего и внешнего порядка. С одной стороны, английское буржуазное правительство начинало все сильнее ощущать на себе давление английской рабочей партии, которая выступала, как самостоятельный политический фактор с определенной политической программой, одним из основных требований которой было невмешательство в русские дела; с другой стороны, сторонники активной интервенции, да и сам Ллойд-Джордж были обескуражены неудачами русских белогвардейцев в Сибири и Прибалтике.

Уже в августе 1919 года английская печать всех оттенков била тревогу по поводу положения английских войск на севере России. Английские газеты, в виду невозможности ожидать помощи со стороны других держав и отказа Финляндии от активных действий на севере, считали в качестве единственного выхода из положения вывод английских войск с беломорского побережья.

И действительно, последовательная эвакуация английских войск с севера России началась уже в сентябре 1919 г. [1]).

Неудачи армий Деникина и Юденича осенью 1919 года вызвали следующее заявление Ллойд-Джорджа: „я считаю,— говорил он,—что большевизм не может быть поражен мечом и что в конце-концов придется принять другие меры для заключения мира с Россией“ [2]).

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 130, лл. 183—219.
[2]) В.-уч. арх., дело № 96, л. 43.

18-го ноября 1919 года в заседании палаты общин Ллойд-Джордж заявлял, что английское правительство не в состоянии до бесконечности финансировать русские белые правительства, и изъявил намерение созвать международную конференцию для разбора русского дела [1]).

Эти новые тенденции английской внешней политики окончательно оформились к весне 1920 года, когда английское правительство сделало первые непосредственные шаги к установлению деловых сношений с советским правительством.

Отношение мелких лимитрофных государств к гражданской войне в России.

Мелкие государства, возникшие на окраинах бывшей Российской империи, в лице Финляндии, Эстонии, Латвии, будучи политическими врагами советского государства, были слишком слабы сами по себе, чтобы вести по отношению к нему самостоятельную враждебную политику. Блокирование их с российской контр-революцией на платформе совместной борьбы с Советской властью исключалось вследствие упорного нежелания первой признать какие-либо права их на самостоятельное существование в дальнейшем, в то время как одним из основных моментов внешней политики советского правительства являлось признание права на самостоятельное существование окраинных народов России.

Немаловажную роль играла экономическая заинтересованность лимитрофных государств в мире с Советской Россией, и, кроме того, в их народных массах были крайне непопулярны идеи войны с Советской властью.

Лишь под влиянием настояний Антанты эти государства тянули вооруженную борьбу с Советской Россией и оказывали вынужденное гостеприимство белогвардейским отрядам на своей территории. Таков был, например, противоестественный симбиоз Северо-Западной армии Юденича, открыто не признававшего самостоятельности Эстонии, с ее армией в течение лета и осени 1919 года.

Приморское положение этих государств ставило их внешнюю политику в тесную зависимость от Англии. Отказ последней от активного вмешательства в русские внутренние дела позволил этим государствам уклониться от прямого участия в русской гражданской войне, при чем и раньше оно носило больше характер активной обороны в непосредственной близости собственных границ; 2-го февраля 1920 г.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 96, л. 43.

Эстония заключила мир с Советской Россией; 11-го августа 1920 г. и 14-го октября того же года мир с Советской Россией заключили Латвия и Финляндия [1]).

Роль и влияние держав Антанты во внутренних делах русской контр-революции.

Отрицательное влияние держав Антанты на ход гражданской войны в России по отношению к советской стороне сказалось не только в той военной и материальной поддержке, которую белые правительства получали от них. Не менее важным фактором, содействовавшим внутреннему укреплению сил контр-революции, являлось то влияние, которое оказали державы Антанты на установление единоначалия в стане контр-революции, что, конечно, отразилось прежде всего на ходе военных операций белых армий.

Внутренние взаимоотношения в стане контр-революции нами будут рассмотрены в подробностях в дальнейшем. Здесь же укажем на то обстоятельство, что к моменту конца мировой войны, когда у союзников окончательно развязались руки для вмешательства во внутренние дела России, в стане контр-революции не было достаточной согласованности действий. Местничество многочисленных правительств, их взаимные препирательства и нежелание подчинить интересы частные интересам общим прежде всего отражались в невыгодную сторону на руководстве боевыми операциями.

На юге России донской атаман Краснов враждовал с генералом Деникиным; в Сибири и в Поволжье ряд местных областных правительств действовал на началах полной автономности не только во внутреннем, но и в военном отношениях.

Первой задачей политики Антанты в этом отношении явилось стремление установить большее единство в управлении, что в дальнейшем фактически и выразилось в установлении генеральских диктатур: в Сибири — адмирала Колчака, на юге России — генерала Деникина, в Прибалтике — генерала Юденича и на севере России — генерала Миллера. Все эти местные диктаторы, под влиянием поощрений Антанты, признали над собою власть, правда, только номинально, „верховного правителя России" — адмирала Колчака незадолго до его окончательного падения.

Результаты этой политики впервые сказались в Сибири. Чтобы водворить там политическое и военное единоначалие, пришлось инсценировать переворот в ноябре 1918 года,

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1163.

опиравшийся на прибывший в Омск английский отряд полковника Уорда[1]), после чего вся совокупность власти перешла в руки адмирала Колчака.

Краснов подчинился Деникину, под влиянием угроз союзников в отказе от всякой помощи чем бы то ни было до установления единого военного командования. 26-го декабря 1918 г. Краснов признал, наконец, власть Деникина, и последний 8-го января 1919 г. отдал приказ о своем вступлении в командование всеми вооруженными силами юга России[2]).

Лишь украинская директория, образовавшаяся после свержения правительства гетмана Скоропадского, продолжала упорно отказываться от сотрудничества с правительственными образованиями южной контр-революции до признания ими самостийности Украины, за что была оставлена союзниками без признания и без сколько-нибудь серьезной материальной поддержки.

Характеристика отношений держав Антанты к белым правительствам.

В оценке действительного отношения держав Антанты к русскому народу и стране отнюдь нельзя основываться на их официальных декларациях. Свое вмешательство во внутренние дела России они старались использовать для извлечения собственных выгод при всяком удобном случае, при чем нередко интересы капиталистических клик сталкивались во взаимных противоречиях.

Особенно резко это сказывалось в Прибалтике; там решающее влияние принадлежало Англии; подобно императорской Германии, и она вовсе не стремилась к воссозданию мощи России в прежних размерах: всюду, где на балтийском побережье усиливалось русское влияние, английская дипломатия принимала меры для его ослабления. Прибалтика являлась тем театром, на котором ослабленная Германия могла еще проявлять свое активное участие. Поэтому политика Антанты здесь преследовала не столько интересы создания противобольшевистского фронта, сколько задачи ослабления германского влияния. Это было достигнуто ею: Германия вынуждена была отозвать генерала фон-дер-Гольца, после чего командуемые им войска развалились, а англичане приказали русским белогвардейцам

---

[1]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак", том II, стр. 5.

[2]) Лукомский, „Воспоминания", том II, Берлин 1922 года, стр. 129. „Архив русской революции", т. V. Краснов, „Всевеликое войско Донское", стр. 218—327.

сформировать северо-западное правительство (Лианозова), дав на это сроку — 40 минут [1]).

Полная зависимость белых правительств от их высоких покровителей чувствовалась и на других фронтах. Эта зависимость сразу была подмечена народным юмором, характеризовавшим в популярной песенке, распевавшейся в сибирских белых армиях, „правителя омского“, Колчака, словами, что у него „погон российский“, а „фасон английский“.

Действительно, верховный правитель являлся не более, как игрушкой в руках иностранных военных представителей и иностранных войск. Так, прибывший по поручению союзных правительств в Сибирь французской службы генерал Жанен был облечен званием „главнокомандующего войсками союзных с Россией государств, действующими на востоке России и в западной Сибири“, и адмирал Колчак должен был согласовать с ним свои общие оперативные директивы. Английский генерал Нокс ведал вопросами тыла и снабжением, предоставляемым союзными правительствами для нужд русского фронта, почему военный министр Колчака должен был согласовать свою работу с задачами, возложенными на генерала Нокса [2]).

Железнодорожные сообщения Сибири находились в руках союзных войск и под их охраной. На территории Дальнего Востока скрытое соперничество между японцами и американцами нашло отражение и в их военной политике. В то время, как американцы в сфере своей оккупации сочувственно относились к народным движениям против колчаковской власти, японцы придерживались обратной политики в отношении красных партизанских отрядов, но зато энергично поддерживали атамана Семенова в его выступлениях против Колчака [3]).

Чем больше клонилась к закату звезда Колчака, тем бесцеремоннее становилось отношение к нему союзников. 26-го сентября 1919 г. союзное командование, например, потребовало удаления колчаковских отрядов из русской крепости Владивостока, угрожая в противном случае применить вооруженную силу [4]). Наконец, окончательно убедившись в проигрыше колчаковского дела, союзники бросили Колчака и его правительство на произвол судьбы.

---

[1]) „Архив русской революции“, 1922 г., том II, стр. 143—169.
[2]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, стр. 82—83.
[3]) Там же, стр. 178—180.
[4]) Там же, стр. 338.

Политическое значение участия чехо-словацкого корпуса в гражданской войне.

Основной военной силой для проведения интервенции на Поволжье и в Сибири в руках Антанты явился на первых порах чехо-словацкий корпус. Роль этих войск в истории гражданской войны на Восточном фронте не исчерпывается только ее военным значением, поскольку чехо-словаки не остались безучастными зрителями тех политических событий, которые происходили в районе их действий.

В конце мая 1918 года чешские эшелоны раскидывались длинной лентой на пространстве великих русских путей от Пензы до Владивостока. В этот момент, повинуясь указаниям Антанты и опасаясь в силу искусно веденной провокации, что они в качестве военно-пленных будут выданы Австро-Венгрии и Германии, они активно выступили на защиту русской контр-революции. В первые моменты выступление чехов было предпринято, главным образом, под влиянием инстинкта самосохранения, но тогда уже их ближайшими союзниками являлись антисоветски настроенные русские офицерские организации. В дальнейшем чехо-словаки вышли из состояния политического нейтралитета по отношению к внутренним делам Сибири, при чем их симпатии явно склонялись на сторону эсеровской ориентации. Они деятельно поддерживали своим влиянием стремление членов комитета учредительного собрания первого созыва создать правительство, которое признало бы это собрание. Под сильным давлением представителей чехо-словацких войск, заявивших, что чехо-словацкие войска немедленно очистят фронт, если не будет сформировано правительство, признающее программу учредительного собрания, образовалась уфимская директория.

Само собой разумеется, что при таком настроении руководящих чехо-словацких кругов и всей массы, кристаллизация генеральских диктатур не могла найти в них сочувственного отклика.

Однако, впоследствии, под давлением союзников, они не оказали противодействия омскому перевороту 19-го ноября, произведенному адмиралом Колчаком. „Когда же до чехо-словацкой массы дошла весть, что Германия капитулирует, никакие силы не могли уже заставить эту массу продолжать войну. Лозунг „домой“ стал самым популярным среди чехов“ [1]).

Оставление чехами фронта гражданской войны началось с конца 1918 года. Выйдя из сферы непосредственной опасности, чехо-словацкое войско начало быстро разлагаться

[1]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, стр. 527.

в моральном отношении, им овладела страсть к обогащению, что отразилось и на его военных качествах.

Иркутский комитет партии социалистов-революционеров в своих прокламациях указывал на непростительную жестокость, проявляемую чехо-словацкими войсками к местному русскому населению, на участие их в грабежах и насилиях разного рода.

Отношение войск держав Антанты к мелким контрреволюционным правительствам и правителям и местному населению.

Чем незначительнее и мельче были контрреволюционные образования на территории России, тем отношения к ним со стороны Антанты были более бесцеремонны и тем менее представители последней старались под благовидными предлогами скрывать истинные цели и намерения интервенции.

Особенною грубостью и прямолинейностью в этом отношении отличались французы. Характерную иллюстрацию только-что сказанному дает бывший донской атаман Краснов в одной из своих статей [1]).

28-го января 1919 г. французский представитель капитан Фукэ предложил Краснову и донскому кругу подписать условия, согласно которым они признавали, „как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношениях, власть французского главнокомандующего генерала Франшэ д'Эсперэ. Далее шли обязательства экономического порядка, которые сводились к нижеследующему: донское правительство обязывалось из средств войска выплатить все убытки французских граждан в Донецком бассейне, и где бы они ни находились, убытки, происшедшие в виду отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались: в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы и пр.

Кроме того, донское правительство должно было возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков их убытки, равным образом заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5% надбавки за все то время, когда эти предприятия почему-либо не работали, начиная с 1914 года.

Такие условия ставились тогда, когда мелкие белые правительства располагали хотя бы клочком собственной территории и некоторыми видами на будущее.

Когда же ни того, ни другого не было, то французское командование поступало еще проще.

---

[1]) См. Архив русской революции, том V. Краснов „Всевеликое войско Донское“, стр. 218—327.

В апреле месяце 1919 года экзотическое крымское белое правительство готовилось к спешному бегству с территории Крыма, которому угрожало наступление Красной армии. Сев 10-го апреля 1919 г. на греческие суда с разрешения французского военного командования, в лице полковника Труссона, объявившего себя военным губернатором Севастополя, крымские министры были вновь потребованы Труссоном на берег. Когда они явились к нему, Труссон объявил им, что не отпустит обратно никого из них до тех пор, пока они не пополнят кассу, опустошенную расходами на эвакуацию, при чем срок был дан до 11 часов утра следующего дня. Делегация министров, пытавшаяся жаловаться французскому адмиралу, не была принята им. Труссон выполнил свою угрозу и до тех пор держал на севастопольском рейде крымское правительство, пока оно не выдало ему всех своих ценностей [1]).

Мы отметили уже в своем месте отношение к местному населению чехо-словацких войск, которые составляли часть вооруженных сил интервенции, глубже других распространившуюся на территориях Советского Союза. Чехо-словаки не составляли исключения в этом отношении.

Дела союзников не отвечали словам их деклараций; об этом красноречиво свидетельствует следующй документ, который мы приводим полностью, так как после него становятся излишними всякие комментарии:

„Архангельск. Главнокомандующему войсками северной области Айронсайду.

Командованию русских красных войск северной области стало известным, что вверенными вам войсками в деревне Кузонемское, Леуновской волости, Пинежского уезда, были взяты в качестве заложников девять членов семьи служащего в рядах Красной армии Кулакова. Шесть членов этой семьи, в том числе старик-отец, 64 лет, и мать, 53 лет, после боя, происходившего 13-го июня в районе Усть-Пога—Рагозерская — Труфаногорская, были расстреляны. Второй такой же случай имел место в начале июня, когда захваченные в плен два члена холмогорского уисполкома Факон и Беданов и секретарь шенкурского увоенкома были также расстреляны. Возмущаясь фактом столь бесчеловечного отношения к мирным жителям и русским подданным, не принимавшим участия в военных действиях, русское командование выражает энергичный протест по поводу (этих) действий и считает долгом предупредить английское командование, что за каждый случай подобного расстрела мы

---

[1]) „Архив русской революции", 1922 г., том II, стр. 135—141.

будем вынуждены отдать приказание расстрелять такое же количество заложников или пленных союзного командования.

Командование армией“[1]).

(Отправлена по радио 25-го июня 1919 года).

Выводы. Советская Россия в гражданской войне действовала в кольце внешнего капиталистического окружения, скреплявшего и поддерживавшего силы внутренней контр-революции, оформившиеся в организованные войсковые соединения на ее окраинах.

Положение советского правительства в этом отношении можно сравнить лишь с положением французского конвента в эпоху первой французской революции в масштабе, увеличенном соответственно времени и размерам территории, охваченной войной.

Занимая центральное положение по отношению к силам внутренней и внешней контр-революционных коалиций, Советский Союз имел над ними важное преимущество в отношении единства и согласованности действий, осуществленных благодаря твердо проведенной диктатуре пролетариата в союзе с крестьянством и твердому руководству со стороны РКП.

Результатом этого союза было то, что Красная армия непрестанно усиливалась от притока тяжелых крестьянских резервов, тогда как попытки белогвардейцев опереться на широкие крестьянские массы, путем призыва их в ряды белых армий, влекли только разложение этих армий.

Этого единства и согласованности действий не было в стане внешних и внутренних врагов революции, в силу чего их военная политика носила двойственный и колеблющийся характер.

Частично это происходило в силу объективных причин— трудности согласования в действиях всякой коалиции; частично в силу тех ошибок, которых могла бы избежать более гибкая дипломатия русской контр-революции. Этой последней не удалось объединить усилий лимитрофных государственных образований с силами отечественной контрреволюции из-за принципиальных разногласий о „единой и неделимой“, а это обстоятельство значительно укрепило положение лагеря революции. Таким образом, ряд внутренних разногласий образовывал ряд чувствительных трещин в мощном на первый взгляд здании контр-революционной коалиции и ослаблял ее. Были и другие причины внутрен-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 921, л. 136.

ней слабости внешней коалиции, связывавшие в значительной мере ее свободу вмешательства во внутренние русские дела: общественное мнение широких масс стран буржуазных правительств в отношении Советской России. Весна и лето 1919 года ознаменовались нарастанием революционного кризиса во многих странах Европы. В марте 1919 года произошли коммунистические революции в Баварии и Венгрии. Хотя они и были подавлены штыками вассалов Антанты, но свидетельствовали о пробуждении в европейском пролетариате сознания международной общности его интересов.

Результаты этого революционного сдвига в сознании широких народных масс Европы в полной мере проявились, однако, в 1920 году, когда европейский пролетариат выступил активно, как организованная политическая сила, воспрепятствовав своим правительствам, главным образом в Англии, оказать действительную поддержку белой Польше в ее борьбе с Советской Россией.

Исходя из правильной оценки внутреннего взаимоотношения сил антисоветской коалиции, советское правительство резко отделяло политику правящих верхов стран Антанты от действительных настроений их широких масс и неоднократно обращалось за поддержкой к их общественному мнению, что, в конце-концов, дало свои результаты.

Так, 23-го апреля 1919 года наркоминдел тов. Чичерин отправил радио к трудящимся всех стран с протестом против блокады и интервенции [1]).

Впоследствии, особенно в конфликте с белой Польшей, советское правительство неоднократно прибегало к подобному же способу действий, который обеспечивал ему идейную поддержку широких народных масс во всем мире.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 6136, л. 125.

ГЛАВА II.

Внутренняя политическая обстановка.

Внутренняя политическая обстановка. Главнейшие движущие силы революции и контр-революции и их относительное значение. Угнетенные нации. Соотношение внутренних сил в лагере революции и основные моменты внутренней политики советского правительства. Группировки внутренних сил в стане белых и основные линии внутренней политики белых правительств. Правительство Колчака; его возникновение, эволюция, политическая физиономия, режим, падение; взаимоотношения с прочими белогвардейскими правительствами.

Главнейшие движущие силы революции и контр-революции и их относительное значение.

Основными движущими силами в гражданской войне явились пролетариат, буржуазия и крестьянство. Последний слой являлся колеблющимся элементом громадного удельного веса, бросавшимся из одной стороны в другую и в конечном итоге определявшим собою окончательное соотношение сил обеих сторон.

Класс пролетариата и класс буржуазии являлись наиболее активными силами русской революции, боровшимися за свое дальнейшее государственное существование.

На стороне первого были революционный энтузиазм, энергия, стремление к победе и, наконец, численное превосходство; на стороне второго—материальные и интеллектуальные возможности, организационный опыт, поддержка держав капиталистического мира, энергия отчаяния, поскольку вопрос шел о сохранении себя, как правящего класса.

Оба класса являлись в общем и целом слишком малочисленными для страны с более чем 100-миллионным крестьянским населением для того, чтобы самостоятельно бороться за разрешение тех исторических задач, которые были поставлены в порядок дня Октябрьской революцией.

Для продолжения борьбы они искали расширения своего базиса в многомиллионной крестьянской массе.

Экономическая неоднородность крестьянства в целом обусловила наличие двух слоев среди него самого; зажиточный слой крестьян-кулаков идеологически тяготел к лагерю буржуазии и сделался ее опорой в момент, когда

обеим борющимся сторонам пришлось заботиться об укреплении своего базиса; крестьянская беднота сделалась революционным попутчиком пролетариата с самых первых дней Октябрьской революции.

Но между двумя этими слоями находился третий, весьма многочисленный слой среднего крестьянства, массы которого могли образовать те тяжелые резервы, могучая волна которых смела бы сопротивление той или иной из борющихся сторон.

Угнетенные нации.

Наконец, известным слагаемым в общую группировку движущих сил той или другой стороны должны были войти угнетенные нации. Не представляя ничего специфического в отношении только-что рассмотренных факторов под экономическим и социальным углом зрения, они стояли на различных ступенях в отношении культурного уровня и политической сознательности, почему привлечение их на ту или другую сторону зависело от национальной политики борющихся сторон, от того, насколько они шли навстречу пробудившимся экономическим, политическим и культурным потребностям этих наций, угнетенных при царизме.

Поскольку территории, населенные ранее угнетенными нациями, неоднократно служили в процессе гражданской войны театром военных действий, их отношение к происходящим событиям имело свое влияние на ход гражданской войны.

Соотношение внутренних сил в лагере революции и основные моменты внутренней политики советского правительства.

Победа Октябрьской революции была обеспечена, в лице многочисленной армии, совместными усилиями пролетариата и крестьянства, руководимых партией пролетариата РКП.

Продолжение борьбы за плоды Октябрьской революции требовало сохранения союза рабочего класса с крестьянством. Таким образом, вопрос шел о том, чтобы и в дальнейшем сделать крестьянство попутчиком революции, опираясь на те его слои, которые были близки к пролетариату.

Обстановка гражданской войны делала возможным и неизбежным присутствие на территории Советской власти и классовых врагов, в лице буржуазии и примыкающих к ней элементов. Этот класс, лишенный политических прав и возможности легальной борьбы, направлял все свои усилия на борьбу с Советской властью подпольными путями.

Многочисленные тайные общества, из которых наиболее широкое распространение и лучшую организацию полу-

чили так-наз., „национальный центр“, „союз возрождения“ и др., поддерживали оживленные сношения со своими сторонниками по ту сторону фронта и за границей; они вербовали агентов, старались насадить своих сторонников в войсковых частях и советских учреждениях, и при их непосредственном участии и содействии летом 1918 г. произошел целый ряд восстаний в более или менее крупных центрах Советского Союза, например, в Ярославле, Муроме и др. городах.

Политическая окраска всех этих организаций колебалась от чисто-монархической до буржуазно-республиканской.

Несмотря на разницу политических программ, деятельными помощниками этих организаций в их разрушительной работе являлись партии соглашательского толка, в лице меньшевиков и эсеров. Этим партиям в процессе нашей гражданской войны суждено было сыграть ту же роль, какую в сложной машине играет система передачи: посредством этих партий буржуазия пыталась действовать на массы, не имея возможности непосредственно руководить ими из-за неприемлемости для них ее политической физиономии. Интересно остановиться несколько на позиции и тактике обеих партий в отношении Советской власти в лице их руководящих органов. ЦК партии меньшевиков, начиная с чехо-словацкого мятежа и до германской революции конца 1918 года, проводил политику „нейтралитета“, опасаясь, чтобы активность партии не пошла на пользу реставрации [1]); результатом такой позиции ЦК меньшевиков было то, что их местные организации оставались без всякого идейного руководства и в большинстве случаев действовали на собственный риск и страх, составляя либо безобидную оппозицию белогвардейскому режиму, либо плетясь у него в хвосте. Партия социалистов-революционеров вскоре после октябрьского переворота перешла одной из первых в лагерь активнейших противников Советской власти. В той борьбе, которую повели эсеры против рабоче-крестьянской власти, они не пренебрегали решительно никакими способами, включ-

[1]) И. Майский в своей статье „Демократическая контр-революция“ для характеристики этого нейтралитета приводит следующий анекдотический ответ члена меньшевистского ЦК, Мартова, депутации железнодорожников, членов партии, спрашивавших при возникновении чехо-словацкого мятежа, как им вести себя при появлении чешских или большевистских войск.—„Держите нейтралитет“, отвечал им Мартов. Когда же железнодорожники просили пояснить эту формулу, он им сказал: „Ну, пожалуй, в отношении большевиков держите нейтралитет враждебный, а в отношении эсеров и чехов—дружественный“.

чительно до террористических актов. Однако, главною целью партии являлась организация широкого вооруженного выступления, чтобы при помощи „массового действия" опрокинуть Советскую власть.

Покушения на виднейших вождей пролетариата, непрерывный ряд заговоров, восстания в войсках и в населенных центрах,—все это не обошлось без видного участия партии эсеров. Эта же партия не менее буржуазных организаций была замешана в деятельных сношениях с агентами и посольствами Антанты. Против разрушительной тактики контр-революционного подполья советское правительство вынуждено было применить красный террор.

Будущий историк отметит, по справедливости, что пролетарская революция использовала его не как оружие нападения, а как оружие самозащиты, при чем продолжительность его действия была поставлена в строгую зависимость от действительной в нем необходимости.

Железной рукой обуздав контр-революционные выступления буржуазии и примыкающих к ней элементов внутри страны, советское правительство, укрепив тем самым свое внутреннее положение, могло приступить к разрешению неотложной задачи по расширению базиса революции в стране и выявлению своего отношения к тем главным факторам внутренней динамики, о которых мы говорили выше.

Тов. Ленин на VIII съезде РКП, происходившем в марте 1919 г., нисколько не скрывал сложности предстоящей задачи.

Существующее взаимоотношение сил он выпукло характеризовал следующими краткими словами своей вступительной речи на съезде: „Если по отношению к буржуазии борьба наша формулируется словом „борьба", „подавление", если по отношению к пролетариям и полупролетариям эта задача формулируется—„наша опора", то здесь задача (говоря в отношении крестьянства. *Н. К.*), несомненно, более сложная" [1]).

В дальнейшем сквозь все заседания съезда красной нитью проходит вопрос об установлении отношения руководящей партии к среднему крестьянству, при чем попутно ставится вопрос и об отношении к мелкой буржуазии.

„Главный урок,—говорит т. Ленин,—быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и мелкой буржуазии... от нас потребуется частая перемена

---

[1]) „Восьмой всероссийский съезд Российской Коммунистической партии. Протоколы заседаний и резолюции", издательство казанского отдела печати, 1919 г., стр. 4.

линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным“ [1]).

Практически это отношение к среднему крестьянству, по мысли т. Ленина, должно было выразиться в целом ряде конкретных мер, которые „давали бы что-нибудь среднему крестьянину“.

Эти меры требовались и интересами „самосохранения, и интересами борьбы против всех наших врагов“ [2]).

В тесной связи с первым вопросом стоял и вопрос о самоопределении наций, т.-е. о политике в отношении угнетавшихся царизмом наций. По мнению т. Ленина, в национальном вопросе добиваться единства надлежало проповедью, агитацией, добровольным союзом.

„В этом деле,—говорил тов. Ленин,—мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо“ [3]).

Как одна из конкретных мер, долженствующих установить правильные взаимоотношения с мелкобуржуазной крестьянской стихией, съездом была выдвинута мера по улучшению личного состава советского административного аппарата на местах [4]).

Главенствующим из всех вопросов на съезде явился вопрос о среднем крестьянстве, во всем его объеме. В своей резолюции по вопросу о работе в деревне съезд признал, что „в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним“ [5]).

В плоскости практической вновь устанавливаемая линия политики в отношении среднего крестьянства должна была найти выражение в том, чтобы тяжесть чрезвычайного налога целиком ложилась на кулаков, на немногочисленных представителей эксплоататорского крестьянства, нажившего себе особые богатства за время войны [6]).

Далее резолюция съезда указывала, что „социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь

---

[1]) Там же, стр. 11.
[2]) Там же, стр. 44.
[3]) Там же, стр. 69.
[4]) Там же, стр. 116.
[5]) Там же, стр. 144.
[6]) Там же, стр. 145.

крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и, в особенности, улучшенными с.-х. орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения с.-х. культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян“ [1]).

В отношении угнетавшихся царизмом наций устанавливались принципы полного равноправия наций и федеративного объединения государств, организованных по советскому типу.

Правильность руководящих линий поведения в отношении среднего крестьянства и национального вопроса подтвердилась дальнейшим ходом событий.

Мероприятия, указанные VIII съездом РКП, определили сосредоточение центростремительных сил революции вокруг руководящей партии и влитие тяжелых крестьянских резервов в русло революции в момент решительной схватки, что определило конечную победу.

Диктатура пролетариата обеспечивала надлежащее единство действенных сил революции и чрезвычайно упрощала схему внутренних взаимоотношений; эта диктатура в результате постановлений съезда приобрела себе прочный и обширный базис не только в пролетарских и полупролетарских слоях населения, но и в многомиллионном слое среднего крестьянства. Наконец, политика в отношении национального вопроса также способствовала увеличению сил пролетарской революции.

Таким образом, внутреннее соотношение сил на стороне красных складывалось целиком в их пользу.

Группировки внутренних сил в стане белых и основные линии внутренней политики белых правительств.

Внутренние взаимоотношения в стане белых рисуются несравнённо более сложными. Здесь приходится остановиться не только на внутреннем взаимоотношении сил, но и на их оттенках, поскольку каждая из окраин, на которых утверждались временно белые правительства, в этом отношении представляла свои местные особенности, а внутренняя политика белых правительств осложнялась их взаимоотношениями и борьбой партий и течений, происходившей внутри них самих и вызывавшей известную эволюцию этих правительств, что, в свою очередь, влекло за собою изменения в их линии поведения во внутренней политике. Поэтому представляется необходимым при рассмотрении соотноше-

---

[1]) Там же, стр. 146.

ния внутренних сил в стане белых остановиться особо на возникновении различных белых правительств, их эволюции, политической физиономии и их взаимоотношениях.

Мы уже указывали, что буржуазия, оценивая масштаб предстоящей борьбы, в свою очередь искала приращения своих классовых вооруженных сил путем союза с эксплоататорскими слоями крестьянства—кулаками.

Население казачьих областей давало в этом отношении более благоприятные перспективы. Среди казачества кулацкий слой был более многочислен и более равномерно распространен по территории казачьих областей, чем в остальных губерниях бывшей России. Поэтому далеко не случайно буржуазия стремилась обосновать очаги своего сопротивления именно на территории казачьих областей.

Попутно буржуазия приобрела и другую крупную выгоду. Области эти, будучи расположены на окраинах, обеспечивали более легкие сношения отечественной контр-революции с внешней контр-революционной коалицией.

Правда, и в этих цитаделях внутренней контр-революции имелись те внутренние силы, которые политически и экономически тяготели к лагерю революции и являлись источником внутренней слабости для контр-революционных правительств.

Силами этими являлись рабочий класс и малоземельное и безземельное крестьянство казачьих областей, особенно же в Донской и Кубанской областях, известное под названием иногородних.

Иногородние не пользовались правами самоуправления в казачьих областях и не участвовали в войсковых органах управления; благодаря своему малоземелью, они являлись поставщиками дешовой рабочей силы для кулацких хозяйств; это был тот элемент, который наиболее выигрывал от утверждения Советской власти на территории казачьих областей.

Рабочий класс, достаточно многочисленный в Донской области, являлся тем слоем населения, который наиболее страдал от режима белых и, само собой разумеется, более тяготел к советскому режиму, чем к какому бы то ни было из режимов, устанавливаемых на территориях, занимаемых белыми.

Если в окраинных казачьих областях являлось возможным, опираясь на кулацкие элементы, насильственно нейтрализовать крестьян-середняков и бедняков, то, по мере расширения своего плацдарма, контр-революция должна была встретиться лицом к лицу с крестьянской стихией,

и от позиции этой стихии зависели дальнейшие судьбы контр-революции.

Такая именно обстановка сложилась для контр-революции весною и летом 1919 года.

Мы проследили уже линию поведения в отношении крестьянства, принятую РКП на VIII ее съезде.

Посмотрим теперь, как складывались те же отношения в стане белых.

Наш обзор мы начнем с внутренней политики правительства Колчака во всех этих вопросах, поскольку остальные с бо́льшим или меньшим уклоном в сущности повторяли ту же политику.

Вопрос о земле был практически и исчерпывающим образом разрешен Октябрьской революцией. Белые правительства могли либо признать его как совершившийся факт, либо попытаться в этом отношении, как и во всех прочих, повернуть колесо истории обратно.

Средний путь, как всегда бывает в великих исторических кризисах, не мог привести к цели, но белые правительства попытались пойти первоначально именно по этому пути.

Весною 1919 г. правительство Колчака издало декларацию по земельному вопросу, в которой было объявлено о праве крестьян, обработавших чужую землю, снять с нее урожай. Давая в дальнейшем ряд обещаний о наделении землей безземельных и малоземельных крестьян, правительство указывало на необходимость возврата захваченных земель мелких земельных собственников, обрабатывавших их своим трудом, и заявляло, что „в окончательном виде вековой земельный вопрос будет решен национальным собранием“ [1]).

Эта декларация была таким же топтанием на месте, как и политика временного правительства в земельном вопросе, и являясь посуществу безразличной для сибирского крестьянина, не имевшего дела с помещиком, она не давала ничего конкретного и определенного крестьянству приволжских губерний.

Правительство юга России, возглавляемое генералом Деникиным, еще менее могло удовлетворить крестьянство своей земельной политикой, потребовав предоставления владельцам захваченных земель трети всего урожая; некоторые агенты власти этого правительства пошли еще дальше, начавши водворять изгнанных помещиков на старых пепелищах [2]).

---

[1]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, том II, стр. 152—153.

[2]) См. об этом записки генерала Лукомского, том II. Лукомский утверждает, что подобные явления происходили без ведома и одобрения высшей гражданской власти, во главе которой стоял он сам.

Таким образом, две наиболее крупные контр-революционные группировки не смогли в силу самой сущности своей классовой природы наладить свои взаимоотношения с многомиллионной массой крестьян-середняков, что и предопределило собою их последующее падение.

В отношении рабочего класса политика всех белых правительств в теории не шла дальше туманных обещаний, а на практике выражалась в ряде репрессий по отношению к рабочему классу, подавлении профессиональных союзов, разгроме рабочих организаций и пр.

Поскольку колыбелью белых правительств преимущественно явились окраины бывшей Российской империи, этим правительствам в большей или меньшей мере пришлось столкнуться с фактором, который нашел свое выражение именно там, как протест против многовекового национального и бюрократического гнета центра. Фактор этот был— стремление к самостийности и автономии отдельных областей, нашедший поддержку в кругах интеллигенции и отчасти мелкой буржуазии. Там, где этот фактор осложнялся еще национальным моментом, как, например, на Украине, на Кубани, в Закавказье, автономно-сепаратистские тенденции приобретали особо резко выраженный характер. Будучи естественной реакцией против гнета царизма, эти тенденции отмерли при советском правительстве, которое сумело направить их в русло широкой политической и культурной автономии на общей базе единения всех трудящихся; но белогвардейские правительства, подходившие к этим течениям со служебным лозунгом „единой и неделимой России“ и накладывавшие свою тяжелую руку на „обывательские“ свободы, скоро разочаровали те мелкобуржуазные элементы и городскую интеллигенцию, которые первоначально пошли-было за ними.

Население не могло ожидать ничего лучшего от власти белых и в будущем, поскольку она непрерывно эволюционировала в сторону кристаллизации генеральских диктатур со всеми их последствиями в виде единоличного военного режима.

Соглашательские партии своей колеблющейся политикой открывали путь для этих диктатур, после чего бесцеремонно, как мавр, сделавший свое дело, выбрасывались из рамок законного существования, а буржуазия, с поощрения Антанты, выдвигала из своих рядов военного диктатора, который и присвоивал себе всю полноту власти в военном и гражданском отношениях; вне зависимости от общих целей, преследуемых диктаторами и совершенно не отвечавших насущным интересам широких масс населения, устанавли-

ваемый военными диктаторами режим сам по себе не мог внушить населению ничего, кроме ненависти и отвращения.

Но прежде чем подойти к характеристике этого режима, нам необходимо проследить возникновение белогвардейских правительств и их эволюцию до превращения их в генеральские диктатуры.

Правительство Колчака; его возникновение, эволюция, политическая физиономия, режим, падение.

Наше обозрение мы опять-таки начнем с востока, поскольку Поволжье и Сибирь явились колыбелью правительств, претендовавших на „общегосударственное“ значение.

Мы опускаем моменты образования маленьких самочинных белых правительств на окраинах Сибири, имевших место еще с самого начала 1918 года, главным образом на территории Восточно-Китайской железной дороги, поскольку они не сыграли сколько-нибудь значительной роли в ходе нашей гражданской войны и не были признаны Антантой.

Несравненно большее значение принадлежит тем правительствам, которые возникли, как следствие чехо-словацкого мятежа летом 1918 года, кроме существовавших уже на востоке России мятежных казачьих правительств Оренбургского и Уральского казачьих войск.

Центрами этих вновь образовавшихся правительств явились Самара и Омск.

Самара была захвачена чехами 8-го июня 1918 года, и в тот же день на чешском автомобиле и под чешской охраной в здание городской думы были доставлены пять членов распущенного учредительного собрания, находившиеся в то время в наличности в Самаре, которые и объявили себя „правительством“ под именем „самарского комитета членов учредительного собрания“, начавшего со следующего дня именоваться просто „комитетом членов учредительного собрания“ в знак всероссийского характера вновь образовавшейся власти.

Не имея первоначально никакой собственной вооруженной силы, „комитет“ мог существовать, лишь опираясь на чехо-словацкие штыки, почему первой задачей эсеров, входивших в состав „комитета“, было обеспечение за собой дальнейшего содействия чехов. Это было ими достигнуто при усиленной поддержке трех самозванных французских „консулов“ Гине, Жанно и Комо, не имевших, между прочим, никаких полномочий от своего правительства. Однако, отчасти под влиянием их настояний, чехи согласились продолжить свое пребывание на волжском фронте, пока „комитет“ не сформирует собственной армии, что и дало ему

возможность просуществовать пять месяцев до падения своего под ударами сибирского диктатора Колчака.

Образование „комитета“ являлось первым шагом к тому „массовому действию“, о котором мечтала партия эсеров, поэтому интересно познакомиться с политической физиономией и дальнейшими судьбами этого детища эсеров.

В своей политической программе „комитет“ ставил две основных цели.

1) созыв разогнанного 5-го января 1918 года учредительного собрания;

2) восстановление на Волге антигерманского фронта для ликвидации Брестского мира и доведения совместно с союзниками до победоносного конца борьбы против прусского милитаризма.

В отношении внутреннего устройства России „комитет“ мыслил ее в качестве федеративной демократической республики с широкой культурно-национальной автономией национальных меньшинств.

В области экономической политики „комитет“ формально признавал национализацию земли, но практически он не доводил до конца своих начинаний в этой области, не конфискуя, например, тех поместий, которые еще находились в руках своих прежних владельцев, и расплачивался полностью за приобретаемый им помещичий хлеб. Наконец, в области социальной и финансовой политики „комитет“ проявил большую заботливость об интересах буржуазии.

Политика „комитета“ обеспечила ему поддержку только со стороны меньшевиков.

Рабочие массы Самары недвусмысленно выразили свое отрицательное отношение к комитету на собранной вскоре после переворота общегородской рабочей конференции. Таково же было отношение к нему и прочей рабочей массы Поволжья и Урала, открыто стремившейся к восстановлению Советской власти.

Менее определенное и скорее безразличное отношение крестьянства к „комитету“ скоро также ухудшилось, после того как крестьянство увидело в объявленной „комитетом“ мобилизации двух призывных возрастов покушение на свою свободу.

Мобилизация проходила туго; „комитет“ прибегал к репрессивным мерам, которые еще более раздражали крестьянство.

Наконец, политическая программа „комитета“, являвшаяся в сущности программой буржуазной демократии, не удовлетворяла и местную буржуазию: буржуазия территории „учредительного собрания“ перешла в оппозицию к „коми-

тету" с конца июля, а сибирская буржуазия сделала это еще ранее.

Уже в конце июня 1918 года на происходившем в Омске съезде торгово-промышленников открыто ставился вопрос о военной диктатуре.

Эти реставрационные течения местной буржуазии окончательно оформились на новом съезде торгово-промышленников, происходившем в Уфе, накануне государственного совещания; резолюция съезда явно высказывалась за военную диктатуру.

Таким образом, единственной социальной базой для „комитета" являлись городская интеллигенция и небольшие группы эсеров и меньшевиков.

В области армейского строительства „комитет" пошел по пути, обеспечившему господство в армии черносотенных и реакционных элементов, явившихся преторианской гвардией „комитета", которая, главным образом, и содействовала его падению.

По мере расширения периферии действий чехо-словацких отрядов на территории, освобождаемой от советских войск, плодились новые правительства, из которых некоторые номинально признавали власть „комитета", а некоторые оспаривали ее.

Так, во второй половине июля 1918 года, после занятия города Екатеринбурга чехо-словаками, в нем образовалось „областное правительство Урала", претендовавшее на территорию Пермской губернии и часть горно-заводского Урала. Кроме правительств, построенных по территориальному признаку, появились правительства, построенные по признаку национальному. Башкиры претендовали на собственное башкирское государство с собственным советом министров. Киргизы образовали свою „Алаш-Орду", которая все время колебалась между Омском и Самарой.

Наконец, на роль экстерриториального правительства претендовало еще пребывавшее в Уфе „национальное управление тюрко-татарских племен", возникшее в результате трех всероссийских мусульманских съездов, происходивших в Казани летом 1917 года.

Но главным соперником „комитета", впоследствии поглотившим его, являлось сибирское областное правительство.

Оно возникло тем же путем, как и „комитет", т.-е. в результате чехо-словацкого переворота, в Сибири в июне 1918 года. Опираясь на более мощно развитые в Сибири офицерские контр-революционные организации и мобилизованные казачьи части, оно явилось более реакционным по природе,

почему процесс кристаллизации реакционных сил в Сибири пошел быстрее, и сибирское областное правительство вскоре вступило в скрытую борьбу с сибирской областной думой, собравшейся в Томске и стоявшей на платформе буржуазной демократии. Расширение территории и практические неудобства, вытекавшие из обилия различных правительств, вызвали попытку двух главных претендентов на власть договориться о конструкции „всероссийской“ власти [1]).

После двух предварительных попыток, сделанных летом 1918 г., в сентябре и октябре того же года в городе Уфе состоялось совещание делегатов различных местных правительств по вопросу о сформировании единой власти. Это совещание присвоило себе название „государственного“, и в результате его, под сильным давлением чехо-словацких представителей, на что мы указывали в своем месте, была образована „уфимская директория“, в составе пяти членов, из них трое из состава бывшего „комитета учредительного собрания [2]).

Пока белые заняты были организацией верхушки своего правительства, неудачи на фронте вынудили уфимскую директорию искать более безопасного местопребывания, и в принципе был решен вопрос об ее переезде в Омск.

Там в совете министров директории пост военного и морского министра занял адмирал Колчак, незадолго до этого прибывший в Омск с Дальнего Востока, откуда он думал-было пробраться в Англию и поступить на английскую службу, но, по указаниям представителей Антанты, повернул обратно [3]).

Не менее симптоматичным явилось прибытие в Омск вскоре вслед за этим и английского отряда под командою полковника Уорда [4]).

Коалиционная директория с ее эсеровской окраской, очевидно, внушала мало доверия Антанте, и она подготовила уже на ее место своего диктатора.

В ночь с 17-го на 18-е ноября 1918 года кучка заговорщиков из состава офицеров казачьих частей, расквартированных в Омске, арестовала трех социалистических членов директории: Зензинова, Аргунова и Авксентьева, которые

---

[1]) Журнал „Красная Новь“ 1922 год, № 2 (9), № 6 (10), 1923 г., книга 1-я и книга 3-я, статья И. Майского „Демократическая контр-революция“.

[2]) Авксентьев, Зензинов, Виноградов, Вологодский, генерал Болдырев.

[3]) См. „Архив русской революции“, том IX, Берлин, 1923 г. Протоколы допроса Колчака.

[4]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, том II, стр. 6.

были через два дня высланы заграницу, а вся полнота власти была предложена советом министров адмиралу Колчаку, который принял звание „верховного правителя".

Омский переворот носил на себе все типичные черты военного переворота, и теперь очевидно, что он был задуман и подготовлен державами Антанты. Однако, этот переворот обошелся не без шероховатостей.

Остатки уфимского правительства, в лице совета управляющих ведомствами, протестовали против переворота, требуя освобождения арестованных членов директории и угрожая в противном случае „выделить необходимые силы для подавления преступного мятежа" [1].

Чехо-словацкий национальный совет, являвшийся политическим руководителем чехо-словацких войск на территории России, также протестовал, считая, что омский переворот противоречит началам народоправства и свободы и нарушает начала законности, „которые должны быть положены в основу всякого государства".

Мотивом иного порядка руководствовался забайкальский властитель, атаман Семенов,—у него были с Колчаком личные счеты; он не возражал принципиально против диктатуры, но на месте диктатора желал видеть либо генерала Деникина, либо оренбургского атамана Дутова.

Протест и непризнание диктатуры Колчака со стороны чехо-словаков не могли иметь для него особого значения. Во-первых, чехо-словаки слишком зависели от Антанты, а во-вторых, на фронте ко времени омского переворота оставалось уж слишком ограниченное количество их; тем не менее, подчеркивая свое отрицательное отношение к новой власти, последние чешские части начали усиленно покидать фронт и направляться в тыл.

Более существенное и вредное значение для Колчака имел исход из его лагеря партии социалистов-революционеров.

Если эта партия в борьбе с советским правительством заранее была осуждена на неудачу, благодаря тому, что первое гораздо шире и радикальнее шло навстречу жизненным интересам широких народных масс, являлось действительной производной этих масс и не было запятнано соглашательством с Антантой и буржуазными партиями, то по отношению к Колчаку и его правительству эсеры являлись все-таки до некоторой степени партией революционной, почему их пропаганда могла найти отклик в массах, недовольных режимом Колчака.

---

[1]) Там же, стр. 6.

Последующие события показали, что разрушительная работа эсеров имела свое значение в сокрушении власти Колчака. Таким образом, эсерам пришлось платиться теперь за ту роль, которую они сыграли предварительно, маскируя в глазах широких народных масс авторитетом своей „революционности“ зарождавшиеся генеральские диктатуры.

Проделывая обратный путь в этом отношении, эсеры и учредиловцы бросили открытый вызов Колчаку.

В обращении „ко всем народам России“ один из членов самарского комитета учредит. собрания, Вольский, писал:

„17-го ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала членов всероссийского вр. правительства, Авксентьева, Зензинова и Аргунова. Часть министров, во главе с членом правительства Вологодским, нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя всероссийским правительством, назначив диктатором адмирала Колчака. Съезд членов всероссийского учредительного собрания берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти. Съезд постановляет: 1) Избрать из своей среды комитет, ответственный перед съездом, уполномочив его принимать все необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков. 2) Избрать в состав этого комитета: председателя учредительного собрания Чернова, председателя съезда членов учредительного собрания Вольского, тов. председателя съезда Алкина, членов учредительного собрания Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова. 3) Поручить комитету, для выполнения возложенных на него задач, войти в соглашение с непричастными к заговору членами всероссийского временного правительства, областными и местными властями и органами самоуправления, чешским национальным советом и другими руководящими органами союзных держав. Всем гражданам вменяется в обязанность подчиняться распоряжениям комитета и его уполномоченных“ [1]).

Однако, попытка открытой борьбы окончилась для эсеров неудачей. Вновь образовавшийся комитет был опять-таки свергнут путем местного военного выступления в Екатеринбурге.

Чернов и некоторые другие члены учредительного собрания были арестованы. Чернов был освобожден вскоре чехами; ему вместе с некоторыми товарищами удалось бежать, и они были великодушно приняты советским правитель-

[1]) Там же, стр. 11.

ством на его территории, за что вскоре отплатили ему новыми интригами и заговорами; прочих же арестованных и доставленных в Омск членов учредительного собрания постигла более печальная участь: заключенные в омскую тюрьму, они были самочинно там убиты офицерским отрядом во время восстания рабочих в Омске зимою 1918 г.

Колчак, в ответ на брошенный ему вызов, не признал законности первого учредительного собрания и приказал подчиненным ему войскам силою оружия вести борьбу со всеми, кто не признает и не подчиняется его власти.

Свою дальнейшую линию поведения уже в подпольной борьбе эсеры выявили в постановлении, в котором призывали все партийные организации употребить свои силы на борьбу с диктатурой Колчака. Это постановление предусматривало также необходимость ведения противоправительственной агитации среди чехо-словаков и народной армии.

Однако, если антиколчаковская работа эсеров захватила верхушки городской интеллигенции и кулацкие элементы крестьянства, то несравненно глубже проникала в массы и охватывала их работа конспиративных большевистских центров и организаций.

Большинство крупных крестьянских восстаний в Сибири протекло именно под большевистскими лозунгами, что свидетельствовало об удельном весе и значении этой партии в среде сибирского крестьянства и о продуктивности работы большевистских организаций.

Подобно тому, как официальные декларации Антанты далеко не отражали сущности их истинных намерений в отношении России, так и официальные декларации белых правительств далеко не отвечали их действительной политике.

Все они начинали с заявлений о борьбе за свободное волеизъявление народа и демократический строй, но, будучи ставленниками буржуазии и опираясь на самые реакционные элементы общества, они очень скоро сбивались на путь ничем не прикрытой реставрации.

Поэтому об истинной политической физиономии белых правительств следует судить не по словам, а по делам их и по тем тенденциям, которые они проявляли в области внутренней политики.

В беседе с представителями печати, происходившей 28-го ноября 1918 г., адмирал Колчак заявил, что „он не пойдет ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности“. „Государства наших дней—говорил Колчак далее, —могут жить и развиваться только на прочном демократиче-

ском основании“. Однако, созыв национального собрания, по существу долженствовавшего явиться тем же учредительным собранием, отлагался до „воцарения в стране закона и порядка“. Ближайшие цели, которые ставил себе адмирал Колчак, заключались в создании сильной и боеспособной армии для „беспощадной, неумолимой борьбы с большевиками“, в соглашении с другими государственными образованиями, стремящимися охранить государственность России, чему должна была способствовать „единоличная форма власти“. Все экономические и социальные реформы отлагались, таким образом, до конца борьбы с большевиками [1]).

Нам остается теперь обратиться к „делам“ правительства Колчака, чтобы посмотреть, какими мерами оно восстанавливало законность и порядок, подготовляя спокойные условия работы для будущего национального собрания.

Случаи для этих дел представились скоро. 22-го декабря 1918 г. в Омске произошло восстание рабочих, подавленное войсками. Вслед за тем начались репрессии и расправы. Начальник омского гарнизона, генерал Бржезовский, издал приказ о возвращении всех незаконно освобожденных из тюрьмы, при чем в приказе было указано: „всех неявившихся и задержанных после этого—расстреливать на месте“. В то же время самочинно действовавшим отрядом были уведены из тюрьмы и зверски убиты несколько членов учредительного собрания и редактор челябинской газеты [2]).

Правительство Колчака ничем не реагировало на эти проявления военного произвола, чуждого всякой законности, которые далее росли, ширились и принимали все более уродливые формы.

Омское восстание не было единственным в своем роде; революционные вспышки в стране не прекращались; более значительных размеров они достигли в районах Енисейска, Томска и Бодайбо; в дальнейшем по всей стране прокатилась волна крестьянских восстаний [3]).

С первых же шагов своего существования правительство Колчака вступило на путь исключительных законов, введя смертную казнь, вводя военное положение и учреждая военные генерал-губернаторства.

Положение, которое создавалось в связи с этим, неоднократно цитируемый нами автор характеризует следующим образом:

---

[1]) Там же, стр. 30—33.
[2]) Там же, стр. 96.
[3]) Там же, стр. 110.

„Стоило переправиться из Омска на левый берег Иртыша, чтобы попасть под действие о полевом управлении войск. Командующие армиями имели здесь своих агентов, которым было подчинено все. Нормальный суд уступал здесь место военно-полевому, гражданские власти были подчинены военным. Свобода экономической жизни стала условной: в полосе военного управления были возможны и безграничные реквизиции, и всевозможные повинности“ [1]).

Не ограничиваясь этим, 14-го марта 1919 г. Колчак, даже без ведома своего совета министров, издал приказ, в сущности вводивший военное положение во всей Сибири, объявив на военном положении все железные дороги и крупнейшие населенные пункты Сибири [2]).

Таким образом, на всех гражданских и в значительной мере на экономических свободах был поставлен крест.

„Военный, так-называемый прифронтовый, суд обнажил свой жестокий, беспощадный меч в самом центре страны, где население привыкло к свободе и где оно не понимало сущности борьбы“ [3]).

Население городов под влиянием испытываемого гнета начало враждебно относиться к власти еще с весны 1919 г.

„Гнет цензуры, царство военщины, аресты, расстрелы,— все это разочаровало даже ту умеренную демократию, которая раньше поддерживала адмирала Колчака, и возбуждало население, которое раньше безразлично относилось к формам власти“ [4]).

В конце-концов, произвол военных властей, все увеличиваясь от центра к периферии, достиг таких размеров, что возмущал даже самих представителей власти Колчака. Один гражданский администратор правительства Колчака так характеризовал административную работу военных властей:

„Незакономерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных „при побеге“, аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследование по кляузам и проискам,—когда это проявляется на гражданском населении,—начальник края может быть только свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного,

---

[1]) Там же, стр. 136.
[2]) Там же, стр. 138.
[3]) Там же, стр. 139.
[4]) Там же, стр. 139.

виновного в перечисленном, *а гражданских лиц* сажают в тюрьму по одному наговору“ [1]).

Тот же автор рисует далее безотрадную картину состояния продовольственного, финансового, торгово-промышленного дела и состояния рабочего вопроса и земского и городского самоуправлений.

Крестьянство, наиболее сильно испытывавшее на себе весь гнет этого режима, начинало бороться с ним путем восстаний. Правительство Колчака боролось с восстаниями путем карательных экспедиций. „Крестьян секли, обирали, оскорбляли их гражданское достоинство, разоряли. Среди ста наказанных и обиженных попадался, может-быть, один виновный. Но после проезда экспедиции врагами омского правительства становились все поголовно“ [2]).

Вскоре крестьянские восстания сплошным морем разлились по всей Сибири; они подходили к самому Омску, захватив большую часть Алтая и огромные пространства Енисейской губернии.

В городах происходили дикие расправы с представителями демократии и интеллигенции социалистического направления; так, в Канске один из участников переворота 18-го ноября повесил на площади городского голову этого города [3]).

В восточной Сибири в то же время все сильнее выявлялась работа центробежных сил. Еще весною 1919 г. забайкальский атаман Семенов замышлял создание „монголо-бурятского княжества“, ведя самостоятельные переговоры с китайскими властями о захвате полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги и об устранении оттуда ставленника правительства Колчака—генерала Хорвата.

Уссурийский атаман Калмыков, которого само правительство считало уголовным преступником, организовавшим убийства нескольких своих политических врагов, также оказался маленьким царьком [4]).

Таким образом, омское правительство являлось лишь фикцией для собственных атаманов и генералов, творивших собственную политику и преследовавших собственные цели.

По мере неудач на фронте и падения авторитета правительства во всех слоях населения страны, в самом правительстве начался процесс распада власти. Колчаковский совет министров, перебравшийся в Иркутск, пытался еще

---

[1]) Там же, стр. 184.
[2]) Там же, стр. 370.
[3]) Там же, стр. 398.
[4]) Там же, стр. 399.

что-то делать, пытался реконструировать власть на более демократических началах, но ставка Колчака совершенно уже потеряла связь с этим органом и стремилась перейти на путь единоличной военной диктатуры, возглавляемой адмиралом Колчаком.

В качестве исполнительного органа при „верховном правителе" должно было состоять „верховное совещание", состоящее из представителей высшего фронтового командования и некоторых министров.

Вместе с тем Колчак обращался с многочисленными воззваниями ко всему „имущему" населению Сибири, призывая его к самозащите и формированию добровольческих частей.

Эти воззвания являлись не более, как жестом отчаяния, и никаких практических результатов не дали.

Наоборот, к концу 1919 года, под влиянием успехов красных войск, повстанческое движение, охватившее Сибирь, приняло поголовный характер. В это время в Иркутской губернии создался так-наз. „политический центр", об'единивший центральный комитет эсеров, комитет бюро земств, профессиональные союзы и с.-д. меньшевиков.

Согласно директив этого центра, серьезное выступление было намечено не в самом Иркутске, а на одном из важных пунктов магистрали, чтобы изолировать часть правительства Колчака, перебравшуюся к этому времени в Иркутск. Таким пунктом являлся район ст. Черемхово с его каменноугольными копями, по составу населения являвшийся жизненным центром для революции.

21-го декабря 1919 года там произошел переворот; власть в Иркутске к тому времени была настолько уже парализована, что не могла предпринять ничего решительного против повстанцев в Черемхове, опасаясь за свое существование в Иркутске.

События в тылу вызвали со стороны Колчака назначение атамана Семенова главнокомандующим всеми войсками Дальнего Востока, что автоматически влекло за собой введение военного положения на всей территории Сибири, находившейся еще во власти Колчака, и лишало его совет министров всякой власти и влияния. Назначение атамана Семенова только подлило масла в огонь; его политическое лицо было ненавистно для всех слоев населения, кроме контр-революционной верхушки. „Политический центр" объявил его еще раньше „врагом народа", и управляемое им Забайкалье считалось цитаделью реакции.

Вместе с тем назначение Семенова главнокомандующим являлось неприемлемым и для чехо-словацких войск, стре-

мившихся к портам Дальнего Востока, захватывая подвижные составы и нарушая эвакуацию войск и грузов сибирского правительства.

Семенов грозил чехам обрушиться на них всеми своими силами; эта угроза представляла для них тем большее значение, что все туннели Круго-Байкальской железной дороги находились тогда в руках Семенова.

Назначение Семенова должно было, таким образом, побудить повстанцев к более скорым и решительным действиям и обеспечивало им благожелательный нейтралитет чехо-словацких войск, что было весьма важно для успеха революционного выступления в Иркутске.

Таким образом, в конце декабря 1919 года в Сибири создалась новая группировка политических сил: с одной стороны—партия военной реакции, опирающаяся исключительно на силу штыков, с другой стороны—все слои населения, не исключая и соглашательских элементов, при благожелательном отношении к ним столь внушительной реальной силы, как чехо-словацкий корпус.

Восстание в Иркутске началось вечером 24-го декабря 1919 года. Повстанцам удалось утвердиться на окраине города, но центр был еще в руках колчаковских войск, которые готовились к наступлению на повстанцев, когда было получено уведомление от французского генерала Жанена, командовавшего всеми союзными силами в Сибири, что он не допустит обстрела расположения повстанцев и в свою очередь откроет огонь по городу [1]); вместе с тем железнодорожная полоса, на которой сосредоточились все восставшие, была объявлена нейтральной. Эти обстоятельства вынудили представителей омского правительства отказаться от мысли о вооруженной борьбе и искать выхода путем переговоров с повстанцами и представителями союзников.

Совещание „высоких комиссаров союзных держав" прежде всего наложило свою руку на Сибирскую железную дорогу от города Красноярска до ст. Мысовой и ее полосу отчуждения для облегчения пропуска чехо-словацких и союзных эшелонов, при чем контроль и управление ею поручались чехо-словацким войскам.

Переговоры с представителями земств, как связующим звеном между правительством и повстанцами, не привели к решительным результатам, и бои в городе продолжались без особых результатов, но с усиливающимся ожесточением с обеих сторон до конца декабря. Отряд, присланный Се-

---

[1]) Там же, стр. 478.

меновым на помощь Иркутску, потерпел неудачу. Постепенно в колчаковский гарнизон проникало разложение. Наконец, при энергичном побуждении со стороны союзников, видевших в партии эсеров „деятелей государственного направления, ничего общего не имеющих с большевиками“ [1]), представители омского правительства, после неудачных попыток выторговать себе возможность отступления далее на восток, пытались продолжать еще переговоры с „политическим центром“, настаивавшим на полной капитуляции. Оставление правительственными войсками фронта и полное разложение в стане сторонников Колчака повело к тому, что эти переговоры так и не закончились, ибо к вечеру 4-го января 1920 года колчаковское правительство самоликвидировалось, разойдясь, кто куда, и утром 5-го января на улицах Иркутска были уже расклеены объявления о принятии власти „политическим центром“ [2]).

Тем временем поезд „верховного правителя“ был задержан в Нижнеудинске; отказавшись от власти по представлению своего совета министров, Колчак, по предложению союзников, отдался под покровительство чехов и в Иркутске был выдан ими представителям „политического центра“ [3]).

„Политический центр“ предал Колчака суду, при чем следствие выяснило картину попустительства Колчака убийцам членов учредительного собрания и своих политических противников. В начале февраля 1920 года, еще до вступления советских войск в Иркутск, Колчак был расстрелян.

Промежуточно-соглашательские партии, в лице „политического центра“, явились лишь переходной ступенью к подлинной власти широких народных масс, которая водворилась в восточной Сибири с 21-го января 1920 года с переходом всей полноты власти к местному совету рабочих и крестьянских депутатов [4]).

Из краткого изложения истории существования и падения омского правительства Колчака, претендовавшего на звание „всероссийского“, видно, что оно являлось, в сущности, игрушкой в руках целого ряда мелких военных диктаторов, в свою очередь бывших ставленниками самой определенной реакции.

Поэтому официальные декларации этого правительства о его политической программе и целях имеют лишь чисто-

---

[1]) Там же, стр. 492.
[2]) Там же, стр. 501.
[3]) Там же, стр. 512 до 513.
[4]) Там же, стр. 537.

историческое значение, потому что практически в жизнь они никогда не проводились, да и вряд ли были бы проведены им. Однако, для того, чтобы резче подчеркнуть разницу между словами и делами всех белогвардейских правительств, мы приведем ту декларацию правительства Колчака, которою оно отвечало на декларацию пяти держав, заявлявших о своем сочувствии омской власти и желавших получить разъяснения по некоторым политическим вопросам.

В своей ответной декларации 3-го июня 1919 года Колчак заявил [1]):

„Правительство, мною возглавляемое, было счастливо осведомиться, что цели держав в отношении России находятся в полном соответствии с теми задачами, которые себе поставило российское правительство, стремящееся прежде всего восстановить в стране мир и обеспечить русскому народу право свободно определить свое существование через посредство учредительного собрания. Глубоко ценя интерес, проявленный державами к русскому национальному движению, и признавая вполне справедливым их желание ознакомиться с политическими убеждениями российского правительства, я готов подтвердить неоднократно мною уже сделанные заявления, за которыми я всегда признавал безусловно связывающую силу.

1) 18-го ноября 1918 года я принял власть и не намерен удерживать ее ни на один день дольше, чем это требуется благом страны. В день окончательного разгрома большевиков моей первой заботой будет назначение выборов в учредительное собрание. Ныне спешно работает комиссия по подготовке выборов, которая установит их условия и порядок на основах всеобщего избирательного права. Признавая себя ответственным перед этим учредительным собранием, я передам ему всю власть, дабы оно свободным решением определило будущую судьбу государства. В этом была мною принята присяга перед высшим российским судом—хранителем законности нашего государства. Все мои усилия направлены к тому, чтобы закончить возможно скорее гражданскую войну сокрушением большевизма и предоставить, наконец, русскому народу возможность действительного свободного волеизъявления. Всякая задержка борьбы лишь отложила бы этот день, ибо правительство не считает возможным заменить неотъемлемое право законных и свободных выборов восстановлением учредительного собрания 1917 года, избрание которого происходило под большевистским режимом насилия и большая часть членов коего находится ныне

[1]) Там же, стр. 234.

в рядах большевиков. Лишь законно избранному учредительному собранию будет принадлежать верховное право окончательно решить все основные государственные задачи, как внешние, так и внутренние.

2) Я высказываю вместе с тем готовность уже теперь обсудить с державами все связанные с Россией международные вопросы в свете тех идей сокращения вооружений, предотвращения войн и миролюбивой и свободной жизни народов, завершением которых является Лига Наций. Правительство, однако, считает долгом отметить, что окончательная санкция всех решений от имени России принадлежит учредительному собранию. Россия в настоящее время является и впоследствии может быть только государством демократическим, в котором все вопросы, касающиеся изменения территориальных границ и международных отношений, должны получить ратификацию представительного органа.

3) Признавая естественным и справедливым последствием великой войны создание объединенного польского государства, правительство считает себя правомочным подтвердить независимость Польши, объявленную российским временным правительством 1917 года, все заявления и обязательства которого мы на себя приняли. Окончательная санкция размежевания между Польшей и Россией должна, согласно принципам пункта второго, быть отложена до учредительного собрания. Уже теперь мы готовы признать фактически существующее финляндское правительство, обеспечив ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. Окончательное же решение вопроса о Финляндии принадлежит учредительному собранию.

4) Мы охотно готовы ныне подготовить решения, связанные с судьбою национальных группировок: Эстонии, Латвии, Литвы, кавказских и закаспийских народностей, и рассчитываем на быстрое решение этих вопросов, так как правительство уже теперь обеспечивает автономные права национальностей. Пределы же и характер этих автономий должны, конечно, каждый раз быть определены отдельно. В случае же затруднений в решении этих вопросов, правительство охотно воспользуется миролюбивым сотрудничеством Лиги Наций.

5) Вышеуказанный принцип ратификации соглашений учредительным собранием, конечно, должен быть применен и к вопросу о Бессарабии.

6) Российское правительство подтверждает еще раз свое заявление от 27-го ноября 1918 г., которым оно приняло на себя все национальные долги России.

7) Переходя к вопросам внутреннего устройства, могущим интересовать державы, поскольку они являются показателями политического направления российского правительства, я повторяю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года. То временное решение земельного вопроса, на котором остановилось мое правительство, имеет в виду удовлетворение интересов широких кругов населения и исходит из сознания, что только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет в полной мере обеспечено землей. Равным образом при управлении освобожденными частями России правительство не только не ставит препятствий свободной деятельности земских и городских учреждений, но видит в их работе и в укреплении начал самоуправления непременное условие возрождения страны и помогает этим органам самоуправления всеми имеющимися у него средствами.

8) Поставив себе задачей водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилий населению России, правительство признает, что все сословия и классы равны перед законом. Все они, без различия религий и национальностей, получат защиту государства и закона. Напрягая все силы и ресурсы страны к достижению указанных выше задач, правительство, мною возглавляемое, высказывается в эти решительные дни от имени всей национальной России. Я уверен, что после сокрушения большевизма мы сможем в полном согласии разрешить все вопросы, в которых одинаково заинтересована каждая из народностей, связанных своею государственной жизнью с Россией. Адмирал Колчак".

Таким образом, тенденции внутренней политики Колчака можно охарактеризовать лозунгом: „сначала успокоение, потом реформы". Методы же, какими проводилось это успокоение, шли совершенно вразрез, как это может усмотреть и сам читатель, с благими пожеланиями и обещаниями декларации Колчака.

Что касается вопроса внешней политики и отношения к новым государственным образованиям, то здесь Колчак нисколько не сдвинулся вперед с позиции, которую занимало временное правительство в этом же вопросе, и с такою же готовностью, как и оно, спешил признать все векселя, выданные Антанте старым русским правительством.

Антанта, очевидно, учла это обстоятельство. 24-го июня 1919 г. конференция держав уведомила правительство Колчака о своем удовлетворении его декларацией и о своей го-

товности предоставить свою помощь адмиралу Колчаку и всем присоединившимся к нему [1]).

Правительство, власть которого являлась весьма относительной, а часто фиктивной в пределах той самой территории, на которой пребывали его вооруженные силы, само собою разумеется, не могло ее фактически ничем проявить на территориях других белогвардейских правительств, отделенных от него и значительными пространствами, и боевыми линиями красных фронтов.

Взаимоотношения с прочими белогвардейскими правительствами.

Поэтому-то взаимоотношения колчаковского правительства с прочими белогвардейскими правительствами сложились очень просто. Дело не пошло дальше формального признания и тех общих директив, которые правительство Колчака сочло нужным преподать им, но которые так и остались творчеством на бумаге.

По случаю омского переворота Деникин писал Колчаку: „Признаем верховную власть, принятую вашим превосходительством, в уверенности, что вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии. Начала эти следующие: восстановление единой, неделимой России, не предрешая будущей окончательной формы правления; борьба против революционной организации большевиков до полного уничтожения; военные действия сибирских армий согласуются с общими планами кампании и главного командования Добровольческой армии“ [2]).

Еще раньше Деникина архангельское правительство поспешило признать Колчака, как верховного правителя [3]).

Лишь в дальнейшем омское правительство попыталось определеннее установить свои взаимоотношения с правительством юга России.

Совет министров Колчака выработал положение о главнокомандующем вооруженными силами юга России, предоставлявшее последнему чрезвычайно широкие полномочия, не исключая и внешней политики. Однако, в области денежного обращения и земельной политики омское правительство оставляло главное руководство за собой.

Тем не менее, Деникин требовал себе полной самостоятельности и в этой области [4]).

---

[1]) Там же, стр. 239.
[2]) Там же, стр. 103.
[3]) Там же, стр. 232.
[4]) Там же, стр. 314—315.

Фактически руководство омского правительства деятельностью прочих белогвардейских правительств выразилось лишь в ряде директивных указаний, запоздалых во времени и не выполняемых теми, кому они предназначались.

Так, например, омское правительство было заинтересовано в том, чтобы генерал Деникин не вступал во враждебные отношения с войсками украинской директории, возглавляемыми Петлюрой, когда предвиделось боевое их соприкосновение с войсками Добровольческой армии на правобережной Украине. Соответствующая телеграмма была послана Деникину, но он ответил по поводу телеграммы о Петлюре, что, поскольку дело касается Польши, он готов сотрудничать с этой нацией, но с Петлюрой он сотрудничать не желает; в действительности в скором времени столкновения петлюровских войск с Добровольческой армией приняли форму настоящей войны [1]).

Несравненно более сложною в этом отношении представлялась обстановка на юге России, где над местными, областными белогвардейскими правительствами, в лице правительств Дона и Кубани, явилось возглавлявшее их экстерриториальное правительство в форме военной диктатуры генерала Деникина, опиравшейся на штыки Добровольческой армии, признанной правительствами Антанты. Для правильного уяснения взаимоотношений между всеми этими правительствами и причин их разногласий нам необходимо предварительно бросить взгляд на возникновение, организацию, политическую физиономию и цели областных казачьих правительств юга России.

---

[1]) Там же, стр. 317—319.

ГЛАВА III.

Белогвардейские правительства на территории России.

Донское, кубанское, астраханское и терское правительства. Их возникновение, организация, политическая физиономия. Правительство Добровольческой армии. Его характеристика, режим, эволюция. Правительство Северной области (архангельское) и северо-западное. Выводы. Соотношение внутренних сил на Украине. Правительство украинской директории. Белые правительства Закаспийской области, Кавказа и Туркестана.

Донское, кубанское, астраханское, терское правительства. Их возникновение, организация, политическая физиономия.

После октябрьского переворота Дон и Кубань вместе со своим „младшим братом“ Тереком не признали Советской власти и приступили к организации собственных правительств на началах самостоятельности до учредительного собрания. Эта задача требовала установления известных отношений с неказачьей—иногородней частью населения, тянувшей в силу экономических и политических причин к Советской власти; поэтому выборные учреждения этих областей: донской войсковой круг и кубанская рада, куда пришлось на первых порах допустить иногородних, раскололись на два крыла, из которых левое определенно стало в оппозицию к казачьим правительствам.

В кубанской раде положение осложнялось еще тем обстоятельством, что часть ее, представительствовавшая казаков-черноморцев,—потомков бывших запорожцев, придерживалась тенденций более широкой автономии, либо унии с самостийной Украиной, тогда как казаки-линейцы, великорусского происхождения, не считали нужным отделяться от России.

Организацию казачьих областей юга России предполагалось завершить созданием „юго-восточного союза казачьих войск, горных племен Дагестана и вольных народов степей“.

5*

Быстрое расширение плацдарма Октябрьской революции в пространстве, приведшее к установлению Советской власти на Дону, Кубани и Тереке в начале 1918 г., положило временный предел всем этим начинаниям.

Им суждено было, однако, вскоре возродиться в иных формах и под другими лозунгами, почему мы и сочли нужным дать предварительно эту краткую историческую предпосылку.

Однако, и в этот кратковременный период зарождения и оформления белогвардейской власти на юге России выявилась разница в целях между местными политическими деятелями, среди которых сильны были лозунги автономии, более или менее широкой, и белогвардейскими деятелями „российского" масштаба, в изобилии стекавшимися со всех концов Советской России и мечтавшими о ее восстановлении в „великодержавных" формах. Наиболее яркими выразителями этой идеи явились генералы Алексеев, Корнилов, а затем и Деникин,—первые организаторы Добровольческой армии, которая, таким образом, с первых же шагов своего существования складывалась, как целостный *военно-политический организм.*

Влияние германской оккупации в связи с внутренним повстанческим движением в Донской области весною 1918 г. вновь развязало силы контр-революции на юге России, и их организационная работа пошла в направлениях, наметившихся еще до занятия юга России советскими войсками.

Весною 1918 г. „круг спасения Дона" избрал на пост донского атамана генерала Краснова, наделив его почти диктаторскими полномочиями, что дало ему возможность в течение лета и осени 1918 г. явиться единоличным выразителем политики Дона.

В условиях сложившейся политической и стратегической обстановки генерал Краснов, не колеблясь, сделал ставку на Берлин, за что получил от германцев сильную политическую поддержку, позволившую ему задавить всякую оппозицию на Дону и в обмен на донские продукты получать от них боевое снаряжение и огнеприпасы.

В области внутренней политики Краснов рассматривал возрождение „единой и неделимой" России, как эвентуальную цель, пока же его заботы сосредоточивались на создании сильной и временно самостоятельной области всевеликого войска Донского, которое мыслилось им, как совершенно самостоятельное государство, от имени которого он завязывал „внешние" сношения с Берлином, Киевом и Екатеринодаром.

Отправив посольство в Берлин к императору Вильгельму, он добился возвращения Дону Таганрогского округа, на который претендовала Украина, и хлопотал перед ним же о признании за Доном права на южную часть Воронежской губернии и на Царицын по стратегическим соображениям.

Такое выдвижение Краснова на первый план объясняется, с одной стороны, поддержкой немцев, тогдашних фактических властителей юга России, а с другой стороны—отсутствием на донской территории достаточно внушительной силы, которая могла бы с ним конкурировать.

Добровольческая армия, возглавляемая уже генералом Деникиным, покинула пределы Донской области, отправившись „освобождать“ Кубань. Это сделано было вопреки мнению генерала Алексеева, который считал, что обстановка зовет ее на Волгу и что центр тяжести событий, решающих судьбы России, перемещается на восток [1]), но, очевидно, на решения командования Добровольческой армии влияли мотивы не только стратегического, но и политического порядка.

Официально Добровольческая армия продолжала держаться антантовской ориентации, что заставляло ее быть подальше от немцев во избежание могущих возникнуть конфликтов.

Это обстоятельство позволяло и Краснову рассматривать Деникина, как величину, равную себе, с которой он также стремился перейти на путь дипломатических сношений.

Так, в сентябре 1918 г. Краснов вновь обратился к Деникину с предложением предоставить кубанцев собственным силам для окончательного очищения их области, а самому совместно с ним двинуться на Царицын; однако, и на этот раз Деникин отказался [2]).

Тогда Краснов, озабочиваясь безопасностью левого фланга своего фронта, начал искать более тесного сближения с Украиной, и 20-го октября 1918 г. между ним и гетманом Скоропадским состоялось политическое свидание, на котором обсуждался вопрос о союзе между Доном и Украиной, при чем Скоропадский обещал принять на себя содержание особой русской „армии“ в юго-восточной части Харьковской губернии для обеспечения левого фланга Донского фронта [3]).

---

[1]) Лукомский, „Воспоминания“, том II, стр. 77—79, Берлин, 1922 г.

[2]) „Архив русской революции“, том V. Краснов, „Всевеликое войско Донское“, стр. 218—327.

[3]) Там же.

Конец империалистической войны, революция в Германии и начало эвакуации немцами оккупированных областей в связи с появлением эскадр Антанты на Черном море положили предел „внешней“ политике Краснова, заставив его переменить германскую ориентацию на союзническую, что не избавило его от поглощения новой политической силою, выдвинутой союзниками в лице генерала Деникина. Под давлением союзников, угрожавших лишить Донскую армию источников боевого и материального снабжения, Краснов в начале 1919 г. пошел на полное подчинение Деникину в военном и политическом отношениях, сохранив за собою некоторые автономные права в отношении управления Донской областью. В области внутренней политики Краснов проявил себя крайним консерватором; при нем на Дону подняли головы представители самых крайних правых течений, его администрация душила всякую оппозицию и всякое проявление свободной мысли [1]).

Поскольку самостийнические тенденции на Дону выражались, главным образом, в лице генерала Краснова, а последний, благодаря своей реакционной политике, не мог иметь широкой опоры в массах, борьба с ним не представила особых затруднений для генерала Деникина, особенно же, когда ему обеспечена была политическая поддержка держав Антанты.

Иначе слагалась обстановка на Кубани. Там внутренняя политическая обстановка была сложнее, и оппозиционные течения разного рода могли найти себе источники питания и поддержку в сильно развитых представительных учреждениях.

Согласно кубанской конституции, на ряду с краевой радой, органом основного законодательства, стояла законодательная рада для текущих законодательных дел и для контроля над правительством. Хотя обе рады должны были избираться самим населением, но, благодаря обстоятельствам гражданской войны, в 1918 году законодательная рада была выбрана просто из состава краевой рады и пополнилась, главным образом, представителями автономистского, вместе с тем в политическом отношении более левого направления, непримиримо настроенного в отношении политического руководства Добровольческой армии.

Это обстоятельство предопределило дальнейший ход всей внутренней политики на Кубани, характеризующейся, с одной стороны, борьбой двух течений в самой раде: ли-

---

[1]) К. Н. Соколов „Правление генерала Деникина“, София, 1921 г., стр. 64.

нейского — примирительного и черноморского — непримиримого, а с другой стороны, трениями между кубанской радой и командованием Добровольческой армии, вылившимися в дальнейшем в открытую борьбу.

В политике кубанского правительства следует различать два момента: один, когда оно, лишенное собственной территории, вынуждено было скитаться с обозами Добровольческой армии, согласившись на все условия, поставленные ему командованием этой армии, и другой, когда, опираясь на собственную территорию, оно стремилось восстановить свою самостоятельность; этот второй период завершился открытой борьбой между командованием Добровольческой армии и радой с временной победой первого.

Первоначально, чувствуя свою зависимость в военном отношении от Добровольческой армии, кубанская рада стремилась удержать ее на своей территории. Так, 15-го мая 1918 г. рада пригласила Добровольческую армию остаться на Кубани для совместной борьбы с большевиками, при чем тогда же она в общих лишь чертах выявила свои стремления во внешней и внутренней политике.

Рада считала, что для успешности предстоящей борьбы и установления общих отношений с Украиной и Германией необходимо полное единение Кубанского края с Доном и другими южными областями [1]).

По мере освобождения кубанской территории в раде начинали господствовать мирные настроения, выражавшиеся в заявлениях: „Мы ни с кем воевать не хотим, а хотим заняться мирным строительством“ [2]).

Как результат этих настроений, кубанское правительство уже с августа 1918 г. начало усиленно добиваться полной самостоятельности Кубанской армии, находившейся в оперативном управлении командования Добровольческой армии.

Наконец, 10-го августа 1918 г. идея юго-восточного союза вновь возродилась в проекте правительств Дона, Кубани и Терека о создании суверенного союза, включая в него и горцев Кавказа. Командование Добровольческой армии требовало включения в этот проект пункта о временном характере этого союза до восстановления единой и неделимой России, а также включения представителя Добровольческой армии в состав правительства этого союза и объединения командования всеми вооруженными силами союза

---

[1]) Лукомский, „Воспоминания“, том II, Берлин, 1922 г., стр. 81.
[2]) Там же, стр. 83.

в руках генерала Деникина, чему энергично противился донской атаман Краснов [1]).

1-го ноября 1918 года кубанская рада окончательно оформила тенденции своей внешней и внутренней политики, приняв несколько постановлений относительно образования на федеративных началах союза с другими государственными образованиями юга России. Эти постановления опять-таки встретили возражения со стороны представителей Добровольческой армии. Дело затянулось согласительными комиссиями, так как обе стороны не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы вступить на путь открытой борьбы и открыто порвать друг с другом. Иначе дело обстояло в 1919 году, когда добровольческое командование, пользуясь, с одной стороны, успехами на фронте, а с другой стороны, поддержкой Антанты, более решительно наложило руку на все начинания кубанской рады в области внешней и внутренней политики.

Левое крыло кубанской рады не могло мириться с таким положением и вступило на путь открытой борьбы с правительством юга России, возглавляемым генералом Деникиным. Эта борьба закончилась временной победой генерала Деникина, который в сущности произвел на Кубани маленький государственный переворот в стиле омского переворота адмирала Колчака.

25-го октября 1919 г. Деникин арестовал некоторых видных представителей оппозиции в кубанской раде и предал их военно-полевому суду за подписание с меджилисом горских народностей союзного договора, в котором были усмотрены признаки государственной измены; вслед затем Кубань была включена в тыловой район кавказской армии. Краевая кубанская рада вынуждена была пересмотреть конституцию, уничтожить законодательную раду и усилить прерогативы войскового атамана, при чем атаманом был избран генерал Успенский, всегда благожелательно относившийся к Добровольческой армии.

Оппозиция этими мероприятиями была, однако, лишь подавлена, но не раздавлена. Подобно эсерам в Сибири и Поволжье, она повела деятельную кампанию на фронте и в стране, что совпало с рядом неудач вооруженных сил юга России, против деникинского режима, и результаты ее агитации сказались на массовом оставлении кубанскими частями фронта, что отразилось гибельным образом на окончательной судьбе белых армий юга России.

---

[1]) Там же, стр. 88, 100—105.

Разгром вооруженных сил юга России, окончательно выявившийся к началу 1920 года, вновь выдвинул вопрос о ставке на казачество, но на этот раз уже в его совокупности, поскольку правительство Дона в это время вновь вынуждено было покинуть свою территорию. Но на этот раз было уже поздно.

5-го января 1920 г. в Екатеринодаре открылись заседания верховного казачьего круга, который приступил к выработке конституции союзного „казачьего государства". На этом круге кубанцы выдвигали идею прекращения гражданской войны на основе признания советским правительством независимого казачьего государства [1]).

Вообще на круге преобладали более левые течения. Воспользовавшись этим обстоятельством, кубанская рада поспешила восстановить утраченную-было ею самостоятельность; она вновь восстановила законодательную раду, сменила правительство из сторонников Деникина и не удовлетворялась уже признанием самостоятельности Кубанской армии, на которое пошел, наконец, генерал Деникин.

Этот последний период существования белого кубанского правительства не имеет для нас особого исторического значения, поскольку он совпал вообще с агонией белой власти на юге России, сменившейся вскоре подлинной народной властью советов, с появлением которой фактически, а не на бумаге установилось трудовое единство на территории столь любезного сердцу буржуазной казачьей верхушки юго-восточного союза.

Нам остается сказать еще два слова о роли и значении терского и астраханского казачьих правительств. Оба они, не обладая большой реальной силой и чуждые сепаратистских стремлений, не имели самостоятельной политической физиономии и являлись наиболее покорными добровольческому командованию.

Мы не останавливаемся на оттенках внутренней политики обоих главнейших казачьих правительств, поскольку она в значительной мере являлась отображением политики той политической силы, рука которой в течение всего 1919 г. тяготела над ними и в значительной мере направляла все их действия.

Поэтому мы непосредственно переходим к политической роли и значению правительства юга России, возглавляемого

---

[1]) К. Н. Соколов, „Правление генерала Деникина", София, 1921 г., стр. 241—242.

генералом Деникиным, и его политического окружения, сыгравших выдающуюся роль в событиях нашей гражданской войны.

Правительство Добровольческой армии, его характеристика, режим, эволюция.

Мы уже отметили ту характерную особенность в устройстве Добровольческой армии, что она с самых первых шагов своего существования являлась целостным военно-политическим организмом. Это предопределяло тот характер власти, которая впоследствии должна была выйти из ее недр; власть эта явилась не чем иным, как военной диктатурой в ее чистом виде. Прежде чем услужливые буржуазные юристы оформили соответствующими „положениями" бытие этой власти, она уже существовала фактически. *Командование Добровольческой армии самостоятельно распоряжалось казенными средствами*, издавало административные акты и даже законодательствовало [1]).

Лишь впоследствии это фактическое положение оформилось в виде своего рода „гражданской конституции" Добровольческой армии, к которой руку приложил известный реакционер, киевский журналист Шульгин. Эта конституция сводилась к созданию совещательного органа при командующем Добровольческой армией, под названием „особого совещания".

Положение об особом совещании достаточно определенно формулировало внешние и внутренние цели политики командования Добровольческой армии, почему мы полностью приведем их в редакции авторов положения.

Статья первая положения об „особом совещании" от 18-го августа 1918 года так определяла задачи этого совещания [2]):

„Особое совещание имеет целью: а) разработку всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии; б) обсуждение и подготовку законопроектов по всем отраслям государственного устройства как местного значения по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком государственном масштабе по воссозданию великодержавной России в ее прежних пределах; в) организацию сношений со всеми областями бывшей Российской империи для выяснения

---

[1]) К. Н. Соколов, „Правление генерала Деникина", София, 1921 г., стр. 27.

[2]) Там же, стр 30—31.

истинного положения дел в них и для связи с их правительствами и политическими партиями, для совместной работы по восстановлению великодержавной России; г) организацию сношений с представителями держав Согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиции центральных держав; д) выяснение местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями по всем отраслям государственного управления, а также с наиболее видными представителями общественного и земского самоуправления, торговли, промышленности, финансов, для привлечения их в нужную минуту к самому широкому государственному строительству; е) привлечение лиц, упомянутых в пункте д), к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью".

Дух этого документа говорит сам за себя: из-за него глядело подлинное лицо реставрации, не прикрашенное никакими „демократическими" уступками, хотя бы для приличия, как это делалось Колчаком. Пункт „единой и неделимой" России определял собою в дальнейшем линию поведения деникинского правительства в отношении государственных новообразований на территории бывшей Российской империи. Эта линия, проводимая с крайней резкостью и непримиримостью, поставила деникинское правительство в определенно неприязненные отношения со всеми лимитрофами и оставила его в полном одиночестве в момент катастрофического крушения его фронта.

Добровольческая „ориентация". принимаемая прочими белыми армиями, например, Северо-Западной армией Юденича, ставила их в такие же отношения с лимитрофами, что отрицательно сказывалось на их оперативной свободе действий.

Принцип сурового начала, последовательно проводимой военной диктатуры, нашел еще более яркое выражение в разработанном позднее „временном положении об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией".

Как показала дальнейшая борьба между добровольческим командованием и кубанской радой, первое ни разу не отказалось от притязаний на военно-политическое верховенство, черпая их в военном отношении из самого существа командной власти, а в политическом—из идеи единой русской государственности.

Эти тенденции командования Добровольческой армии сразу же создали почву для конфликтов между ним и отлившимся в довольно отчетливые формы своеобразным казачьим парламентаризмом Кубани. Конфликты скоро при-

няли форму скрытой, а затем и явной борьбы, которая ослабила и разложила обе стороны.

Интересно остановиться на том политическом окружении, которое создалось вокруг „особого совещания“ и в некоторых случаях являлось вдохновителем его политики.

Наиболее влиятельной являлась группировка „национального центра“.

Национальный центр был построен на группировке от кадетов вправо. По признанию одного из видных членов партии к.-д. и крупного деятеля в деникинском правительстве, „он (т.-е. национальный центр) не был ни в какой степени организацией „массовой“ и сохранял все время характер интеллигентской группы, которая содействовала правительству, возбуждая программные вопросы, подготовляя законодательный материал и выдвигая персональные кандидатуры“ [1]).

Правее этой центральной группировки стоял „совет государственного объединения“, левее — социал - соглашательские элементы, тяготевшие к „союзу возрождения“.

Осуществление объединительных планов добровольческого командования в области гражданского управления подвигалось медленно; все свои усилия оно первоначально сосредоточило на объединении военной власти и международного представительства, что ему удалось достигнуть, но отношения с „краевыми образованиями“ не налаживались.

Даже крымское правительство, образованное либеральными и соглашательскими кругами общественности и не претендовавшее ни на какой суверенитет, находилось в постоянных трениях с командованием Добровольческой армии.

Ознакомившись с целями и методами проведения внешней политики Добровольческой армии, мы остановимся теперь на тенденциях ее в области земельного и рабочего вопросов. Декларация по этим вопросам появилась с запозданием только 24-го марта 1919 г, при чем в появлении ее сыграли немаловажную роль настояния представителей правительств Антанты при ставке Деникина, напуганных реакционным курсом политики этой ставки [2]).

Таким образом, заявления генерала Деникина по этим вопросам надлежит рассматривать, как безобидное творчество буржуазного либерализма, предназначавшееся к экспорту за границу, а не как заявления, которым фактически суждено было претвориться в жизнь.

---

[1]) Там же, стр. 52--53.
[2]) Там же, стр. 123.

Декларация, подписанная главнокомандующим и всеми членами „особого совещания“, состояла из 7 пунктов. В первых двух определялись цели вооруженной борьбы — уничтожение большевистской анархии, водворение в стране правового порядка и восстановление „могущественной, единой и неделимой России“, в последующих пяти кратко излагалась в самых неопределенных и туманных выражениях программа будущего „государственного строительства“: созыв народного собрания на основах всеобщего избирательного права, областная автономия и широкое местное самоуправление, гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания, немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения, немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплоатации их государством и капиталом [1]).

Объявление этой декларации совпало с усилением правого, реакционного крыла в составе самого правительства Деникина, опиравшегося на успевшую сорганизоваться в это время реакционную политическую группу из бывших сановников царского режима, известную под именем „совета государственного объединения“.

Эти обстоятельства определили постоянный крен внутренней политики Деникина в сторону реакции со всеми вытекавшими отсюда последствиями, а каковы были эти последствия, нам красноречиво повествует в своих воспоминаниях начальник отдела пропаганды Деникинской армии, профессор Соколов [2]): „Хорошего управления,—говорит он,— которое могло бы завоевать симпатии населения к национальной диктатуре, нет, да, пожалуй, нет и вовсе никакого управления. Провинция оторвана от центра. Интеллигенция недоверчива, рабочие угрюмо враждебны, крестьяне подозрительны. Население попрежнему не дается в руки власти и реагирует на ее административные опыты более или менее бурными движениями. Вместо земельной политики бесконечные аграрные разговоры. Центральные ведомства работают вяло и явно не справляются с чудовищно огромными задачами, выдвигаемыми жизнью. Всякое общее политическое руководство отсутствует, Особое совещание барахтается в безвоздушном пространстве, ни на кого не опираясь и нигде не встречая настоящей поддержки“.

Действительно, ставка на рабочих определенно не удалась правительству Деникина, несмотря на его попытки

[1]) Там же, стр. 123—124.
[2]) Там же, стр. 162—163.

заигрывать с ними. Организованные рабочие определенно заняли позицию, враждебную деникинской власти [1]).

Так же неудачны были попытки и сделать ставку на крестьян. Проект земельной реформы Деникина, появившийся в развитие его декларации от 24-го марта 1919 г., совершенно не мог удовлетворить крестьянство. Его основные положения сводились к следующему: сохранение за собственниками их прав на землю, установление для каждой отдельной местности тех или иных земельных норм и переход остальной земли к малоземельным „путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату“, при чем „полное разрешение земельного вопроса для всей страны“ возлагалось в дальнейшем на „законодательные учреждения, через которые русский народ выразит свою волю“ [2]).

В результате таких тенденций в области земельной политики и явился приказ главнокомандующего о правах на сбор урожая, содержание которого мы привели выше и применение которого в своеобразном толковании агентов местной власти Деникина еще более раздражило крестьян.

Вообще следует отметить, что деморализованность агентов власти являлась характерной чертой режима Деникина. „Пьянство, порки, погромы составляли бытовое явление“ [3]). Неоднократно цитированный нами видный деятель деникинского правительства пишет: „Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положений“ [4]).

Понятно, почему вскоре тыл Добровольческой армии начал так же сотрясаться от волн крестьянских восстаний, как сотрясался тыл белых армий Колчака. Это грозное для добровольцев явление особенно сильно начало сказываться в пределах Украины, где анархо-кулацкая стихия нашла себе незаурядного руководителя в лице Махно, который в октябре 1919 г. угрожал даже ставке Деникина в Таганроге.

Махновские банды отвлекли значительные силы с фронта, однако, возглавляемое им движение было лишь подавлено, но не уничтожено, и с новою силою обнаружилось при начале общего отступления белых армий юга России. Полное одиночество правящих кругов Добровольческой ар-

---

[1]) Там же, стр. 186.

[2]) Там же, стр. 187.

[3]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, том II, Пекин, 1921 г., стр. 311.

[4]) К. Н. Соколов, „Правление генерала Деникина“, София, 1921 г., стр. 193.

мии во внешней и внутренней политике заставило их искать выхода в реконструкции правящего аппарата путем соглашения главного командования Добровольческой армии с „южно-русской конференцией", на которой были представлены Дон, Кубань, Терек и которая работала еще с июня 1919 г. над проектом федерирования этих областей. Совместные заседания обеих сторон начались в сентябре 1919 г. Однако, дело о „сговоре" с казачеством находилось на мертвой точке, а тут подоспела катастрофа на фронте и переворот на Кубани, произведенный генералами Добровольческой армии и фактически лишивший Кубань всякой самостоятельности.

Только катастрофический развал фронта и перемена курса английской политики, где верх взяла точка зрения против активной интервенции в русские дела, побудили Деникина пойти на решительную перемену курса своей политики тогда, когда было уже поздно. „Особое совещание" было упразднено. После некоторых колебаний Деникин пошел на все уступки требованиям верховного круга, после чего от его военной диктатуры не осталось и следа; это соглашение было оформлено в 20-х числах января 1920 г., но пока формировалась новая власть „на началах народоправства", боевые события шли своим чередом, и когда она в 20-х числах февраля того же года попыталась вступить в исполнение своих обязанностей, в ее распоряжении оставался только клочок территории в районе Новороссийска, который ей пришлось также вскоре покинуть.

Правительства Северной области (архангельское) и северо-западное.

История обоих этих правительств и их эволюция в общем и целом подобны только-что описанным двум главнейшим белогвардейским правительствам; их политическая физиономия, режим и цели разнятся лишь в оттенках от таковых же их старших собратий. Поэтому здесь мы остановимся лишь кратко на главнейших моментах существования этих правительств.

Правительство севера России образовалось после высадки десанта держав Антанты в августе 1918 г. Оно состояло первоначально из нескольких членов учредительного собрания и общественных деятелей.

Однако, месяц спустя, даже такая соглашательская физиономия правительства не понравилась фактическим господам положения — британским военным властям, и в сентябре первоначальный состав правительства был разогнан, при чем во главе его номинально по-прежнему остался „социалист" Чайковский, а генерал-губернатором

и заместителем его был назначен генерал Миллер. Когда Чайковский уехал на конференцию в Париж, генерал Миллер фактически остался во главе правительства.

В отношении конструкции власти архангельское правительство являло ту оригинальную особенность, что во главе правительства стоял генерал-губернатор, который по своему служебному положению должен был являться лицом, подчиненным правительству.

Архангельское правительство наиболее полно из всех белогвардейских правительств зависело от держав Антанты, главным образом, от Англии, благодаря условиям экономическим, так как, согласно указаний англичан, оно выпустило свои денежные знаки по курсу 40 р. за фунт стерлингов, которые имели хождение только на английских рынках и внутреннем, так как на фронте и в тылу до осени 1919 г. было гораздо больше английских, чем русских белогвардейских войск. Таким образом, по существу это правительство являлось тою же военной диктатурой.

Как только этому „правительству“ удалось войти в связь с омским правительством Колчака, последнее поспешило исправить отмеченную нами ненормальность, обратив его в военное генерал-губернаторство с особым советом при нем вместо министерств [1]).

В создании всех перечисленных нами белогвардейских правительств все-таки участвовали те или иные слои населения, и они возникали частью самостоятельно, частью лишь при поддержке держав Антанты. В лице северо-западного белого правительства Лианозова мы имели белогвардейское правительство, явившееся исключительно продуктом творчества генералов Антанты. Сложность внешней политической обстановки Прибалтики, где Англия боялась возрождения влияния Германии, с одной стороны, бездарность и полнейшая политическая безграмотность военных руководителей белогвардейской Северо-Западной армии, с другой стороны,— вызвали к жизни это правительство, появившееся на свет гораздо позднее всех прочих своих собратий.

Обстоятельства его возникновения характерны для обрисовки отношения Антанты к русским белогвардейцам. 10-го августа 1919 года английский генерал Марш собрал у себя нескольких кандидатов в министры будущего правительства и, стоя, обратился к ним со следующей речью: „Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области. Его нужно создать, не выходя из этой

---

[1]) Гинс, „Сибирь, союзники и Колчак“, том II. Пекин. 1921 г., стр. 319—321.

комнаты. Теперь шесть с $^1/_4$ часов, я вам даю время до семи часов, так как в семь часов приедут представители эстонского правительства для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если вы этого не сделаете, то мы, союзники, бросим вас. Вот лист членов правительства, которые желательны союзникам,—поговорите о сказанном мною“ [1]).

Вполне понятно, что правительство, возникшее на таких началах, являлось не более, как фикцией. Это правительство сидело в Ревеле, на эстонской территории, терпимое там эстонским правительством исключительно благодаря настояниям Англии; собственные его войска, дравшиеся на клочке русской территории, в районе Нарвы и Пскова, вперемежку с эстонскими частями, грозили либо арестовать его членов при появлении их на фронте, либо разогнать их.

Фиктивными являлись все распоряжения и декларации этого правительства, так как фактически вся власть на местах, а следовательно, и руководство внутренней политикой сосредоточивались в руках генералов и атаманов Северо-Западной армии, которая тов. Троцким в одной из его речей была охарактеризована, как собрание кондотьеров XVI — XVII вв. Полезно привести несколько фактов из деятельности этих лиц для характеристики тех крайностей, в которые обращается режим невежественной военной диктатуры, — той формы власти, в сторону которой эволюционировали, как видно из предшествовавшего изложения, все русские белогвардейские правительства. Руководящие деятели Северо-Западной армии представляли пеструю смесь военных авантюристов, начиная от ставленников помещичье-баронской реакции и кончая дезертирами из Красной армии в роде Булаха-Балаховича, которые свою бандитскую сущность прикрывали ультра-демагогическими лозунгами.

В этом черном стане не могло быть и не было внутреннего единства; взаимные интриги и заговоры господствовали в среде Северо-Западной армии, но раздираемые внутренними раздорами авантюристы являли трогательную картину единения, когда дело касалось насилий над местным населением, пленными, слабыми и беззащитными.

Во главе этой армии стоял генерал Юденич, проявивший полную бездарность во всех отношениях; но, по словам

---

[1]) М. С. Маргулиес „Год интервенции“, Берлин, 1923 год, т. II, стр. 204.

одного из бывших министров северо-западного правительства [1]), в окружении генерала Юденича „царило безнадежное черносотенство“.

Наиболее колоритной фигурой в лагере белых являлся дезертир Красной армии Булах-Балахович. При занятии Пскова белыми он проявил действительно кондотьерскую жестокость. „Людей вешали днем в центре города на фонарях, при чем адъютант Балаховича предлагал казнимым самим вешаться“ [2]).

Вереницы повешенных украшали все улицы города; на некоторых столбах висело по три человека [3]). В конце концов, против белого террора в городе восстали представители союзников, и тогда Балахович перенес место своих казней за город. В отношении национальных меньшинств заправилы Северо-Западной армии проводили явно погромную политику, выразителем которой являлась издаваемая ими газета „Белый Крест“.

В области аграрной политики военные белогвардейцы издали приказ, на основании которого землевладельцы получали посев, покос, усадьбу и инвентарь, земля же до учредительного собрания переходила к крестьянам; но без покоса крестьяне в пределах района действий Северо-Западной армии ничего не могли сделать с пашней, так как земля требовала обильного удобрения; поэтому крестьяне вновь попадали в кабалу к помещикам, которые либо продавали крестьянам покосы, либо сдавали их в аренду. Один из белогвардейских наблюдателей характеризовал режим Северо-Западной армии, как „смесь черной сотни с тепловатым октябризмом“ [3]).

Более определенную оценку получили заправилы Северо-Западной армии от взятого ими в плен и казненного ими бывшего генерала Николаева, сражавшегося в рядах Красной армии, который на суде назвал их „преступниками, идущими на Русь с самозванными генералами“.

Наибольшим вымогательствам подвергалось еврейское население. Под угрозой погромов Балахович заставлял его вносить крупные денежные суммы в свою пользу и в пользу предводительствуемых им бандитов.

Излишне делать какие-либо комментарии или давать выводы к только-что изложенному; факты говорят сами за себя.

---

[1]) См. предыдущий источник, стр. 137.
[2]) Там же, стр. 160.
[3]) Там же, стр. 161.

Выводы. Мы дали краткий очерк возникновения и эволюции всех белогвардейских правительств, зародившихся на пространствах бывшей империи под знаком учредительного собрания и единой, неделимой, великодержавной России; мы видели в процессе их возникновения работу центростремительных сил контр-революции, результатом которых явилась кристаллизация генеральских диктатур.

Действительно, те из белогвардейских правительств, как например, правительства востока России и Сибири, которые возникали под лозунгами соглашательских и буржуазных партий, в дальнейшем насильственным или естественным путем скатывались к тому же режиму.

Нетрудно видеть, что дальнейшим шагом в этой эволюции в обратном порядке была бы реставрация в более или менее чистом виде с теми последствиями, образчики которых дала белая Северо-Западная армия в пределах занятых ею территорий. Но этому не суждено было случиться. Генеральские диктатуры являлись „гиппократовыми чертами“ белого режима; их наиболее резкое проявление совпадало или предшествовало развалу белых фронтов.

Так случилось в Сибири, когда Колчак в дни гибели сибирской контр-революции пытался остановить колесо истории при помощи штыков своих разбитых армий и банд атамана Семенова.

Такова же была участь Деникина, пытавшегося укрепить свое внутреннее положение полным уничтожением буржуазно-мещанского парламентаризма кубанской рады. Белогвардейский режим в самом себе носил источники своей гибели.

Крах белогвардейского режима явился вместе с тем и крахом соглашательской демократии.

Ее судьба и эволюция в стане белых показали наличие только двух реальных сил на арене гражданской войны в России: революционного пролетариата, которому принадлежало будущее, и кулацко-буржуазной реакции, стремившейся к восстановлению прошлого.

Наиболее активные и сознательные слои крестьянства, вначале шедшие за соглашательскими партиями, использовали полученный урок, безоговорочно перейдя в лагерь революции и усилив ее боевые кадры. Те же, кто из этого урока не сделал надлежащих выводов, разделили вместе с белой эмиграцией ее судьбу, являясь до сих пор жалкими подголосками в стане мировой контр-революции.

Соотношение внутренних сил на Украине.

Мы рассмотрели те белогвардейские правительства, объединяющей платформой для которых являлся лозунг единой и неделимой России в области внешней политики и принцип учредительного собрания в их внутренней политике; в связи с ними мы рассмотрели и те контр-революционные группировки, политические устремления которых предусматривали, как идеал достижения, самостоятельность временную и постоянную, но которые, вовлеченные силою вещей в орбиту более крупных белогвардейских образований, поневоле должны были воспринять их политическую физиономию. Эти образования мы можем охарактеризовать, как промежуточные между правительствами определенной белогвардейской окраски и между правительством, занимавшим в течение гражданской войны совершенно своеобразную и обособленную от прочих позицию.

Таковым явилось правительство украинской директории, к которому тяготело соглашательское крыло кубанской рады, шовинистически настроенное.

Однако, прежде чем перейти к украинским правительствам эпохи гражданской войны, нам необходимо в нескольких словах остановиться на характеристике соотношения внутренних сил на Украине, поскольку оно представлялось более сложным и своеобразным по сравнению с таковыми же на прочих территориях бывшей Российской империи.

Правительство украинской директории.

Учитывая рамки нашего труда, мы не будем останавливаться на истории возникновения предшествующих украинских правительств и их политической физиономии. Правительство гетмана Скоропадского, поставленное немцами, в области внешней политики ничем не могло проявить себя, поскольку, не имея собственной вооруженной силы, оно являлось послушным орудием в их руках; в области внутренней политики оно, опять-таки следуя указке императорской Германии, стремилось к закреплению диктатуры помещиков и буржуазии в ущерб интересам рабочих и крестьян.

Гетманское правительство пало одновременно с падением военной и политической мощи центральных держав; уже первые отзвуки германской революции серьезно потрясли основы гетманского строя. Правящие классы ценою перемены ориентации надеялись удержаться у власти.

Ослабление режима оккупации освободило общественные действующие силы. Кроме „украинского национального союза“, уже ранее существовавшего политического центра

украинских шовинистических кругов, образовался политический „рабочий центр“, поставивший себе определенную задачу: путем массового выступления свергнуть гетманскую власть; в свою очередь, из гласных киевской думы и избранного в мае 1918 г. „всеукраинского комитета земств и городов“ образовался „демократический центр“, тянувший в сторону соглашательской политики с гетманом. Все эти организации, за исключением украинского „национального союза“, мало учитывали роль украинской деревни, которая, между тем, должна была быть значительной в предстоящем движении. Кроме них, на Украине, в частности в Киеве, действовал также конспиративный большевистский центр. Свою работу большевики вели самостоятельно, но под лозунгом восстановления Советской власти на Украине, воздерживаясь от какого бы то ни было контакта с названными выше организациями.

Пока в течение нескольких дней все четыре центра бездействовали, готовясь к выступлению, власть в столице Украины—Киеве перешла к Добровольческой армии, в лице генералов графа Келлера и Кирпичева, которые подчинили себе гетмана Скоропадского, после чего вновь сформированный кабинет министров из явных реакционеров поспешил покончить и с „самостийностью“ Украины, и с германской ориентацией, определив направление своей политики на единую Россию и поставив ближайшей целью борьбу с советской Великороссией при содействии „старых друзей“ России — держав Антанты.

Добровольческим генералам удалось арестовать „рабочий“ и „демократический“ центры, но „украинский национальный союз“ успел выехать в г. Белую Церковь, где он выделил из себя украинскую директорию и призвал крестьян к борьбе „за землю и волю“.

Таким образом, на политической арене остались пока только две борющиеся силы: украинская директория и сторонники генерала Деникина, опиравшиеся на немногочисленные белогвардейские отряды, но вскоре на арену борьбы выступила третья реальная сила в лице большевиков, опиравшихся на советы.

Пока украинская директория успешно оспаривала у гетмана власть почти на всей территории Украины, начиналась уже ее борьба в восточной Украине с властью советов: властями директории были уже распущены советы в Харькове и Полтаве. Это обстоятельство сразу же выявило политическую физиономию директории. Она являлась производной организованных и объединенных националистической идеологией городских и деревенских мещанско-кулац-

ких элементов, которые стремились использовать массовое крестьянское движение для создания национальной мелкобуржуазной государственности.

Открытие Дарданелл и появление антантовских флотов у берегов Черного моря делали Украину в этот момент весьма доступной международным влияниям, и ходом событий украинская директория была поставлена в необходимость сделать выбор между Советской Россией и Антантой.

После некоторых внутренних колебаний, боясь потерять все в случае неудачи Советской России, директория пошла по пути сближения с Антантой, что предопределило ее враждебные отношения к Советской России. Вот предпосылки дальнейшего уклона директории вправо, в связи с чем слева направо перемещалась и равнодействующая всей внутренней украинской политики в пользу кулацких элементов, при чем, в конце-концов, директория выродилась в подлинную кулацкую диктатуру.

Это перерождение директории ознаменовалось ее открытым наступлением на украинский пролетариат и его органы: начались разгоны советов, аресты и расстрелы коммунистов, преследования профессиональных союзов.

Директория в своей внутренней политике разделила участь прочих белогвардейских правительств. Ее дела далеко не отвечали ее словам. Обещания же директории в отношении своего радикализма далеко оставляли за собою все декларации белогвардейских правительств.

Декларация директории провозглашала восстановление всех революционных завоеваний, передачу земли крестьянам, широкое социальное законодательство, однако, „без анархических методов“ и в формах, выработанных, „главным образом, западно-европейской рабочей демократией“. Главнейшею же особенностью декларации являлось провозглашение идеи диктатуры крестьянства и пролетариата с лишением имущих классов политических прав. Вместе с тем провозглашалась идея трудового конгресса из представителей рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции [1]).

Однако, последующими административными циркулярами и при посредстве органов местной власти и кулацких „спилок“ директории удалось обеспечить большинство в конгрессе за кулацким элементом.

Таким образом, выдвигая диктатуру крестьян и рабочих, директория в действительности думала, с одной стороны, лишить большевиков агитационных возможностей, а с дру-

---

[1]) М. Рафес, „Два года революции на Украине“, Москва, 1920 г., стр. 117—118.

гой — обеспечить национально - украинскую диктатуру, опирающуюся на кулачество и связанную с ним интеллигенцию. В области внешней политики директория изъявляла желание жить в мире со всеми народами и государствами, придерживаясь принципа полного нейтралитета.

Однако, продолжающиеся втайне и уже далеко зашедшие переговоры с Антантой продолжали толкать директорию вправо. А тем временем на Украине происходила новая перегруппировка социальных сил.

В процессе ожесточенной борьбы с гетманом в армию директории влились все слои крестьянства, от кулацких до полупролетарских и пролетарских его слоев. С занятием войсками директории крупных промышленных и политических центров естественно обнаружилось тяготение левой части крестьянства из армии директории к городскому пролетариату, тогда как кулацкие элементы начали либо расходиться по домам, чтобы воспользоваться плодами победы революции, либо разлагались, вступив на путь грабежей и погромов; реальной силой в руках директории оставался лишь осадный корпус сичевиков, наполненный выходцами из Галиции и мелкобуржуазными украинскими элементами эсеровского толка.

Внутри украинских правительственных сфер также шла борьба, долженствовавшая окончательно определить ориентацию внешней, а под ее влиянием и внутренней политики Украины.

Результатами этих колебаний в среде самой директории явилось стремление директории, не прерывая закулисных переговоров с Антантой, завязать переговоры с Советской Россией для ликвидации всех трений. Во главе украинской делегации предполагалось поставить Юрко - Мазуренко. Правительство директории канвой переговоров намечало следующие положения: полная свобода всех партий, в том числе и большевиков, но попытки вооруженного выступления против директории будут подавляться силою же оружия; полный нейтралитет в международных отношениях; директория не брала на себя обязанности воевать с Антантой, но решала бороться против десанта Антанты и против навязывания ей буржуазных порядков со стороны Антанты; подчеркивался преимущественно дипломатический характер борьбы с Антантой; борьба с Доном силою оружия мыслилась только до границ Украины, и, наконец, от Москвы требовалось взаимное признание суверенитета [1]).

---

[1]) Там же, стр. 130.

Однако, под влиянием хода событий директория вскоре опубликовала ноту с протестом против вступления советских частей в пределы Украины, при чем нота была обращена только к правительствам стран Антанты, что косвенным образом являлось приглашением их активно вмешаться в украинские дела и прислать военную помощь против большевиков

Хотя украинская делегация и отправилась в Москву, однако, переговоры с нею явились излишними, так как вскоре ходом революционной борьбы директория была отброшена в лагерь открытых врагов Советской власти, а в Харькове к этому времени образовалось уже украинское советское правительство, которое вошло в тесные отношения с правительством РСФСР.

В области внутренней политики директории обнаружилась еще одна характерная особенность: она оказалась бессильной бороться с еврейскими погромами, которые широкой волной разлились по Украине, или глядела на них сквозь пальцы. Виновники погромов в войсковых частях оставались совершенно безнаказанными, так так директории было невыгодно рвать с погромными элементами: в них она видела свою единственную опору.

Наконец, ведя борьбу против советов рабочих и крестьянских депутатов, директория пыталась отвлечь социальное движение масс в русло узко-националистических задач, подготовляя почву для военной диктатуры против рабочих и крестьян.

Поскольку директория решительно вступала на путь диктатуры против советов, ее дальнейшими шагами в этом направлении естественно должны были явиться попытки мобилизации всех контр-революционных сил, толкнувших ее на соглашение с Антантой и на войну с Советской Россией.

Такова была обстановка, когда собрался трудовой конгресс, при чем коммунистическая партия объявила ему бойкот.

Наибольшее представительство на конгрессе получила „селянска спилка“, представлявшая центр партии украинских эсеров.

Внешняя политика директории, — борьба с Советской Россией и попытки компромисса с Антантой, — вызвала резко отрицательное к себе отношение со стороны этой влиятельной части конгресса. Голосования конгресса выяснили полную изоляцию директории от всех слоев и групп украинского крестьянства, благодаря ее внешней политике.

Вот причины, определившие, с одной стороны, успех и быстроту продвижения советских войск в пределах Украины и переход атамана Григорьева, возглавлявшего значительную часть армии директории, на сторону Советской власти, имевший своим результатом занятие Одессы и бегство французского десанта.

Украинская директория продолжала катиться вправо, вступив на путь открытого привлечения Антанты на свою сторону. 25-го января 1919 года было объявлено о переходе железнодорожной линии Одесса—Раздельная—Тирасполь, Одесса—Аккерман и Одесса—Колосовка—Николаев в сферу французского влияния. Директория в следующих выражениях мотивировала эту передачу. „Борьба на Украине ведется только против реакционеров и анархистов, но не с республиканской Францией, которая не может итти против интересов Украины. Украина поэтому не воюет против Франции и оказывает ей дружеское гостеприимство“ [1]).

Левые фракции покинули конгресс, снимая с себя всякую ответственность как за его постановления, так и за последствия их.

Последние заседания конгресса происходили в тревожной обстановке прифронтовой полосы. Кое-как вотировав доверие директории, конгресс разошелся, выделив из себя несколько совершенно безличных придатков власти наподобие парламентских комиссий.

По мере успешного продвижения советских войск директория, принужденная скитаться с места на место и выжатая, наконец, в пределы Галиции, все более теряла признак территориальности, а вместе с тем и свое самостоятельное политическое значение; вместе с тем продолжалось ее перерождение в подобие военной диктатуры. Но мелкомещанская стихия и здесь осталась верна себе самой: она выдвинула такую же мелкую военную диктатуру в лице Петлюры, которая представлялась для Антанты слишком мало заметной величиной, чтобы заняться ею серьезно, и слишком беспомощную самоё по себе, чтобы держаться самостоятельно,—она вынуждена была скатиться в сферу польского влияния.

Этот новый сателлит панской Польши некоторое время пытался выступать еще на горизонте гражданской войны, пока силы красного Севера были целиком заняты борьбою с белым Югом, но окончательная победа красных автоматически выкинула Петлюру, как самостоятельный фактор, с арены политической борьбы.

---

[1]) Там же, стр. 150.

Разволновавшаяся кулацкая стихия, идейно оторвавшаяся от директории, еще долго не могла успокоиться и войти в русло советских идеологии и строительства.

Выразителями ее чаяний и политических устремлений явились многочисленные атаманы и атаманчики, в роде Григорьева, Махно, Тютюника, Зеленого и пр., банды которых в течение всей гражданской войны разгуливали по Украине, являясь случайными попутчиками той или другой из борющихся сторон.

Конец гражданской войны положил предел существованию и этих банд.

Правительство украинской директории в его первоначальных формах явилось мелкобуржуазным правительством; во главе его стояли старые демократы-революционеры. Но, подобно такому же демократическому правительству уфимской директории, и оно, вступив на путь борьбы с революционным пролетариатом, сыграло почти одинаковую с ним контр-революционную роль, являясь предтечей буржуазной диктатуры, поддерживаемой международной контр-революцией.

Пример украинской директории еще раз доказал несостоятельность мещанской демократии перед лицом мировой революции.

Опыты обеих директорий ясно показали, что для активных творческих сил мелкобуржуазных слоев и партий не оставалось иного выхода, как присоединение к формуле политической гегемонии пролетариата.

Трехмесячная борьба между этими двумя принципами закончилась победой коммунистического принципа, в то время как директория под давлением внешней и внутренней реакции быстро покатилась к союзу с мировой контрреволюцией.

Белые правительства Закаспийской области, Кавказа и Туркестана.

Для полноты картины нам остается в двух словах остановиться на истории возникновения и политической физиономии правительств, возникших на самых отдаленных окраинах бывшей Российской империи.

12-го июня 1918 года в Закаспийской области власть захватил исполнительный комитет членов учредительного собрания, во главе с правым эсером Фунтиковым. Первым делом этого новоявленного правительства было обращение за помощью к англичанам, первые отряды которых появились в Закаспийской области в начале августа 1918 года. Постепенно усиливаясь, англичане захватили в свои руки все отрасли управления, сделав

местную власть, в лице эсеров и меньшевиков, послушным орудием в своих руках. Правление англичан ознаменовалось их зверской расправой с 26 комиссарами бакинского советского правительства, вывезенными ими из Баку. Как и везде, местное население оказалось враждебным к оккупантам и сочувственно настроенным к Советской власти. При таких условиях организация армии подвигалась слабо; удалось набрать 4—5 тысяч местных туркмен. Опираясь на эти силы и поддержку 2 тысячного отряда англичан, закаспийское белое правительство не могло долго держаться. Впоследствии оно передало свою власть генералу Деникину, приславшему в Закаспийскую область свои войска[1]).

Из белых правительств Кавказа, кроме уже выше рассмотренных нами, следует упомянуть еще о превращениях бакинского правительства.

29-го марта 1918 года власть в Баку перешла в руки пролетариата. В начале мая 1918 года Грузия, Азербейджан, претендовавший на Баку, а вслед за ними и Армения объявили себя независимыми от России, и турецкие войска начали наступление на Баку и обложили его. Помощь Баку была оказана отрядом, образовавшимся из остатков русских войск в Персии, прибывшим оттуда в составе 18 сотен терских и кубанских казаков, под начальством Бичерахова.

В конце июля бакинский совет, под влиянием соглашателей, постановил пригласить на помощь англичан. Власть из рук большевиков перешла в руки меньшевиков, эсеров и родственных им армянских дашнаков. Во главе обороны стала организация каспийского флота под именем Центрокаспия. Небольшой английский отряд прибыл из Персии, однако, после месячного пребывания вновь ушел в Персию, и 1-го сентября 1918 года турки заняли Баку, после чего начали развивать наступление на Петровск, где утвердилось эсеро-меньшевистское правительство, принявшее название „прикаспийского правительства“. Это правительство, опираясь на отряд Бичерахова, который пробрался в Петровск, претендовало на Терскую область, северный Кавказ, Ставропольскую губернию, а кроме того, на объединение с Закаспийской и Муганской республиками. Однако, отряд Бичерахова был разбит турками, после чего он сел на суда и ушел по направлению к Персии. Разбежалось и прикаспийское правительство. Оно вновь появилось в Баку осенью 1918 года с новым прибытием туда англичан, которые заявили, что не будут вмешиваться во внутренние русские

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 91—92.

дела. Там оно встретилось с местным азербейджанским правительством, которое претендовало на суверенитет в Баку и добилось его, после чего прикаспийское правительство исчезло, как самостоятельная величина с горизонта гражданской войны [1]).

С установлением Советской власти в Туркестане, в Фергане образовалось областное правительство соглашательской окраски, в которое вошли мусульманские и русские кулацкие и буржуазные элементы. Это правительство вело борьбу с советским правительством Ташкента. Впоследствии оно распалось, при чем идеологическими преемниками его явились повстанческие организации, известные под именем „басмачей", только недавно прекратившие нарушать мирную жизнь Туркестана.

---

[1]) „Архив русской революции", 1923 г., том IX. Б. Бойков „Воспоминания о революции в Закавказье", стр. 91—195.

ГЛАВА IV.

Состояние тыла обеих сторон.

Состояние тыла белых и красных армий в эпоху гражданской войны. Наиболее крупные выступления в тылу красных армий в пределах Великороссии, Сибири и Урала. Партизанское и бандитское движение на Украине в период гражданской войны; причины его сильного развития. Революционное движение в тылу белых армий; его характерные особенности. Махновщина и ее значение. Выводы.

Состояние тыла белых и красных армий в эпоху гражданской войны.

Характер гражданской войны не исчерпывает боевой обстановки только событиями, происходящими на фронтах обеих борющихся сторон.

На примере нашей гражданской войны мы видим, что и тылы обеих сторон также являются театрами военных действий, где параллельно с операциями на фронте развиваются свои боевые действия, иногда достигающие таких размеров, что их влияние начинает сказываться на операциях фронтов.

Это явление вполне понятно и объяснимо, если мы учтем то обстоятельство, что жизненные и мертвящие центры революции и контр-революции располагаются на территории страны, согласно условий экономического, а не стратегического порядка.

Динамические процессы, происходившие в толще народных масс, нашли свое выражение в тех движениях, которые происходили в тылу обеих сторон и которые являлись вполне естественными спутниками революционной войны.

Эта динамичность тыла является одним из типичных признаков гражданской войны, не встречающихся вовсе или встречающихся, как редкое исключение, в обстановке войн предшествующего периода, почему на ней надлежит остановить наше внимание.

Несмотря на общность внешних черт в тыловых движениях за боевыми линиями обоих фронтов, природа этих движений является совершенно различной в тылу красных и в тылу белых.

На территориях красных фронтов эти движения носили характер временных колебаний крестьянской стихии, укладывавшейся в прочные рамки советского строительства; в тылу у белых они являлись вполне закономерным историческим явлением, питаемым условиями среды, режима и вообще всей внутренней политикой белых.

В этом мы усматриваем причину того явления, что на красной стороне кривая тыловых волнений идет по восходящей в начальный период гражданской войны, примерно до ее перелома, т.-е. до середины 1919 г., а затем спускается вниз, тогда как у белых мы замечаем неуклонный рост тыловых волнений, судороги которых свидетельствуют о скорой агонии всего белого фронта.

Волнения в тылу красного фронта зависели прежде всего от настроений середняцкого крестьянства, которое, не видя непосредственно перед собой помещика, думало уклониться от тягот гражданской войны, раздражавшей его необходимостью давать солдат в армию и хлеб по продразверстке; эти настроения сменялись другими, как только крестьянин воочию убеждался, что несет ему власть белой диктатуры, которая своим режимом содействовала советизации оккупированных ею районов в плоскости психологической. Кроме того, на антисоветских вначале настроениях крестьянства сказывалась первоначальная неналаженность смычки между деревней и городом, а также стремление кулацкого элемента распространить свое влияние и руководство на массу середняцкого крестьянства.

Массовость выступлений в тылу красного фронта бывает всегда ограничена в пространстве и проявляется только тогда, когда очагом движения является пункт или среда, жизненная для контр-революции, или налицо имеется хорошо проведенная провокация. Все движения в тылу красных либо не носят массового характера, либо быстро его теряют, как только массы убеждаются, что они явились жертвами обмана или провокации. В стане белых процесс идет в обратном порядке: спорадические выступления скоро принимают массовый характер, и тылы деникинских и колчаковских армий заливаются волной массовых крестьянских восстаний. В то время, как в тылу красных фронтов возбудителями и участниками движений являются либо контр-революционные, кулацкие, шкурнические элементы, опирающиеся на наименее сознательный и темный массовый элемент, в стане белых эти движения носят характер подлинно народных движений, во главе которых становятся наиболее зрелые политически и наиболее самоотверженные элементы, выдвигаемые массами.

Поскольку эти тыловые движения совпадают с боевыми операциями на фронтах, обеим сторонам приходится принимать меры военного и административного порядка для борьбы с ними.

И здесь чрезвычайно характерными являются те методы, которыми обе стороны борются с волнениями в своем тылу.

Советская власть никогда не обращает острея своей карательной политики против массовых участников волнений, она обрушивает свои кары прежде всего против контрреволюционной или бандитской головки выступлений; белая власть в подобных случаях всею тяжестью своих репрессий обрушивается сплошь на всю массу населения.

Таким образом, кроме причин социально-политического порядка, самые методы борьбы с волнениями в тылу, с одной стороны, толкают массы в русло Советской власти, а с другой стороны,—окончательно отталкивают их от белой власти, делая ее режим невыносимым для широких масс населения вообще.

Таковы сущность, характерные особенности и природа тыловых выступлений на красной и белой стороне в эпоху нашей гражданской войны.

Если остановиться на мысли дать общую их картину и проследить все их особенности, то для этого пришлось бы написать специальное исследование.

В настоящем изложении мы остановимся на кратком обозрении и характеристике важнейших из них, и притом таких, которые, возникая в непосредственной близости от того или другого фронта, либо в качестве одного из боевых фокусов будущей линии фронта, имели существенное значение для действий регулярных армий обеих сторон, предопределяя в некоторых даже случаях, как, например, это было у белых, исход всей кампании или операции.

Наш обзор мы начнем с тыловой обстановки красных фронтов. При этом следует отметить характерные особенности обстановки, слагавшейся для красных фронтов в этом отношении в Великороссии, Сибири и на Украине. В последней эти выступления против красных, являясь следствием брожений анархо-кулацкой крестьянской стихии, стремившейся выявить свое лицо, носили массовый характер и осложнялись участием в них некоторых войсковых формирований украинского командования, шедших первоначально рука-об-руку с Красной армией.

Все это оказывало более существенное влияние на ход операций Красной армии, чем где бы то ни было, и придавало борьбе с этими выступлениями более длительный и упорный характер.

Выродившись впоследствии в беспринципный бандитизм, эти выступления продолжались еще и по окончании гражданской войны, потребовав особых мероприятий в области военной и административной для своей ликвидации.

Наиболее крупные выступления в тылу красных армий в пределах Великороссии, Сибири и Урала.

Наиболее обширными и организованными движениями, притом с определенным контрреволюционным характером, в сфере красных фронтов в пределах Великороссии и Урала явились ижевско-воткинское восстание в августе 1918 г. и восстание донских казаков в северной части Донской области в марте 1919 г.

Ижевское восстание было организовано союзом фронтовиков, насчитывавшим в себе до 4 тысяч членов, в котором в течение долгого времени тайно велась эсеровская пропаганда.

Воспользовавшись ослаблением пролетарских организаций г. Ижевска и его окрестностей, выделивших все свои боеспособные силы для борьбы с чехо-словаками, фронтовики, привлекши на свою сторону малосознательный элемент и усилившись кулацким и буржуазным элементами, выступили открыто против Советской власти 7-го августа 1918 г. С первых же шагов выяснилось явно эсеровская картина всего мятежа. Ижевский совет принял определенную эсеровскую физиономию, признал власть комитета всероссийского учредительного собрания и приступил к формированию „народной“ армии. После мобилизации городского населения мятежники мобилизовали крестьян окрестных волостей, и их силы возросли до 25.000 чел.

Поскольку город Ижевск и его район являлся средоточием значительных государственных оружейных и сталеделательных заводов, мятежники не испытывали недостатка в вооружении и даже артиллерии; впоследствии им удалось наладить и производство огнеприпасов.

От Ижевска мятеж начал распространяться по направлению к Воткинску и Сарапулю, который был взят повстанцами 31-го августа 1918 г.

Производя мобилизацию во всех занятых ими районах, белые к сентябрю 1918 г. значительно увеличили свои силы и захватили площадь 12 — 13 тысяч кв. километров с 700—800 тысячами чел. населения.

В дальнейшем повстанцы учредили в своем районе комитет членов учредительного собрания „Прикамского края“, оставив за советами лишь значение классовой организации.

Такое расширение восстания в пространстве и его первоначальные успехи объясняются отчасти отсутствием до-

статочных вооруженных сил для его подавления, так как главное внимание красного командования в этот момент было обращено на направления более существенные.

С половины сентября успехи повстанцев приостановились, тем более, что местное население, раздраженное тяготами, которые повстанцы на него накладывали, перестало поддерживать их, что сразу-же сказалось на внутреннем состоянии их вооруженных сил: „дисциплина в громадной и наскоро созданной армии стала падать, появилось дезертирство, участились случаи ухода целых частей к противнику".

Немало падению боевой мощи армии содействовала регуляризация ее в духе белых армий Колчака, что сразу же посеяло рознь между командным составом и рядовыми бойцами.

Войдя уже в общую линию белого восточного фронта, ижевские повстанцы держались еще до 7-го ноября 1918 г., когда вынуждены были покинуть ижевский район под натиском красных войск [1]).

Ижевское восстание, несомненно, было на-руку белым, так как, кроме их количественного усиления и обеспечения за ними известного участка их фронта, оно на 3 месяца лишило возможности Советскую власть использовывать ижевско-воткинские заводы для своих нужд.

Донское восстание с особой силой разгорелось в марте 1919 г. в тылу 9-й армии нашего Южного фронта, как-раз в тот период времени, когда обе стороны сосредоточили на этом фронте свое преимущественное внимание.

В противоположность только-что описанному восстанию, которое разразилось тогда, когда фронты обоих противников только еще обозначались, это восстание возникло в тылу достаточно насыщенного войсками и уже ясно определившегося фронта, в непосредственной от него близости и в момент развития решительных операций, почему его отрицательное влияние на ход этих операций сказалось гораздо существеннее и потребовало от красного командования затраты значительных сил и времени для борьбы с ним.

Центром восстания явилась станица Вешенская; площадь, охваченная восстанием, занимала до 10 тысяч кв. клм., простираясь от станицы Усть-Медведицкой до г. Богучара; число восставших казаков определялось в 15 тысяч человек при нескольких пулеметах. Вокруг этого главного ядра восстания возникло несколько второстепенных в районах Новохоперска, Бутурлиновки и др., носивших чисто-дезертирский характер.

---

[1]) Журнал „Пролетарская Революция" 1924 г., №№ 8—9. Н. Сапожников, „Ижевско-воткинское восстание".

Необходимость подавления восстания в кратчайший срок, пока оно не успело разъесть с тылу противостоящий белым армиям участок фронта, вынудила ослабить войска фронта выделением значительного количества сил. В течение апреля 8-я и 9-я красные армии выделили для борьбы с повстанцами по одной экспедиционной дивизии, общим количеством до 14.000 бойцов с артиллерией и пулеметами.

Эти силы раздробились по 400-километровому обводу восстания и действовали разрозненно. Так же, как и ижевское восстание, и это восстание первоначально носило эсеровскую окраску: повстанцы стремились сохранить власть советов, но без коммунистов. С назначением бывшего командарма 8-й, тов. Хвесина, командующим всеми экспедиционными силами, действующими против повстанцев, подавление восстания пошло успешнее: в течение недели, с 24-го мая по 1-е июня 1919 г., восстание на правом берегу р. Дона было подавлено. Но было уже поздно: прорыв Южного фронта белыми армиями продолжал развиваться, и 7-го июня 1919 г. повстанческий район соединился с белым фронтом узкою перемычкою в 20 — 30 клм. шириной, вдоль дороги Дегтево (Отрадное)—Казанская [1]).

Таким образом, красному южному фронту в течение апреля и мая 1919 г. пришлось вести борьбу с южными белыми армиями, имея в 130 клм. в тылу обширный район, охваченный восстанием. Кроме материального ущерба и отвлечения с фронта до 15 тыс. бойцов, это обстоятельство крайне осложняло действия фронта в техническом и моральном отношениях.

Таковы были наиболее значительные массовые повстанческие движения, существенным образом влиявшие на операции красных фронтов.

Кроме них и вне зависимости от удаления фронтов, мятежные вспышки возникали и в отдельных крупных населенных центрах, особенно летом 1918 г. Возникновение их было случайного или планомерного характера В первом случае налицо имелась либо кулацкая провокация, либо просто стихийное движение политически невоспитанных масс, быстро ликвидируемое. Во втором случае налицо была планомерная подготовка и объединенная работа антисоветских партий и элементов при деятельном участии агентов держав Антанты, преследовавшая определенные политические и военные цели.

---

[1]) „Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.“. „Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь—май 1919 года“. Москва. 1919 г., стр. 45—47.

Обнаруживавшиеся фокусы этих восстаний являлись предвестниками грядущей интервенции на тех направлениях, где они возникали.

Так, 22-го июня 1918 года пензенский губвоенком доносил наркомвоену, что в Пензе, в ожидании прибытия чехо-словаков, был организован контр-революционный заговор, в который предполагалось вовлечь продовольственную милицию. Однако, заговор не удался, и милиция была обезоружена [1]).

Более удачными для контр-революционеров явились их выступления в некоторых городах верхнего Поволжья, особенно в Ярославле, в предвидении десанта держав Антанты на беломорском побережье.

В ночь с 2-го на 3-е июля 1918 года белогвардейцы внутренним выступлением захватили Ярославль, принудив красные войска временно покинуть город [2]).

Борьба за Ярославль тянулась свыше 2-х недель, потребовав сосредоточения против него значительных советских сил и артиллерии. Так, одна только Москва из своего гарнизона отправила туда два пехотных полка и два отряда [3]).

Полное напряжение сил обеих сторон летом 1919 года потребовало усиленной мобилизации населения в ряды Красной армии.

Несознательные и шкурнические элементы, уклоняясь от службы в рядах войск или дезертируя из них, соединялись в шайки и банды, предававшиеся грабежам и насилиям в тылу и совершавшие даже набеги на города с небольшими гарнизонами. Это движение „зеленых", как именовались такие шайки, хотя и стояло на границе с простым уголовным бандитизмом, но в дальнейшем принимало политическую окраску в духе эсеров.

Борьба с „зелеными" отвлекала известное количество войск от их прямого боевого назначения, хотя велась, главным образом, войсками внутренней охраны республики, отрядами местных военных комиссариатов и добровольческими организациями, возникавшими при местных советах специально для этой цели.

Лето 1919 года отмечается усиленным ростом движения „зеленых", которое в некоторых случаях контр-революционные элементы пытались использовать для своих целей. Сводки главного управления войск внутренней охраны республики отмечают за это время захват бандами „зеленых"

[1]) В.-уч. арх., дело № 344, лл. 233—234.
[2]) В.-уч. арх., дело № 48. лл. 387—389.
[3]) В.-уч. арх., дело № 344 лл. 654.

Юрьева-Польского, Владимирской губернии, с находившимся там артиллерийским складом, при чем местный военный комиссар со своим отрядом вынужден был покинуть город.

В июле 1919 г. Пошехонский уезд Ярославской губернии был целиком охвачен восстанием „зеленых", при чем к организации его приложили руку левые эсеры. В восстании приняло участие до 10 тыс. чел; кулацкое население поддерживало повстанцев. Восстание было ликвидировано в том же месяце.

В некоторых случаях банды „зеленых" располагали даже артиллерией и пулеметами. Так, одна из сводок говорит, что в Вышневолоцком уезде у „зеленых" было захвачено одно орудие, 4 пулемета и много винтовок [1]).

Одной из главных причин развития движения „зеленых" именно летом 1919 г., на наш взгляд, является совпадение с этим периодом наибольшего напряжения республики в военном отношении; многочисленные мобилизации давали известный процент малосознательного элемента, в дезертирстве искавшего способа уклониться от выполнения своего гражданского долга. Когда эти малодушные элементы попадали в условия благоприятствующей им кулацкой среды, движение разрасталось, стремясь принять организационные формы и выявить известную политическую физиономию, и тут услужливо появлялись на сцену со своими лозунгами эсеры.

Партизанское и бандитское движение в период гражданской войны.

На Украине повстанческое движение в тылу красных фронтов носило более резко выраженный и упорный характер. Объяснения этому явлению следует искать в наличии для повстанчества более благоприятной среды в виде кулацкого сельского элемента, среди которого украинские мелкобуржуазные партии уже давно вели свою организационную работу, а затем в самих условиях возникновения красного украинского фронта.

Силы этого фронта в период 1918—19 гг. образовались не только из частей, прошедших организационную и политическую школу Красной армии, но и из частей полупартизанского и партизанского типа, достаточно пропитанных мелкобуржуазной идеологией и даже вовсе не имевших никакой политической идеологии и видевших в войне лишь средство наживы. Эти образования делались лишь временными попутчиками Красной армии, будучи органически чуждыми ее природе и духу. Они откалывались от нее при

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 65, лл. 11, 47, 52.

первом удобном случае, выявляя свою истинную бандитскую физиономию, и являлись организмами-возбудителями бандитских движений в массах.

Участие в бандитских выступлениях и движениях частей, получивших предварительно хоть кое-какую воинскую организацию и управление, делало украинский бандитизм для Красной армии явлением более грозным, чем только-что перечисленные тыловые волнения на ее других фронтах, и требовало значительного расхода сил и энергии для борьбы с ним.

Украинский бандитизм был тем фактором в сумме всех прочих факторов обстановки гражданской войны на Украине, неблагоприятные последствия которого в течение летней кампании 1919 г. значительно отразились на стратегическом положении Красной армии.

Согласно определения тов. Троцкого, этот бандитизм явился результатом перерождения украинской партизанщины, не имевшей никакой своей особой идеи, никакого самостоятельного знамени и потому группировавшейся вокруг лиц, в фактор реакционного порядка[1]).

Восстание атамана Григорьева, командовавшего бригадой, образованной из тех партизанских отрядов, во главе которых он овладел черноморским побережьем и такими крупными центрами, как Николаев, Херсон и Одесса, после поспешного оставления их десантом Антанты в апреле 1919 г., и насчитывавшей в своем составе до 15.000 чел. с артиллерией и пулеметами, положило начало крупным выступлениям украинских атаманов против Советской власти и Красной армии.

В начале мая 1919 г. Григорьев, получив приказ двинуться со своим отрядом к границам Бессарабии, отказался его исполнить и поднял мятеж против Советской власти, выставив эсеровские лозунги. Его части, расположенные в районе г. Александрии, Херсонской губ., захватили последний и начали продвижение к Херсону, Николаеву и Екатеринославу. Действуя по способу эшелонной войны, Григорьев быстро распространился на север, и уже 13-го мая его банды появились в Кременчуге и Черкасах, угрожая даже Полтаве[2]).

Мятеж Григорьева по времени совпал с напряженной борьбой нашего южного фронта с наступающими армиями Деникина, чем и можно объяснить его первоначальные успехи,

---

[1]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция", том II, книга I, Москва, 1924 г. „Украинские уроки", стр. 178—182.

[2]) В.-уч. арх., дело № 820, л. 10.

так как для борьбы с ним пришлось стягивать части с разных сторон и даже прибегнуть к мобилизации рабочего населения Одессы.

Однако, вскоре в бандах Григорьева начался процесс внутреннего разложения, и они начали рассасываться в пространстве, исчезнув, как вооруженная сила, способная решать самостоятельные боевые задачи, но наводнив огромный район между Днепром и Днестром своими осколками.

Борьба с ними приняла весьма длительный характер и потребовала значительного расхода сил и средств. Так, в начале июня на правом берегу Днепра, кроме курсантских и специальных частей, борьбу с последствиями григорьевского мятежа вели полевые войска численностью до 7.000 штыков, а на левом берегу Днепра сила отрядов, выполнявших то же назначение, достигала 7.024 штыков, 13 орудий, 600 сабель [1]).

Украинский пролетариат достойным образом отозвался на попытку анархо-кулацкой стихии сорвать успех революции на Украине.

Объединенное заседание пленума одесского совета рабочих депутатов, пленума центропрофа, правлений рабочих и профессиональных союзов, заводских комитетов и делегатских собраний комитетов всех партий, стоящих на платформе Советской власти, постановило:

1) Всех рабочих г. Одессы признать мобилизованными для работы в городе и на фронте винтовкой и словом.

2) Передать г. Одессу под непосредственную надежную защиту самих рабочих.

3) Развить максимум энергии для агитации, в особенности в деревне и на фронте, в местах, занятых обманутыми частями Григорьева, для каковой цели все советские партии мобилизуют немедленно все свои агитаторские и пропагандистские силы и предоставляют их в распоряжение исполнительного комитета с тем, чтобы из их числа послать специальную делегацию от рабочих всех районов и красноармейцев на фронт.

4) Вменить в обязанность каждому рабочему особую бдительность за каждым контр-революционером, каждым погромным агитатором, выступающим против Советской власти.

5) Приветствуя красные войска, защищающие своею кровью Советскую власть от посягательств всякого рода белогвардейских банд, рабочие города Одессы обещают беспощадно бороться с буржуазией до тех пор, пока в крас-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 820, л. 30.

ной Одессе и во всей советской Украине не будет водворен прочный пролетарский порядок[1]).

Революционная самодеятельность пролетариата преградила путь к морю бандам Григорьева, тем не менее, стратегические последствия мятежа Григорьева отразились на положении дел на участке красного южного фронта. Советская Украина не могла выделить ему на помощь такого количества сил, которое было ему необходимо, так как значительную часть их пришлось бросить на борьбу с украинским бандитизмом.

Мятеж Григорьева имел еще и другое последствие. Будущий главарь анархо-кулацких сил—Махно, до сих пор державший фронт против войск Деникина и подчинявшийся советскому командованию, вышел из повиновения и принялся за организацию своих вооруженных сил, не становясь пока открыто на сторону врагов Советской власти, что он сделал позднее, когда его организация достаточно окрепла[2]).

Однако, задавшись собственными целями, Махно предательски оголил фронт, и в раскрывшиеся ворота широкой волной хлынула кавалерия Добровольческой армии. В этом заключался второй серьезный удар стратегическому положению красных армий на Южном фронте.

Лето 1919 г. на Украине прошло под знаком непрерывного роста партизанско-бандитского движения.

Его развитие тов. Троцкий, между прочим, объяснял двумя причинами: развитием в силу ряда исторических причин мелкобуржуазного оппортунистического социализма на Украине и оставлением ее наиболее революционными элементами рабочего класса, после того как немцы разгромили советы на Украине[3]).

Оба советских правительства (Украины и России) принимали энергичные меры борьбы с украинским бандитизмом. Тов. Троцкий в одной из своих статей писал: „Нельзя дольше терпеть ни одного дня, чтобы развратные негодяи под именем атаманов, батек набирали себе столь же развратные банды, громили мирное население, разрушали железнодорожные сооружения, устраивали крушения поездов, губили сотни и тысячи человеческих жизней. Нужно истребить дочиста всех Григорьевых, Зеленых, Махно и всех кулацких помощников и попустителей“[4]).

---

[1]) Вл. Маргулиес, „Огненные годы“, Берлин, 1923 г., стр. 133—134.

[2]) В.-уч. арх., дело № 820, л. 12.

[3]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том II, книга I, Москва, 1924 г., стр. 218.

[4]) Там же, стр. 241.

Эти короткие и энергичные строки лучше длинного описания характеризуют суть и природу украинского бандитизма, а также его линию поведения в отношении мирного населения.

Однако, разбушевавшаяся анархо-кулацкая стихия с трудом входила в рамки закономерности и порядка, и последующие годы на Украине прошли под знаком упорной борьбы с вспышками анархической работы бандитских шаек.

Анализируя сущность повстанческих и бандитских выступлений в тылу красных армий, в своем месте мы уже отметили их контр-революционный характер, поскольку они являлись выражением углубления революции вплоть до деревенских низов.

Деревня, переставшая быть единой, раскололась на два лагеря, при чем трудящееся, беднейшее крестьянство продолжало итти рука-об-руку с рабочим классом в достижении конечных целей Октябрьской революции, кулацкий же элемент был отброшен в лагерь контр-революции. Как только среднее крестьянство было вовлечено в русло советского строительства, оно своим удельным весом укрепило позицию Советской власти в низах, и видимым результатом этого перемещения центра тяжести социальных сил было успокоение в красном тылу.

Революционное движение в тылу белых армий, его характерные особенности. Повстанчество в тылу белых армий восточного и южного фронтов.

Совсем иное соотношение внутренних сил было в тылу у белых, и поскольку основная разрушительная сила, действовавшая на их тылах в союзе с рабочим классом, наращивалась постоянно теми промежуточными силами, которые откалывались от белогвардейских правительств по мере уклонения их режима вправо, постольку на тылах белых мы наблюдаем совершенно обратное явление.

Там революционное движение обнаруживает тенденции к непрерывному нарастанию и в процессе своего развития выливается в прочные организационные формы.

В своем месте мы уже останавливались на тех причинах, которые вызывали восстания против власти Колчака во многих местах тотчас же почти после ее насильственного утверждения.

Мы говорили о той волне крестьянских восстаний, которая прокатилась по всей Сибири и явилась одной из существенных причин развала колчаковского фронта. Интересно остановиться на некоторых цифрах, иллюстрирующих размеры этого движения.

Ко времени назревания окончательного перелома кампании на Восточном фронте в Томской губернии насчиты-

валось 7.000 организованных партизан; Енисейская губерния дала наибольшее их количество, а именно 14.000. В Иркутской губернии действовало 3.000 партизан, в Амурской и Приморской областях их было по 6.000. Всего же во всей Сибири насчитывалось до 35—40 тысяч партизан, действовавших отрядами разной численности [1]).

Эта разрушительная сила непрерывно подтачивала источники существования колчаковской армии и, в конце-концов, свалила и его самого.

Тыл вооруженных сил юга России в отношении своего состояния представлял более разнородную картину.

Кроме революционного движения, имевшего определенную политическую физиономию, там мы встречаем, особенно в пределах Украины, проявление того же беспринципного бандитизма, от которого приходилось страдать и Красной армии.

Этот беспринципный бандитизм находил свои кадры в многочисленном деклассированном элементе, умевшем владеть оружием и выброшенном на историческую арену в результате многолетней империалистической войны, а экономической его предпосылкой являлось развитие пауперизма, как естественное следствие той же войны.

Но на-ряду с ним в тылах Добровольческой армии созревали и выливались наружу и массовые революционные движения. По мере продвижения Деникина по Украине, повстанчество в тылу его принимало еще более резкие формы, чем это было в тылу красных армий. И если в пределах территории к западу от р. Днепра повстанчество в значительной своей части объединялось под лозунгами петлюровщины, то на левом берегу Днепра значительное количество восстаний происходило под лозунгами Советской власти [2]).

Как уже упоминалось, одним из основных возбудителей повстанчества в тылу южных белых армий являлся закон об отдаче помещикам 1/3 урожая с помещичьих земель. Но не только Украина являлась районом, неблагополучным для тыла белых армий.

Даже в тех районах, где добровольческое командование рассчитывало найти свою Вандею,—на Кавказе, в глубинах народных масс назревали революционные настроения, которые выразились в образовании целой „зеленой" армии на черноморском побережье. Крестьянство с черноморского побережья упорно уклонялось от мобилизации в армию Де-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 65, л. 141.
[2]) В.-уч. арх., дело № 96, л. 55.

никина. Многие из крестьян спасались от мобилизации в лесах приморских склонов Кавказского хребта.

Постепенно число беженцев увеличивалось дезертирами из белой армии и даже кубанскими казаками, раскусившими сущность реставрационной политики Деникина.

Из этих элементов и образовались отряды „зеленых" в белом тылу, особенно густо осевшие по черноморскому побережью. Отряды „зеленых" находили сочувственное отношение у местных крестьян, терроризованных деникинским режимом.

Вскоре во главе этого движения явилось определенное руководство, после того как в Тифлисе образовался комитет освобождения Черноморья, составившийся преимущественно из эсеров. Этот комитет поставил себе целью путем широкого вооруженного восстания очистить Черноморье от белой армии и образовать там „демократическую" республику на платформе учредительного собрания.

Комитет опирался на содействие меньшевистской Грузии, которая, с одной стороны, опасалась империалистических поползновений Деникина, а с другой стороны, еще менее желала себя видеть в непосредственном соседстве с РСФСР.

К осени 1919 г., т.-е. к моменту начала перелома кампании на Южном фронте не в пользу Деникина и к моменту его наиболее резкого расхождения с кубанской радой, деятельность комитета чрезвычайно усилилась, а вместе с тем усилился и приток добровольцев в ряды „зеленой" армии.

Она начала формироваться в пределах Сочинского округа в нейтральной полосе, установленной англичанами между Грузией и территорией, занятой Добровольческой армией.

Организованные выступления „зеленой" армии в более широком масштабе начались, однако, не ранее января 1920 г., т.-е. тогда, когда окончательно надломленный деникинский фронт неудержимо катился к морю [1]).

Действия этой армии сильно вредили планомерному отходу белой армии. При встрече с передовыми частями Красной армии эта армия влилась в ее ряды, совершенно восприняв политическую идеологию Красной армии. Наконец, выступление Махно, как открытого противника белого командования, нанесло последнему ряд сильных ударов и сильно поколебало его общее стратегическое положение.

---

[1]) „Пролетарская Революция" 1924 г. № 8—9. В. Фавицкий, „Зеленая армия и Черноморье", стр. 43—71.

Махновщина и ее значение.

К 20-му октября 1919 г. силы Махно образовали довольно прочное организационное ядро в количестве 28.000 штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах. Кроме того, ему удалось захватить у белого командования один бронепоезд [1]).

Посадив свою пехоту на подводы и вооружив их пулеметами, Махно сделал свою „армию“ чрезвычайно подвижной. Главным театром его действий являлась Екатеринославская и отчасти Херсонская губернии, хотя, пользуясь своей подвижностью, его банды появлялись эпизодически и далеко за пределами излюбленного района Махно.

Быстро передвигаясь с места на место, Махно занимал крупные административные центры в тылу белых, нарушая все их управление и связь. Так, в течение нескольких недель Махно занимал г. Екатеринослав; в его руках были г. Мелитополь и некоторые другие города Украины и юга России, и, наконец, его банды начали угрожать Таганрогу, где находилась ставка Деникина.

Борьба с неуловимым Махно отвлекала много сил у белого командования с фронта, где в это время назревал уже перелом в операциях не в пользу белых.

Выводы.

Повстанчество в тылу восточного и южного белых фронтов сыграло свою решающую роль в судьбе их, поскольку оно явилось одной из движущих сил революции, и, рассматриваемое под этим углом зрения, оно должно быть оценено, как фактор прогрессивный.

Белое командование не справилось с этим движением, которое, в конце-концов, надломило его силы, как это случилось на Южном фронте у Деникина, и явилось даже источником его собственной гибели, как это случилось с Колчаком.

Особняком стоит движение Махно, анархическое по своей природе, которое являлось равно опасным и для белых, и для красных, но в описываемый нами период обратившееся всеми своими силами против белых.

В отношении Украины надлежит отметить еще одну предпосылку для развития в ней сильного повстанческого движения: это недостаточный первоначальный учет значения украинского национального вопроса, остро переживаемого середняцкой и мелкобуржуазной массой Украины.

В настоящем кратком очерке мы постарались дать лишь характеристику динамики тыла обеих сторон, поскольку

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 96, л. 55.

она являлась одной из характерных данных, создавших исключительную сложность обстановки, присущую именно гражданской, а не какой-либо иной войне.

Эта сложность обстановки проистекала из самой природы гражданской войны, которая являлась неизбежным историческим спутником революции.

ГЛАВА V.

Театры военных действий.

Главные и второстепенные театры военных действий; их относительное значение в процессе гражданской войны и общая характеристика. Водные артерии. Население; его классовые группировки и их взаимоотношения. Плотность населения. Средства театров. Пути сообщения; пути вторжения и пути связи. Укрепленные пункты и районы. Операционные направления. Общие выводы.

Главные и второстепенные театры военных действий; их относительное значение в процессе гражданской войны и общая характеристика.

Боевые операции, охватившие собою $^1/_6$ часть суши, на пространстве от северного полярного круга до границ субтропического пояса и от морей Атлантического океана до восточных тихоокеанских портов, хотя бы по одному лишь пространственному признаку, не говоря о прочих, требуют установления нескольких театров военных действий гражданской войны.

Не все они имели одинаковое стратегическое значение, как в силу своих местных условий, так и в силу условий военно-политического порядка, а именно наличия на них или близости к ним военных объектов, важных в военно-политическом отношении, большей или меньшей насыщенности их силами сторон и, наконец, своего положения в отношении внешних сил контр-революции.

Таким образом, нам предстоит установить главные и второстепенные театры гражданской войны, определить их относительное значение и дать общую оценку их.

И только-что установленный признак и своеобразие местных и прочих условий каждого из театров требовали бы отдельного рассмотрения каждого из них. Но при таком подходе мы рискуем утерять общую перспективу и оставить без достаточного внимания те факторы стратегического и политико-экономического порядка, которые выступают на первый план при рассмотрении территории РСФСР в целом под углом зрения предпринятой нами работы.

Исходя из только-что сказанного, настоящая глава преследует цель увязки различных театров военных действий гражданской войны по тем общим признакам, которые помо-

гут нам выяснить их относительные взаимоотношения, с краткой характеристикой каждого из театров.

Вместе с тем мы оставляем за собой право в дальнейшем возвращаться к местным условиям каждого из частных театров, поскольку это будет необходимо для уяснения себе происходивших на каждом из них военных действий.

Театры военных действий в процессе гражданской войны возникли естественным путем, в силу причин внутреннего и внешнего порядка; к первым отнесем распределение в пространстве жизненных и мертвящих центров революции и контр-революции; ко вторым—наличие на них или близость к ним сил и влияний внешней контр-революции.

Там, где обе эти данные совпадали, и при наличии благоприятных местных условий театры приобретали первенствующее значение; там, где отсутствовало одно из них, театры никогда не могли возвыситься до самодовлеющего значения, несмотря на все усилия в этом отношении.

Таким образом, в условиях нашей гражданской войны не столько стратегия, сколько политика, а главное экономика определили значение каждого из театров и его распространение по территории.

Только-что сказанное нами находит себе подтверждение в том совпадении, которое мы ныне наблюдаем при новом районировании СССР Госпланом, с театрами военных действий минувшей гражданской войны.

Как известно, Госплан выделяет: 1) Северо-Западный. 2) Северо-Восточный районы, 3) Западный, 4) Центрально-Промышленный, 5) Ветлужско-Вятский районы, 6) Урал, 7) Украину, 8) Центральный Черноземный район, 9) Средневолжский, 10) Юго-Восточный районы, 11) Кавказ[1]).

Первоначальное распределение в пространстве движущих сил революции и контр-революции и первоначальная группировка их вызвали превращение вышеуказанных районов в театры военных действий почти без нарушения их естественных границ, что облегчает нам установление границ театров военных действий гражданской войны. Действительно, театрами гражданской войны явились на севере губернии: Мурманская, Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская, Череповецкая, Карельская республика и область Коми, т.-е. часть первого и весь второй район из намеченных Госпланом. Восточный театр военных действий охватывал: Вятско-Ветлужский и Уральский край, Средневолж-

---

[1]) Л. Д. Синицкий, „Учебник экономической географии СССР“, изд. „Новая Москва“, 1924 г., стр. 43.

ский и Юго-Восточный районы [1]). В южный театр военных действий вошли бассейн среднего Днепра, Днестра и Южного Буга, южная горно-промышленная область, захватывающая бассейн нижнего Днепра, нижнее течение Дона и Крымскую республику [2]).

Северный, восточный и южный театры имели один общий стратегический признак: все они оперативно тяготели к центральному плацдарму революции, являвшемуся ее вооруженным лагерем и заключавшему в себе важнейший объект гражданской войны—мозг и сердце революции,—Красную Москву.

Таким образом, в плоскость нашего рассмотрения входит еще один театр, вмещавший в себе наиболее жизненные центры революции; этот район сохранял за собой значение эвентуального театра военных действий, поскольку они непосредственно захватили лишь южную часть его (губернии: Орловскую, Курскую, Воронежскую и Тамбовскую), и включал в себя Центральный Черноземный край, занимавший северные части бассейнов Дона и Оки, и Центральную Промышленную область, расположенную в бассейне верхней Волги и Оки [3]). Его положение и делает его центральным театром.

Экономические и физические условия восточного и южного театров и первоначальная группировка сил обеих сторон на них, политическое и стратегическое значение центрального театра—заставляют за всеми ними признать значение главных.

Таковыми они явились и в действительности, так как все наиболее решительные операции гражданской войны произошли именно на их территории.

Чисто-стратегическое значение главных театров заключалось в том, что через них проходили главнейшие сквозные пути вторжения в пределы центрального театра.

Экономические и физические условия препятствовали северному театру сделаться главным, несмотря на оперативное его тяготение к центральному театру; последнее

---

[1]) Вятская губерния, автономные Вотская и Марийская области, Урал, Симбирская, Самарская губ., автономная Чувашская обл., Татарская республ., Саратовская, Пермская, Екатеринбургская, Челябинская губ., Башкирская республика, Оренбургская и Уральская губ.

[2]) Губернии: Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Подольская, Одесская, Донецкая, Донская область, Крымская республика.

[3]) Губернии: Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Тульская, Рязанская, Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Нижегородская и Калужская.

было создано искусственно интервентами и, не имея обоснования в местных условиях, в процессе всей гражданской войны не могло вывести его из положения второстепенного театра, несмотря на его пространственные размеры.

В противоположность ему приходится придать значение главного театра по чисто-политическому признаку небольшому сравнительно по размерам северо-западному театру, на подступах к крупному политико-революционному центру Петрограду (Ленинград), которым и определялось его значение. Этот театр состоял из Петроградского района, по определению Госплана [1]). В течение гражданской войны делались неоднократно попытки оперативно связать его с соседними северным или западным театрами, но его самодовлеющее, хотя и местное значение, в конце-концов, вынудило сделать его театром отдельно действующей армии.

Обратно, Украина не могла в течение продолжительного времени сохранять значение самостоятельного театра военных действий опять-таки в силу социально-экономического признака, поскольку часть ее к востоку от Днепра политически и экономически тяготела к более мощному театру, а часть к западу от Днепра в оперативном отношении являлась мертвым углом, находясь между двумя важными театрами: южным и западным.

Последний обладал всеми предпосылками для того, чтобы быть главным театром, и сделался таковым тогда, когда новая политическая конъюнктура в 1920 г. сосредоточила на нем внимание контр-революции.

В первоначальный же период гражданской войны он являлся второстепенным, поскольку действовавшие на нем враждебные нам силы лимитрофных государств задавались не общими с внутренней контр-революцией целями, а преследовали свои частные, ограниченные в пространстве, задачи.

Этот театр включал в себя всю территорию к западу от Днепра и к югу от Зап. Двины; военная его граница на западе, следуя переменам военного счастья, изменялась неоднократно, колеблясь от берегов Балтийского моря, рек Немана и Западного Буга до рубежа р. Березины. Наконец, Туркестан и северный Кавказ, благодаря их географической оторванности от центральных театров, оставались второстепенными театрами в течение всей гражданской войны.

Относительное значение главных театров было неодинаково в процессе гражданской войны.

---

[1]) Губернии: Петроградская, Псковская, Новгородская.

Изменения внешней и внутренней политических конъюнктур, определявшие большее сосредоточение сил и бо́льшую активность то одного из противников, то обоих, то на одном, то на другом театре, соответственным образом повышали на-время удельный вес каждого из них.

В процессе гражданской войны мы видим, как поочередно каждый из главных театров сосредоточивает на себе преимущественное внимание советских правительства и командования.

Когда в конце 1917 и в начале 1918 г. Октябрьская революция расширяла свой плацдарм в пространстве, южный театр, где контр-революция пыталась противостоять напору революции, приобрел преимущественное значение. Волна германской оккупации, двигавшаяся с запада, временно выдвинула на первый план значение этого театра. Сильный бросок контр-революционных сил с востока к жизненным центрам революции летом 1918 г. на несколько месяцев утвердил за восточным театром преимущественное значение, которое с начала 1919 г. начал оспаривать у него южный театр, в силу изменения внешней политической конъюнктуры, заставлявшей опасаться стремления интервентов создать себе широкую базу на юге России для последующего вторжения в ее центр; в дальнейшем к этому присоединилась активность южных белых армий и их первоначальные боевые успехи.

Общий характер театров.

Характерным и общим признаком почти всех указанных нами театров является равнинность их, поскольку все они лежат на восточно-европейской низменности. Исключением в этом отношении является тот участок Восточного фронта, по которому пролегает гребень Уральского хребта, разделяющий восточный театр на европейскую и сибирскую его часть.

Длинная, свыше 1200 километр., гряда Уральского хребта не везде одинаково доступна и удобна для военных действий; наиболее доступная, гуще населенная и богатая местными средствами часть Уральских гор находится между параллелями Златоуста и Перми; на этом же участке хребет пересекается двумя сквозными железнодорожными магистралями.

Таким образом, военное значение Уральских гор определялось тем обстоятельством, что они должны были сосредоточить оперативные усилия обеих сторон к заранее определяемому местными условиями участку.

Впоследствии, с перенесением операций Красной армии в пределы Сибири, восточный театр увеличился за счет

присоединения к нему территории западной Сибири, которая в общем не представляла каких-либо особенностей, по сравнению с европейской его частью.

Второстепенный кавказский театр не мог проявить в полной мере свойств своего рельефа, поскольку главнейшие операции гражданской войны протекали в его северной, равнинной части.

Более своеобразные условия в отношении местности представлял второстепенный северный театр. Эти условия еще более стесняли оперативную свободу действующих на нем войск, чем Уральские горы, и заключались в сплошном лесисто-болотистом характере местности, что приурочивало боевые операции к определенным немногочисленным направлениям, совпадавшим обыкновенно с железнодорожными магистралями либо с течением больших рек.

Кроме того, климатические условия только одного этого театра стесняли также оперативную свободу войск: зимою—из-за сильных холодов, весною и осенью—из-за вызываемой ими распутицы.

Водные артерии.

Несравненно большее значение, чем свойства поверхности на всех театрах, для оперативных действий войск обеих сторон имели водные артерии.

Значительнейшая из них р. Волга с ее притоком Камой; обе они явились как бы водяным рвом, обеспечивающим жизненные центры революции с востока. Военное значение этой системы заключалось, прежде всего, в ее размерах и свойствах, делавших ее удобным водным рокадным путем для той из сторон, которая вполне обеспечила бы за собой владение ею. Экономическое ее значение заключалось в том, что она являлась удобным водным путем, обслуживающим треть России. Постоянные железнодорожные переправы имеются у Ярославля, Свияжска, Симбирска (Ульяновска), Сызрани; с запада к Волге подходит 15 железнодорожных линий; таким образом, противник, наступающий с востока и прочно овладевший линией р. Волги, получал возможность широко использовать эту железнодорожную сеть в своих целях, пользуясь Волгой, как удобным рокадным путем. В этом и заключалось главное военное значение Волги для обоих противников в течение минувшей гражданской войны.

Из прочих крупных водных артерий европейских театров наиболее значительные из-за меридианальности своего течения сыграли наименьшую роль в гражданской войне; таковыми были, например, реки Дон и Днепр, поскольку они

не могли явиться препятствиями на путях наступления обеих сторон, так как обе они действовали вдоль них. Поэтому несравненно большее военное значение приобрели притоки этих рек, текущие по параллелям или в направлениях приблизительных к ним. Таковы, например, были реки Донец и Сейм на южном театре, из-за овладения рубежами которых происходили упорные бои.

Население; его классовые группировки и их взаимоотношения. *Карта № 1.*

В условиях классовой гражданской войны, состав населения театров приобретает несравненно большее значение, чем в условиях всякой иной войны; в этих условиях роль и значение принадлежит, конечно, не племенному или религиозному, а классовому признаку, под углом зрения которого мы рассмотрим наши театры в отношении состава населения.

Центральный театр, являвшийся районом с богато развитой промышленностью, в отношении классового состава был весьма благоприятен для красных. Пролетариат Центрального Промышленного района являлся источником, питавшим вооруженные силы революции; крестьянство этого района, полупролетаризированное, благодаря малоземелью и необходимости искать побочных заработков в отхожих промыслах и на фабриках, в отношении своей идеологии и политического развития было более связано с пролетариатом крупных фабричных и городских центров, чем остальное, что весьма облегчало вопрос о смычке между ними.

То же самое приходится сказать и о составе населения северо-западного театра, главным жизненным центром которого являлся Петроград: сознательность и политическая зрелость петроградского пролетариата не даром утвердили за этим городом меткое определение „колыбели революции".

Действительно, из истории предшествующего революционного движения в России мы знаем, что эти театры явились средоточием и ареной деятельности наиболее мощных организаций партии большевиков (впоследствии РКП), имевших исключительное влияние на рабочие массы.

Южная часть центрального театра и северная и северо-восточная части южного театра охватывали собою черноземную полосу России; здесь почти сплошной слой малоземельного крестьянства еще в дореволюционную эпоху обусловил сильное развитие эсеровской идеологии в среде населения. Тамбовская, Саратовская, Воронежская и отчасти Самарская губернии являлись районами, где процветала эсеровская пропаганда и где складывались их наиболее сильные организации.

В процессе гражданской войны эсеры в этом районе пытались не раз организовать свою базу, и не только мотивы военного порядка заставили учредиловцев во время чехословацкого мятежа обосноваться именно в Самаре.

Средний Урал явился фактически жизненным центром всего восточного театра. Главнейшие операции, происходившие в его районе, на восточном театре, имели решающее влияние на ход всей кампании; они проходили при непосредственном участии значительных слоев населения, почему анализ его под классовым углом зрения в силу его особенностей и своеобразия необходим для уяснения себе той роли, которую оно сыграло в судьбах нашей гражданской войны. Масса уральского населения в ее процессе своими колебаниями несколько раз меняла взаимное положение борющихся на восточном театре белых и красных армий.

Эти колебания являлись следствием его своеобразных бытовых особенностей.

В противоположность сложившемуся в определенный класс пролетариату центрального театра, уральский рабочий являлся вместе с тем и мелким хозяином-крестьянином, далеко не чуждым его идеологии [1]). Это обстоятельство создавало известную базу для эсеров и в самой среде уральского пролетариата.

Наличие производственных и земельных интересов в среде рабоче-крестьянских масс Урала обусловило политическую их неустойчивость, чем характеризовался весь период кампании 1918 г. на восточном театре.

К этому следует еще прибавить пестрый национальный состав; наиболее значительную группу из нерусских национальностей представляли здесь башкиры; побудительным мотивом для башкирских движений являлись их земельные междоусобия с русскими крестьянами и буржуазно-националистические устремления башкирской интеллигенции последнее обстоятельство определило активное участие части башкир на стороне противников Советской власти.

Группировка и взаимоотношение политических партий на Урале отражали действительное соотношение внутренних движущих сил. Правые эсеры являлись представителями кулацкого элемента в деревне, сельской и городской интеллигенции и обывательщины. Левые эсеры выражали устремления колеблющегося мелкого и среднего крестьянства. Коммунисты представляли чисто-рабочую часть насе-

---

[1]) И. Подшивалов „Гражданская борьба на Урале“ (1917—1918 г.), ГВИЗ, Москва, 1925 год, стр. 62.

ления. Национальные и прочие русские партии не могли претендовать на самостоятельное значение. В силу изложенных нами причин, ни одна из перечисленных партий не имела за собою абсолютного большинства, хотя, незадолго до взрыва белогвардейского движения на Урале, центр политического влияния передвинулся в сторону партии левых эсеров, которые насчитывали в своих рядах до 7—8 тысяч членов; вслед за ними шли коммунисты, насчитывавшие в своих рядах до 4—5 тысяч членов. Эти обе партии являлись правящими, но „обособление" и бунтарская демагогия левых эсеров, отражавших политическую неустойчивость края, разложили общий фронт двух партий и явились решающей помехой образования крепкой Советской власти на Урале [1]).

Южный театр представлял большую пестроту в отношении расслоения крестьянства и казачества.

Поскольку казачьи области являлись цитаделями вооруженных сил контр-революции, существенным является проследить картину этого расслоения именно на примере этих областей.

Ко времени начала гражданской войны Донская область имела 15 миллионов десятин пахотной земли, из которых 12 миллионов принадлежало казачеству; на 2 миллиона казачьего населения приходилось 1.800 тысяч крестьян, при чем 500 тысяч из них не имели ни клочка земли [2]). Таким образом, даже в наиболее благоприятных по классовому составу для контр-революции районах около 30% населения должно было явиться ее противниками в силу одного только экономического мотива, что обусловливало собою внутреннюю слабость контр-революции в наиболее для нее жизненных центрах.

Не лучше в этом отношении обстояло дело для контрреволюции и на Кубани.

„Иногородние", т.-е. те элементы, которые в разное время переселились на Кубань из разных концов России, занимали там особое, бесправное положение; они лишены были земельных наделов и не участвовали ни в хозяйственном, ни в административном управлении Кубанской областью. Такого бесправного и безземельного элемента на Кубани к началу гражданской войны было даже больше, чем корен-

---

[1]) Там же, стр. 109.

[2]) С. Венцов и С. Белицкий, „Краткий стратегический очерк гражданской войны 1918—20 гг.", изд. Военной Академии РККА, Москва, 1923 г., стр. 25.

ного казачьего населения, и количество его достигало 52% [1]).

Политика старого правительства и казачьих властей была направлена к полному экономическому утеснению иногородних. Перед революцией положение их было следующее:

1) они не имели права возводить новые постройки на усадебных местах без согласия станичных властей;

2) не могли ремонтировать существующие постройки без их же согласия;

3) не имели права застраивать усадебные места постройками взамен уничтоженных пожаром;

4) могли пользоваться общественным выгоном лишь в ограниченных размерах и часто за значительную плату [2]).

Обе революции, открыв путь иногородним к делам внутреннего и хозяйственного управления, чрезвычайно заострили антагонизм между обоими слоями основного населения казачьих областей: иногородними и казачеством, сделав первых в огромном большинстве горячими сторонниками Советской власти. Особенно остро стал вопрос на Кубани, где группировка населения на две стороны назрела тотчас же, после Октябрьской революции, так как одним из первых требований иногородних было требование на земельные наделы. Казачество если и не поддерживало еще прямо своих первых буржуазно-соглашательских правительств в их борьбе с Советской властью, то уже начинало утрачивать свой первоначальный революционный пыл и охотно прислушивалось к голосам людей, сожалевших об утраченном экономическом господстве казачества; с своей стороны, иногородние, учитывая эти настроения казачества, усиленно организовывались, выделяя вооруженные ячейки, покрывшие вскоре своею сетью всю Кубань. При помощи этих ячеек иногородние приступили к разоружению казачества, что вызвало первые бои местного значения [3]).

Таким образом, гражданская война фактически тлела уже на Кубани, когда появление на ней организованной, вооруженной белогвардейской Добровольческой армии раздуло ее в яркое пламя. Кроме внутренних противоречий в среде земледельческого населения белого юга, укреплявших общую позицию красных, ослабляя внутреннее положение белых, на юге имелись оазисы с чисто-пролетарским составом населения, которые в течение гражданской войны

---

[1]) „Гражданская война". „Материалы по истории Красной армии", том I, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 424.

[2]) Там же, стр. 425—426.

[3]) Там же, стр. 408.

сыграли роль передовых аванпостов революции в стане белых.

Самым значительным из таких оазисов являлся Донецкий бассейн с его пролетарским населением. Несмотря на текучесть донецкого пролетариата и ослабление его предшествующим нашествием немцев в 1919 году, в нем все-таки насчитывалось 280 тыс. рабочих [1]), давших революции много самоотверженных бойцов.

Рабочие приморских городов юга также являлись надежными кадрами для Советской власти.

Население Украины в классовом отношении представляло ту особенность, что средоточием рабочего пролетариата, и притом не принадлежащего к коренному населению страны, являлись крупные городские центры, остальная же масса населения состояла из крестьянства. Расслоение этого последнего было весьма значительно и на Украине, причем мелкобуржуазный кулацкий элемент местами значительно вкраплялся в общую массу бедняков и середняков; среди этого элемента поддержкой пользовались национально-шовинистические тенденции мелкой и средней украинской буржуазии и интеллигенции, представленной национальными социал-соглашательскими партиями.

Выводы.

Подводя итог всему сказанному в отношении рассмотрения населения театров военных действий по классовому признаку, следует отметить прежде всего, что все они давали общее значительное превосходство сельского населения над городским, что, по данным переписи 1897 года, выражалось в цифрах 86,5% для сельского населения и 13,5% для городского населения.

В среде городского населения по численности и организации преобладание принадлежало рабочему классу. В среде сельского населения преобладал многомиллионный элемент среднего крестьянства, не эксплоатирующего чужого труда.

Таким образом, под классовым углом зрения, состав населения всех театров был благоприятен для красных и неблагоприятен для белых; даже в наиболее жизненных для контр-революции районах, т.-е. в казачьих областях, Советская власть могла рассчитывать на сочувствие и прямую или косвенную поддержку, по крайней мере, половины всего их населения.

---

[1]) Л. Д. Синицкий, „Учебник экономической географии СССР“, стр. 142.

Плотность населения.

В отношении распределения населения по территории следует отметить, что театры, находившиеся полностью или в значительной своей части в распоряжении советских войск, являлись наиболее густо и равномерно населенными, притом населением преимущественно однородным по составу. Они же располагали и большим количеством крупных и мелких городских поселений.

Исключением являлся лишь северный театр, на значительной части своего пространства занятый советскими войсками; население этого театра, в связи с его природными суровыми особенностями, было чрезвычайно редко: в 1920 году на 1 кв. км. приходилось только 3,4 жителей [1]).

Театры, занятые преимущественно силами противника, за исключением Украины и юга России, не давали такой благоприятной картины в отношении размещения населения, несмотря на то, что на отдельных их участках густота населения нисколько не уступала, если не превосходила, густоте населения центральной России, но зато на других своих участках они являли картину либо безлюдных лесных дебрей, как, например, в Сибири, либо пустынь и песков, как, например, в Туркестане или Уральской области.

Средства театров.

В отношении местных средств все выгоды были первоначально на стороне белых.

Районом возникновения и консолидации красных вооруженных сил явился преимущественно район центральной России. В нем сильно развита была обрабатывающая промышленность, нуждавшаяся в привозном сырье и топливе; источники же того и другого, находившиеся преимущественно на периферии страны, были либо в руках белых, либо захвачены интервентами, как это, например, случилось с Украиной в 1918 г., либо периодически переходили из рук в руки, как это неоднократно случалось с Донбассом в течение гражданской войны. Та же картина наблюдалась и в отношении продовольственных средств. Осажденный лагерь революции не располагал излишками в этом отношении, так как Центральный Промышленный район России жил всегда подвозом извне. Источники продовольственных ресурсов также находились либо в руках оккупантов, либо в руках белогвардейцев; чехо-словацкий мятеж сильно отозвался на продовольственном положении красного центра, лишив его подвоза сибирского хлеба. При этом не

---

[1]) Л. Д. Синицкий, „Экономическая география СССР“, стр. 45.

следует забывать, что только-что окончившаяся мировая война, не исчерпав сельскохозяйственных ресурсов страны, сильно надорвала аппарат ее железнодорожного транспорта и расшатала все хозяйственные связи.

Белые, находясь в районах, богатых всякими местными средствами, почти до самого конца гражданской войны объективно находились в этом отношении в несравненно лучших условиях, однако, это преимущество не пошло им впрок. Они не сумели наладить правильной эксплоатации местных средств, заменив ее беспорядочными реквизициями и самоснабжением, что окончательно оттолкнуло от них массы сельского населения.

Пути сообщения, пути вторжения и пути связи. *Схема № 2.*

Характерной особенностью всех театров гражданской войны явилась их относительная бедность искусственными путями сообщения.

Однако, центральный театр в этом отношении находился в лучших условиях, чем остальные, поскольку через него проходили транзитные линии, соединявшие внутренние области страны с портами Балтийского и Черного морей.

Как ни слабо развита была сеть искусственных путей сообщения России, но рассмотрение ее в общем и целом только излишне расширило бы рамки нашего труда. Поэтому мы ограничимся рассмотрением только тех сквозных линий большого протяжения, которые связывали районы исходного расположения сторон с конечными пунктами или районами их операционных направлений, а также те из главнейших линий, которые могли быть использованы в качестве путей связи вдоль стратегического фронта сторон.

Принятый способ рассмотрения требует разделения всех путей на две основных группы: I—пути вторжения, II—пути связи.

I. Пути вторжения.

Учитывая то значение, которое для революции и контрреволюции имело обладание центральным и северо-западным театрами с находившимися на них революционными столицами—Москвой и Петроградом, нам надлежит рассмотреть пути вторжения на эти театры со стороны тех театров, которые явились первоначально местом сосредоточения и ареной действий вооруженных сил контр-революции, т.-е. северного, восточного, южного и западного.

а) Пути вторжения в центральный театр.

Со стороны северного театра:

Железная дорога *Архангельск — Вологда — Ярославль — Москва*, общим протяжением 1.055 клм.

Со стороны восточного театра:

I. Железная дорога *Тюмень—Камышлов—Екатеринбург—Пермь—Вятка—Ярославль*, общим протяжением 1.600 клм.

II. Железная дорога *Омск — Петропавловск — Курган — Челябинск — Уфа — Самара — Сызрань — Пенза — Моршанск — Ряжск — Тула* (или *Ряжск—Москва*), с вариантом от ст. *Чишмы* на *Симбирск — Рузаевка — Рязань — Москва*, общим протяжением 2.680 клм., протяжение варианта 2.200 клм.

III. Железная дорога *Екатеринбург—Красноуфимск—Сарапуль—Казань—Свияжск—Сергач — Арзамас — Муром — Москва*, общим протяжением 1.981 клм.

IV. Железная дорога *Оренбург—Самара* и далее по 2-му пути.

V. Железная дорога *Уральск — Дергачи—Саратов—Тамбов — Кремлево — Москва*, общим протяжением 1.197 клм.

Белые восточные армии стремились первоначально использовать, как ось своего вторжения вглубь РСФСР, как-раз вариант первого пути, начиная от Перми, выйдя на него от Челябинска через Екатеринбург, несмотря на то, что путь этот от Перми проходил по бедной местными средствами и суровой местности и не вел к жизненно важным для Советского Союза центрам. На выбор его повлияли мотивы не столько стратегического, сколько политического порядка, о чем нами своевременно будет сказано в своем месте.

При втором своем большом наступлении колчаковские армии главную массу своих сил группировали на железной дороге *Челябинск—Уфа—Самара*.

4-й и 5-й пути не имели самостоятельного значения, проходя от мало культурных и малонаселенных районов, занятых незначительными сравнительно силами белых, к центру страны.

В пределах европейской части восточного театра рассмотренная железнодорожная сеть вторжения давала одну железнодорожную линию, примерно на каждые 200 клм. стратегического фронта. Обращает на себя внимание значительное протяжение всех этих линий, колеблющееся от 1.197 до 2.680 клм.

Со стороны южного театра:

I. Железная дорога *Одесса—Бобринская—Черкасы—Золотоноша—Пирятин—Прилуки—Бахмач—Конотоп—Хутор Михайловский — Брянск — Сухиничи — Малоярославец — Москва,* общим протяжением 1.415 клм.; вариантом этого пути может служить путь:

Николаев—Знаменка—Кременчуг—Бахмач и далее по 1-му пути, общим протяжением 1.000 клм.

II. Железная дорога *Севастополь — Мелитополь — Александровск—Синельниково — Лозовая — Харьков — Белгород—Курск—Орел—Тула – Москва* (от Александровска путь двойной колеи), общим протяжением 1.440 клм.

III. Железная дорога *Таганрог — Купянск — Валуйки—Касторная—Елец—Узловая—Москва,* общим протяжением 960 клм.

IV. Железная дорога *Ростов-на-Дону — Новочеркасск — Лиски — Грязи — Козлов — Ряжск — Рязань — Москва,* общим протяжением 1.139 клм. (путь на всем своем протяжении двухколейный).

Обращаясь к оценке этих путей, необходимо отметить прежде всего, что они были более коротки, чем пути вторжения из восточного театра (колебания от 960 до 1.440 клм.), и лучше оборудованы: 4-й путь двухколейный на всем своем протяжении, на 3-м—двойная колея начинается от Александровска.

Густота рассмотренной сети была почти одинакова с таковою же восточного театра: один путь вторжения приходился на 150—200 клм. стратегического фронта.

Южные белые армии использовали, как ось своего вторжения в центральный театр, главным образом, 2-й путь, начиная от Харькова; в качестве не менее важного для обеих сторон пути, на который в течение всей кампании на Южном фронте базировались и белые, и красные армии, являлась железная дорога, указанная нами в п. 4.

Наконец, вспомогательным путем вторжения, которым неоднократно в течение гражданской войны пользовались и белые, и красные, являлась железная дорога *Тихорецкая—Царицын—Поворино,* выходившая затем у ст. *Грязи* на 4-й из рассмотренных нами путей вторжения; протяжение ее от *Тихорецкой* до ст. *Грязи* равнялось 960 клм.

Со стороны западного театра:

Противник, угрожавший РСФСР со стороны западного театра, задавался лишь ограниченными в пространстве целями, почему мы рассмотрим пути вторжения со стороны западного театра только лишь до линии р. *Днепра.*

I. Железная дорога *Крейцбург—Режица—Себеж—Идрица—Новосокольники — Великие Луки — Ржев,* общим протяжением 500 клм.

II. Железная дорога *Двинск—Полоцк—Витебск—Смоленск* (путь двухколейный на всем протяжении), общим протяжением 360 клм.

III. Железная дорога *Волковыск — Молодечно — Полоцк* (путь двухколейный на всем протяжении, отрезок прежней русской стратегической жел.-дор. линии Бологое—Седлец), общим протяжением 360 клм.

IV. Железная дорога *Брест—Барановичи—Минск—Орша* (путь двухколейный на всем протяжении), общая длина его 480 клм.

V. Железная дорога *Брест—Пинск—Лунинец—Калинковичи—Гомель* (путь двухколейный до ст. Лунинец), общим протяжением 480 клм.

VI. Железная дорога *Ковель—Сарны — Коростень—Киев,* общим протяжением 400 клм.

VII. Железная дорога *Ковель—Ровно—Новоград-Волынск—Житомир—Фастов—Киев* (путь двухколейный на участках Ковель—Ровно и Фастов—Киев), общим протяжением 550 клм. с вариантом от Ровно на *Шепетовка—Бердичев—Казатин—Киев* (путь двухколейный на всем своем протяжении).

VIII. Железная дорога *Тарнополь—Проскуров—Жмеринка* с вариантами от Жмеринки на *Винница—Казатин—Киев,* или *Вапнярка — Христиновка — Бобринская — Знаменка—Кременчуг,* общее протяжение пути до ст. Жмеринка 180 клм.

IX. Железная дорога *Бельцы — Рыбница — Ольвиополь — Знаменка—Кременчуг,* общим протяжением 480—500 клм.

X. Железная дорога *Кишинев—Бендеры—Раздельная,* протяжением 120 клм.

Приведенный перечень путей вторжения со стороны западного театра вглубь РСФСР свидетельствует, что в этом отношении здесь для противника условия были наиболее благоприятны как в отношении краткости путей, так густоты их и наилучшего развития. Действительно, длина отдельных путей вторжения нигде не превосходит 500 клм., уменьшаясь иногда до 120 клм. На 10 путей вторжения мы имеем пять двухколейных путей на всем их протяжении, а на некоторых еще встречается двойная колея на отдельных участках; наконец, один путь вторжения в среднем приходится на 120—150 клм. стратегического фронта.

б) Пути вторжения в северо-западный театр.

Северо-западный театр находился под угрозой вторжения не столько со стороны русских белогвардейских те-

атров, сколько со стороны лимитрофных государств, на территорию которых базировались русские белогвардейцы, например, армия Юденича. Поэтому рассмотрение путей вторжения в северо-западный театр мы произведем, главным образом, со стороны этих последних.

Со стороны русских театров непосредственную угрозу северо-западному театру мог представить один единственный путь вторжения, а именно:

I. Железная дорога *Мурманск—Кемь—Петрозаводск—Лодейное-Поле—Званка—Петроград* (Мурманская жел. дорога), общим протяжением 1.200 клм.

Со стороны Финляндии:

I. Железная дорога *Кексгольм—Петроград*, протяжением 120 клм.

II. Железная дорога *Выборг—Петроград* (двухколейный путь), протяжением 120 клм.

Со стороны Эстонии:

I. Железная дорога *Ревель—Тапс—Нарва—Ямбург—Гатчино—Петроград*, протяжением 360 клм.

II. Железная дорога *Валк—Псков—Дно—Старая-Русса*, протяжением 360 клм.

Характеристика этих путей подобна сделанной нами для путей вторжения со стороны западного театра.

II. Пути связи (рокадные).

Разброска театров гражданской войны в пространстве и особенности группировки на них обеих сторон заставляют подразделить пути связи на две группы; к первой из них отнесем пути связи между отдельными театрами, которые либо полностью находились в распоряжении одной из сторон, либо переходили из рук в руки в процессе гражданской войны.

Ко второй группе мы отнесем пути связи каждого из намеченных нами театров.

а) Пути связи между отдельными театрами.

I. Железная дорога *Петроград—Москва*, протяжением 609 клм., связывает северо-западный и центральный театр и все время находилась в руках красных.

II. Железная дорога *Самара—Оренбург—Казалинск—Туркестан—Ташкент*, протяжением 2.000 клм.

Путь связывает европейские театры военных действий с туркестанским; первоначально им владели белые, но с

конца 1919 г. он перешел в руки красных; туркестанский его участок был все время в руках красных.

III. Железная дорога *Ростов-на-Дону—Армавир—Владикавказ,* общим протяжением 600 клм.

Путь связывает южный театр военных действий белых с их кавказским театром; почти до самого конца гражданской войны находился в руках белых.

б) Пути связи различных театров.

1) Пути связи северного театра.

В качестве пути связи на северном театре, притом общего с центральным театром, могла служить железная дорога *Петроград—Званка—Череповец—Вологда—Галич—Котельнич—Вятка,* общим протяжением 1.200 клм.

Путь этот в течение всей гражданской войны находился в руках красных.

2) Пути связи восточного театра.

В распоряжении белых первоначально находились следующие рокадные линии:

I. *Верхотурье — Екатеринбург — Челябинск — Троицк—Орск* (далее линия сворачивала на *Оренбург* и приобретала значение пути вторжения), общим протяжением до *Троицка*—600 клм.

II. *Дедюхина — Чусовская—Кузино—Гробов—Бакальский Рудник,* общим протяжением 360—400 клм.

Значение этой линии уменьшалось из-за ее близости к только-что упомянутой линии и сравнительно небольшой длины.

Следующим рокадным путем, на этот раз водным, являлась р. *Волга.*

В различные периоды кампании на восточном театре этим путем попеременно пользовались обе воюющие стороны.

Наконец, в западной части восточного театра, являвшейся тыловым районом для действующих на этом фронте красных войск, в качестве рокадных путей могли быть использованы различные отрезки общей сети жел. дорог Европейской России, сгущавшейся к ее центру.

3) Пути связи южного театра.

Сквозными рокадными путями являлись:

I. Железная дорога *Царицын — Лихая — Криничная* — (путь в одну колею) —*Чаплино —Синельниково—Екатеринослав—*

Александрия – Знаменка – Бобринская (начиная от ст. Криничная, путь в две колеи), общим протяжением 1.000 клм.

Этим путем в течение гражданской войны пользовались обе стороны, но преимущественно он находился в руках белых.

II. Железная дорога *Камышин—Балашов—Поворино—Лиски— Воронеж — Касторная—Щигры—Курск—Льгов—Конотоп—Нежин—Киев* (на некоторых участках двухколейный путь), общим протяжением 1.140 клм.

Восточнее меридиана г. Воронежа этот путь проходил в сфере боевых действий красного и белого фронтов; обе стороны стремились обеспечить за собою владение этой важной рокадной линией. Атаман Краснов пытался это сделать даже при помощи дипломатического содействия германского императора.

4) Пути связи западного театра.

Сквозным рокадным путем для красных (северной своей частью принадлежащим северо-западному театру) являлась жел. дорога *Петроград—Дно—Новосокольники — Витебск—Орша — Могилев — Рогачев — Жлобин—Мозырь—Коростень —Житомир—Бердичев—Казатин—Винница—Жмеринка*, общим протяжением 1.200 клм.

Ближайшим рокадным путем для белых армий лимитрофных государств являлась система железнодорожных путей: *Ревель—Тапс—Валк—Штокмансгоф—Двинск—Вильна—Лида — Барановичи — Лунинец—Сарны—Ровно*, общим протяжением 1.200 клм.

Полное обладание этой линией белые получили к осени 1919 года. В пределах тылового района польских армий имелось еще несколько рокадных линий, при чем густота их увеличивалась по мере приближения к берегам р. *Вислы*.

5) Пути связи центрального театра.

Центральное положение этого театра перехватывало все сквозные жел.-дорожные линии, сходившиеся в Москве и соединяющие бассейн р. Волги с портами Балтийского моря и Центральный Промышленный район с портами Черного моря. Это обстоятельство обусловило значительную густоту жел.-дорожной сети центрального театра по сравнению с остальными при сравнительно меньшей его площади.

Таким образом, в качестве рокадных путей в центральном театре могли быть использованы многочисленные варианты; мы остановимся на тех из них, которые являлись объектами действий во время гражданской войны.

Таковыми были:

I. Железная дорога *Грязи—Елец—Орел—Брянск*, общим протяжением 360 клм. Она явилась пределом продвижения белых южных армий в 1919 г., достигнутым ими после упорных боев.

II. Железная дорога *Пенза — Ряжск — Тула — Калуга*, общим протяжением 600 клм. Достигнуть этой линии, наступая на Тулу, старались южные белые армии, но были отброшены контр-маневром красных армий.

6) О путях связи северо-западного театра мы уже упомянули при рассмотрении путей связи западного театра.

Общие выводы.

Наиболее богатыми в отношении развития железнодорожной сети и рокадных путей являлись центральный и западный театры; наиболее бедными в том и другом отношении были северный и восточный театры, особенно та его часть, которая находилась в распоряжении белых армий.

Срединное положение центрального театра в отношении остальных, а также более густо развитая железнодорожная сеть на нем и на примыкающей к нему периферии соседних театров, при преобладании красных в этих районах, создавали для них благоприятные условия для маневрирования по внутренним операционным линиям, что диктовалось условиями общей стратегической обстановки.

Укрепленные пункты и районы. *Схема № 2.*

Боевые операции обеих сторон развернулись на территориях, которые при всех возможных комбинациях внешней войны рассматривались всегда как наиболее безопасные от неприятельского вторжения.

Поэтому вполне естественно, что никто не думал о заблаговременной подготовке большинства театров гражданской войны в военно-инженерном отношении. Эта подготовка началась и протекала в процессе развития гражданской войны, почему и не вышла за пределы простого фортификационного усиления некоторых позиций и узлов.

Значение этой подготовки оценивалось красным главным командованием. 29-го ноября 1918 года им было приказано безотлагательно приступить к укреплению важнейших пунктов республики. На Северном фронте надлежало укрепить Котлас, Вятку, Котельнич, Вологду. В пределах северо-западного театра предполагалось восстановить позиции на р. Нарове, Карельском перешейке и на подступах к Петрограду с запада и юга; в дальнейшем предстояло устроить позиции у Званки, Чудова, Новгорода и по р. Свири.

На западном театре следовало устроить позиции стратегических узлов Пскова, Острова, Двинска, Витебска, Орши, Борисова, Бобруйска, Могилева, Рогачева, Жлобина. Кроме того, во вторую очередь предстояло создать новые позиции у Великих Лук, Старой Руссы, Бологого, Осташкова, Ржева, Смоленска и Рославля.

На Восточном фронте укреплению подлежали: Пермь, Нижний-Новгород, Казань, ст. Бурец на р. Вятке, Самара, Сызрань, ст. Кинель и Саратов.

На Южном фронте следовало укрепить: Царицын, Камышин, Балашов, Поворино, Борисоглебск, Воронеж, ст. Касторную, Курск, Орел, Брянск, при чем особое внимание надлежало обратить на укрепление Воронежа[1]).

Размах работы был взят огромный; далеко не все из всего намеченного было выполнено, но некоторые из укрепленных узлов, как, например, царицынский, сыграли видную роль в событиях гражданской войны.

Операционные направления.

Исходя из тех политических целей, которые поставили себе политические и военные руководители белых армий, а именно „борьба с большевизмом до его окончательного уничтожения“, их операционные направления должны были итти от районов их первоначальной концентрации к сердцу и мозгу пролетарской революции — обеим революционным столицам, Петрограду и Москве.

Первый является объектом действий одной из белогвардейских армий—Северо-Западной армии ген. Юденича; вторая притягивала к себе войска интервентов с северного театра, белые армии Колчака Восточного фронта и „вооруженные силы юга России“, возглавляемые генералом Деникиным, с южного театра.

Эти операционные направления совпадали с теми путями вторжения, которые были нами очерчены выше, и главнейшими из них должны были явиться кратчайшие и проходящие по наиболее удобной для движения, действий, расположения и снабжения войск местности. Но характерно, что ни одно из белых командований в выборе своего главного операционного направления, за исключением белого командования Северным фронтом, не руководствовалось этим признаком. Здесь, к ущербу белой стратегии, сыграла роль политика внутренних взаимоотношений, с одной стороны, и гипноз пространства, с другой.

---

[1]) В-уч. арх., дело № 1446 „Журнал военных действий Полевого Штаба РККА“ № 380/III.

Командование колчаковскими армиями своим главным операционным направлением избрало направление *Екатеринбург—Пермь—Вятка—Вологда*; это направление выводило на второстепенный для советского командования объект, г. Вологду, но было избрано белым командованием в надежде на соединение с интервентами, наступающими с севера; при этом не были учтены все предстоящие трудности, ожидающие интервентов, и это соединение не осуществилось. Кроме того, чехи, являвшиеся, в сущности, единственной реальной силой на этом фронте, сумели провести идею выбора этого направления в расчете на скорейший выход к более близким портам, через которые они мечтали вернуться на родину.

При своем втором наступлении колчаковское командование оперативный центр тяжести перенесло на действительно главное направление: Уфа — Самара, но момент был уже упущен, и оно на этом направлении сумело добиться только чисто-местных успехов.

Командование „вооруженными силами юга России" было более богато в выборе своих операционных направлений. Сообразно путям вторжения, можно было выбрать четыре из них, при чем все они в отношении длины и характера местности не представляли особых различий между собой, но в стратегическом отношении выбор более западных направлений удалял ударный кулак южных белых армий от такового же восточных, требовал растяжки фронта для обеспечения этого направления с запада, и все это, вместе взятое, ослабляло силу намеченного удара. Тем не менее, генерал Деникин остановился на среднем, т.-е. более западном, операционном направлении, нанося свой главный удар от Харькова на Курск, Орел, Тулу и предварительно еще более ослабив силу своего удара выделением значительной части своих сил на второстепенное украинское направление в силу тех соображений, что „слагавшаяся обстановка на правом берегу Днепра соблазняла отступить от первоначального плана. Занятие Одессы и Киева представлялось слишком заманчивым" [1]).

Из двух операционных направлений, идущих на Петроград от Нарвы и Пскова, командующий Северо-Западной белой армией генерал Юденич остановился хотя и на кратчайшем, но на более неудобном и опасном для себя направлении от Нарвы, так как он рассчитывал на совместные действия с английским флотом, идя на риск, при неудаче,

---

[1]) Лукомский, „Воспоминания", том II, Берлин, 1922 г., стр. 156.

быть сброшенным в море; надежды его на помощь английского флота не оправдались.

Командование северными силами интервентов силою вещей принуждено было остановиться на единственном возможном для действий значительных сил операционном направлении, совпадавшем с линией Архангельской железной дороги.

Операционные направления на западном театре в первый период гражданской войны имели исключительно местное значение для обеих сторон, имея в виду, главным образом, объекты местного значения, как-то: Ригу, Двинск, Вильну, Минск, Полоцк. Как и на прочих театрах, они совпадали со сквозными железнодорожными линиями, ведущими к этим объектам.

Выбор операционных направлений на северном и восточном театрах для красной стороны диктовался самими условиями местности. На севере это направление не могло не совпасть в свою очередь с Архангельской железной дорогой, а на восточном театре эти направления должны были вести к наиболее доступной и легко проходимой части среднего Урала.

На южном театре красное командование могло использовать для себя те же 4 операционных направления, которыми пользовались белые. В противоположность белым, более западные операционные направления для красных приобретали большее значение, поскольку на них достигалась совокупность выгод политического и стратегического порядка. Действительно, „удар на Харьков — Таганрог или Харьков—Бердянск представлял собою наиболее короткое направление по территории, населенной не казачеством, а рабочими и крестьянами, и обещал наибольший успех с наименьшей затратой сил“ [1]).

Выбор более восточных операционных направлений приводил красные армии к территориям, населенным казачеством, т. е. заставлял их действовать по линии наибольшего сопротивления, а кроме того, перед лицом общей опасности, сближал Кубань с Деникиным, к которому она находилась в оппозиции. „Удар на Харьков — Таганрог, который отрезал бы деникинские украинские войска от Кубани, дал бы временную опору кубанским самостийникам, создал бы временное замирение Кубани в ожидании развязки нашей борьбы с деникинцами на Донце и на Украине“ [2]).

---

[1]) Л. Троцкий. „Как вооружалась революция“, том II, книга I, изд. ВВРС, Москва, 1924 г., стр. 301.

[2]) Там же, стр. 301.

Историческая справедливость требует признать, что это операционное направление было выбрано красным командованием не сразу, и первоначальный план летней кампании 1919 года на Южном фронте предусматривал нанесение главного удара с фронта Балашов — Камышин на нижний Дон.

Общие выводы.

В заключение нам необходимо остановиться на той характерной особенности всех рассмотренных театров, которая сослужила огромную службу революции, особенно в период организации и укрепления ее вооруженных сил. Это — обширность театров в пространстве. Действительно, наименьший по размерам северо-западный театр в пространственном отношении почти был равен всему театру Французского фронта во время Мировой войны. До времени окончательной организации и укрепления красных вооруженных сил пространство и плохая сеть искусственных сообщений являлись лучшими союзниками Красной армии, давая ей необходимый для нее выигрыш времени. Это обстоятельство явилось той причиной, которая, по словам тов. Ленина, дала „возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения“ [1]).

---

[1]) Собрание сочинений Ленина, том XVII, стр. 153.

ГЛАВА VI.

Вооруженные силы обеих сторон.

Начало возникновения вооруженных сил революции. Возникновение первых ячеек центрального управления. Установление организационных форм. Развитие органов управления. Вооруженные силы революции в период добровольчества и их характеристика. Переход к обязательной воинской повинности. Нарастание вооруженных сил революции и окончательная организация их. Пополнение Красной армии командным составом. Снабжение. Обучение и тактика. Выводы. Вооруженные силы внешней контр-революции. Вооруженные силы внутренней контр-революции: а) имевшие собственную территорию; б) не имевшие собственной территории. Общее количество вооруженных сил контр-революции в 1919 г. Общая характеристика вооруженных сил контр-революции. Пополнение командным составом. Обучение и тактика. Выводы. Сравнение сил обеих сторон.

Начало возникновения вооруженных сил революции.

Система организации, рост и развитие вооруженных сил Советской республики находились в теснейшей зависимости от требований переживаемого исторического момента и, прежде чем выкристаллизоваться в определенные формы, прошли известную эволюцию.

Начало 1918 года характеризуется усиленной работой в поисках и творчестве новых организационных форм. Эта работа во времени совпадает с возникновением первых очагов гражданской войны и практически проверяется в горниле боевого опыта.

В силу последнего обстоятельства в организационную работу вводятся постоянно поправки за счет боевого и практического опыта, и продуктивность ее измеряется теми силами, которые республике удалось собрать, организовать, снабдить и выставить на свои границы к концу того же 1918 года.

Само собой разумеется, что успешный ход организационной работы Наркомвоена прямо и непосредственно отражался на ходе боевых операций, и успехи и победы на организационном фронте в 1918 г. явились базой побед Красной армии на полях сражений в последующие годы.

Ознакомление с зарождением наших вооруженных сил и всей их системой, основанной на совершенно новом, до

сих пор в истории столь широко нигде не применявшемся принципе классового признака, не только поучительно само по себе, но и необходимо для уяснения оперативной стороны истории гражданской войны.

15-го января 1918 г. Совнарком своим декретом положил начало Красной армии, при чем в основу ее комплектования был положен принцип добровольчества. Этим же декретом предусматривалось создание особой „всероссийской коллегии по формированию рабоче-крестьянской Красной армии" в качестве вспомогательного органа при Наркомвоене. Этот декрет 18-го января того же года объявляется Наркомвоеном для исполнения [1].

Некоторое время параллельно с центральными органами военного ведомства работает в этом направлении и ставка главковерха. Так, 26-го января 1918 г. красная ставка издает свою инструкцию о формировании Красной армии, сущность которой сводится к следующему [2]:

1) Вопросами формирования Красной армии ведает военный отдел каждого совета.

2) Красная армия формируется на основании принципа добровольчества.

3) Учетной единицей является красная рота силою в 150 чел.

4) Для нужд формирования Красной армии местные советы имеют право пользоваться запасами местных складов военного ведомства.

5) Советам, как органам власти, в сфере их района принадлежит полное, безусловное право распоряжения всею вооруженною силою Красной армии.

6) Каждый совет самостоятельно определяет необходимый для него контингент вооруженной силы.

7) Общий план расположения и распоряжения военной силой принадлежит губернским и краевым советам, но они должны также предоставлять эту силу в распоряжение центральной власти.

Эта инструкция переносила центр тяжести организационной работы на места, не устанавливала согласованности и однотипности в работе мест и не предусматривала вопроса об объединении управления всеми вооруженными силами страны.

Однако, в условиях переживаемого момента, когда революция боролась за расширение своего плацдарма, такая

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1. Приказ Наркомвоена № 44.
[2]) В.-уч. арх., дело № 5321, лл. 71, 72.

децентрализация, как временная мера, являлась исторически необходимой, пока на смену ей не явились новые формы уже планомерно развитой организационной системы.

В первое же время творческая самодеятельность мест во многих случаях направилась по руслу, указываемому им выше приведенной инструкцией, и плодами их творчества явились те разнотипные войсковые соединения, которые, перемешавшись с подобными же частями, возникшими на развалинах старой армии, образовали те первоначальные „завесы“, под покровом которых зародились первые регулярные части Красной армии.

Идея сформирования новой вооруженной силы собственными средствами нашла живой отклик на местах. Так, нижегородский совет приступил к формированию целой армии, при чем в первую очередь было намечено дать 1 пехотный и 1 кавалерийский полк, 1 легкую батарею, 1 броневой дивизион и автомобильную команду[1]). В большем или меньшем размере этой работой занялись и прочие губернские и областные советы.

В дальнейшем нам надлежит рассмотреть организацию центрального и местного аппарата управления Красной армии и ее вооруженных сил, расчленив оба эти вопроса.

Если Красная армия в наследство от старой армии получила лишь остатки организационных боевых единиц, быстро растворившихся в процессе демобилизации, то в отношении аппаратов центрального и местного управления дело обстояло иначе, так как они сохранились полностью. Однако, занятые текущей работой по ликвидации старой армии, по своим организационным формам, не приспособленным к формам бытия новой вооруженной силы, они не могли сразу, без предварительной перестройки и приспособления, быть поставлены на работу в новом направлении. Поэтому на-ряду с ними и с зарождением первых ячеек Красной армии зарождаются первые ячейки новых центральных административных и оперативных аппаратов управления, которые, окрепнув в дальнейшем вместе с ростом вооруженных сил страны, поглощают ранее существовавшие аппараты военного ведомства того же назначения.

Обстановка войны, в которой зарождалась и развивалась Красная армия, наложила отпечаток на организационную работу в том отношении, что создание органов боевого назначения во времени предшествовало работе по созданию рамок для вновь формируемой вооруженной силы.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 2. Приказы нижегородского губисполкома № 1 и № 4.

Прообразом этих новых оперативных органов управления явилось формирование военно-революционных штабов при ставке верховного и ставке Северного фронта для оперативного руководства в борьбе с первыми выступлениями организующейся контр-революции [1]).

Возникновение первых ячеек центрального управления.

1-го марта 1918 г. в Петрограде образуется Высший Военный Совет; его нельзя еще считать в полной мере новым высшим оперативным органом, поскольку он сферу своей оперативной работы ограничивает только борьбой на внешнем фронте против наступающих германцев, не участвуя в руководстве операциями на внутренних фронтах, но зато на него возлагается вся работа по руководству организацией Красной армии.

В этом отношении деятельность его проявилась прежде всего в упорядочении управления и в стремлении ввести в известные организационные рамки те разнотипные отряды, которые входили в состав „завес". Они были разделены на участки и районы, сообразно ведущим внутрь страны главнейшим направлениями, была сделана попытка самим отрядам придать штатную организацию.

В дальнейшем деятельность ВВС выразилась в организации на новых началах местного военного управления. Декретами Совнаркома от 8-го и 20-го апреля 1918 г. была реорганизована старая система военных округов [2]) и аппарата уездных воинских начальников, а взамен их создавались новые органы учетно-административного характера, в виде окружных, губернских, уездных и волостных военных комиссариатов; по сравнению с прежними органами местного военного управления они приобретали новые права в отношении самостоятельного создания вооруженной силы, а кроме того, на них возлагалась ответственность за всеобщее военное обучение населения.

Попутно с созданием органов местного военного управления учетно-организационного и административного характера намечались организационные рамки для той вооруженной силы, которую должны были поднять эти органы.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 4795, л. 19.
[2]) В.-уч. арх., дело № 5246, лл. 333—336.

Установление организационных форм.

В марте 1918 г. ВВС обсуждал уже проект организации войсковых соединений новой армии, оформившийся впоследствии в штат № 220, существовавший с ничтожными изменениями до конца гражданской войны [1]).

Этот проект в качестве основной единицы выдвигал дивизию в составе 2—3 бригад; каждая бригада в составе 2—3 полков.

Главной хозяйственной единицей должен был явиться полк в составе 3-х батальонов, по три роты в каждом, общею силою в 1200 штыков.

Артиллерия дивизии должна была состоять из легкой артиллерийской бригады (3 дивизиона, по 3 батареи в каждом, а всего 9 батарей—36 легких орудий), мортирного и тяжелого дивизионов, а всего в дивизии должно было состоять до 60 орудий различных калибров. Этот проект полностью не осуществился, очевидно, в силу соображений материального свойства, и в окончательном виде дивизия, согласно штату № 220, при строго проведенной сверху вниз троечной организации, имела в своем составе 3 легких артиллерийских дивизиона—9 батарей (36 полевых орудий), один легкий гаубичный дивизион (2 батареи—8 полевых гаубиц) и сводный тяжелый артиллерийский дивизион (одна батарея 6″ гаубиц—2 орудия и одна батарея 42-линейных пушек—2 орудия). Численность стрелкового полка этим штатом устанавливалась в 1.730 штыков и 3.751 едоков при 20 пулеметах, численность же дивизии в 15.570 штыков., 51.924 едоков [2]).

Кроме того, в состав дивизии и ее бригад входили инженерные части, части связи, госпитали, транспорты, инженерный парк и кавалерийский полк, а иногда и бригада.

В апреле и мае 1918 г. ВВС был разработан проект о формировании нескольких десятков новых дивизий по территориальному признаку, сообразно разработанных им штатов.

Попутно с этими работами развивались и нарастали органы центрального военного управления в связи с потребностями увеличивающейся вооруженной силы и усложнением боевой обстановки.

Развитие органов управления.

В мае 1918 г. образовывается оперативный отдел при Наркомвоене для руководства ведением операций на фронтах гражданской войны. В июне месяце того же года окончательно складываются центральные органы военного ве-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 5246, лл. 333—336.

[2]) В.-уч. арх., дело № 60, л. 33.

домства: всероссийский главный штаб, военно-законодательный совет, высшая военная инспекция, центральное управление снабжения. Характерная особенность в организации и функциях главных довольствующих учреждений военного ведомства в отличие от прежних заключалась в том, что они являлись лишь распределительными удовлетворяющими органами; все же производительные и заготовительные функции по снабжению Красной армии сосредоточивались в ведении специальных органов Высшего Совета Народного Хозяйства в виде чусоснабармов и главснабармов.

Отвечая целям общей хозяйственной политики Республики, эта система вносила сложность в хозяйственную жизнь армии и в некоторых случаях порождала известные трения между войсковыми частями и снабжающими их органами.

Наконец, организация центральных органов военного управления была завершена сформированием центрального управления военных сообщений, органов военной юстиции, а также всероссийского бюро военных комиссаров, в 1919 г. переименованного в политическое управление республики (ПУР),—органа, совершенно неизвестного в старой армии, преследовавшего цели культурного и политического просвещения войсковых масс и своей разветвленной до низов организацией способствовавшего прочной спайке этих масс.

Когда нарастающее напряжение гражданской войны потребовало от страны новых усилий, во главе всех этих органов в качестве руководящей верхушки стал образованный декретом ВЦИК 30-го ноября 1918 г. Совет рабоче-крестьянской обороны, обладавший всей полнотой власти в деле мобилизации всех сил и средств страны для обороны и явившийся завершением системы организации управления вооруженными силами страны, а вместе с тем объединивший работу всех ведомств, работавших на оборону страны в продовольственном, транспортном и военно-промышленном деле, что как бы повлекло за собой милитаризацию этих отраслей государственной жизни. Поэтому во главе этого учреждения стоял председатель Совнаркома (т. Ленин), а членами его являлись соответствующие наркомы и наркомвоен.

Причины, повлекшие за собою развитие центральных органов управления военного ведомства, вызвали к жизни и высшие органы оперативного управления.

2-го сентября 1918 г. образован Революционный Военный Совет Республики, объединивший в себе административные и оперативные функции по управлению всеми вооруженными силами Республики, а 1-го ноября того же года сфор-

мирован исполнительный оперативный орган последнего в виде Полевого Штаба РВСР [1]).

Одновременно с созданием рамок для новой вооруженной силы и аппаратов управления шло созидание этой силы.

Революционные вооруженные силы в период добровольчества и их характеристика.

В процессе своего возникновения она прошла два периода: период добровольчества и период обязательной службы в рядах войск определенных возрастов и классовых категорий. В обоих этих периодах эта вооруженная сила не является однотипной; поэтому представляется необходимым остановиться на эпохе добровольчества Красной армии и тогдашнем состоянии наших вооруженных сил, дабы уяснить себе смысл и значение для Красной армии перехода к обязательной военной службе.

Формирование Красной армии местными силами и средствами подвигалось медленно и далеко не равномерно. Кроме причин чисто-материального порядка, крайне невыгодным образом сказывалось отсутствие командного состава и прочных кадров. Сводки с мест о ходе формирования представляют довольно пеструю картину. Так, по данным к 9-му апреля из Н.-Новгорода имелось донесение, что за 4—5-е апреля в Красную армию записалось 174 человека. Воронеж в это же время доносил, что для формируемой им 1-й советской дивизии нет совсем командного состава; Царицын сформировал всего 375 человек и прекратил дальнейшую запись из-за отсутствия обмундирования и снаряжения.

В Иркутске записалось всего 350 человек. Из Иванова-Вознесенска сообщали, что „организация Красной армии идет вяло“. Вязьма доносила, что „организация Красной армии подвигается медленно“ [2]).

Удачнее шло дело формирования либо на периферии, угрожаемой нашествием противника, либо в крупных промышленных политических центрах и их районах.

Так, согласно вышеприведенной нами апрельской сводки, в Смоленске в то же время число записавшихся в Красную армию определялось в 2.000 человек [3]).

---

1) В.-уч. арх., дело № 1446. Приказ РВСР № 94 от 14-го октября 1918 г.

2) В.-уч. арх., дело № 5264.

3) Тот же источник.

О ходе формирований Красной армии в Московском военном округе по данным к 30-му апреля 1918 г. свидетельствует следующая таблица [1]):

	Пехота.	Кавалерия.	Артиллер.	Техн. войск.	Итого.
Отряды в Москве	8522	465	237	114	9338
Записавшихся в Москве	18446	902	2024	829	22201
Отряды в округе	7275	27	56	8	7336
Записавшихся в округе	10804	547	306	291	11948

В то же время 9 батальонов I-го корпуса рабоче-крестьянской Красной армии, формировавшегося в Петрограде, с приписанными к ним частями насчитывали 12.820 человек [2]).

Отсутствие твердых организационных рамок и малая сколоченность частей отражались на их боеспособности и дисциплине самым пагубным образом.

Кроме того, следует отметить и то обстоятельство, что под видом добровольцев в Красную армию вступало значительное количество деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, а смотревшего на войну, как на источник личной выгоды.

Донесения войсковых начальников и органов власти дают ряд отрицательных характеристик в этом отношении.

Вот, например, характеристика целой группы „армий“, отступивших с Украины под натиском немцев на советскую территорию:

„Армия Петрова.

Начальная цифра армии Петрова при выезде его из Москвы 19-го марта 1918 г.—800 человек пехоты, 200 чел. кавалерии, 1 батарея, три броневика, 75 чел. конно-прожекторной команды.

---

1) В.-уч. арх., дело № 5245, л. 196.
2) В.-уч. арх., дело № 5245, л. 318.

Цифра той же армии во время пребывания ее в группе Антонова две недели тому назад: 1800 чел. пехоты, 300 чел. кавалерии и 3 орудия.

Характеристика ее. После отхода от Полтавы, где армия не оказала должного сопротивления немцам и гайдамакам, некоторая ее часть достигла г. Воронежа, где была ее база.

Части, прибывшие в Воронеж, были совершенно небоеспособны, в особенности броневой дивизион, который, по словам воронежского военного комиссара, в боевых действиях почти не участвовал, отговариваясь неисправностью машин, и всегда находился в тылу, где занимался лишь грабежами, чем восстановил против Советской власти все население. Во время беспорядков в Воронеже в ночь с 11-го на 12-е апреля остатки армии Петрова произвели целый ряд возмутительных поступков не только по отношению к населению, но и по отношению к членам местного исполкома. Командующий армией, вместо того, чтобы прекратить беспорядки, сам способствовал их продолжению, освободив арестованных по приказанию исполкома зачинщиков и явившись в совет для дачи объяснений с вооруженным отрядом.

Армия Ремнева.

Отряды, входящие в эту армию, относительно устойчивы и до сих пор в боевых действиях оказывали должное сопротивление немцам, несмотря на свою малочисленность. Особых эксцессов по отношению к командному составу и населению не наблюдалось. Согласно телеграммы от 18-го сего апреля, армия в беспорядке отступает перед разъездами гайдамаков и немцев, производя грабежи и насилия, терроризируя железнодорожников. Реальной силы теперь армия не представляет.

Новозыбковская группа.

Во время командования тов. Берзина входящие в группу отряды к командному составу относились с доверием; во время боевых действий храбро исполняли свой долг. За последнее время или благодаря перемене командования, или благодаря прибытию свежих, необученных частей, отряды этой группы совершенно деморализованы и при первых серьезных действиях разбегаются, не исполняя возложенных на них задач, грабя окрестное население, и по

большей части в настоящий момент серьезной боевой силы не представляют.

Заведующий оперативным отделом (подпись).

Заведующий секретно-оперативным отделением
Мустафин"[1]).

Правда, эти части пережили серьезные боевые потрясения, которые растрепали их кадры и разлагающим образом подействовали на их психику, но вот документы, свидетельствующие о том, что это явление в несравненно большей степени имело место среди только-что прибывших на фронт из тыла частей.

8-го апреля 1918 г. военный руководитель Сытин телеграфирует в ВВС[2]) о том, что большинство прибывших в Брянск добровольческих частей „отличаются полной неорганизованностью и отсутствием самого элементарного военного обучения... Главный их недостаток—это отсутствие гражданского долга, полное отсутствие сознания важной ответственности и взятого на себя обязательства, люди совершенно не признают командный состав и приказаний совершенно не исполняют. Массовые заявления, что их обманным путем прислали не учиться, как обещали, а гонят на убой, куда они итти не желают... Общий голос всех начальников фронта: лучше присылать формирований в 10 раз меньше, но качеством лучше"[3]).

Наконец, инспектор Западного фронта Жилин в телеграмме на имя Наркомвоен т. Троцкого сообщает о подвигах отряда анархистов в 300 чел. под начальством некоего Петра Сансо. Этот отряд пробыл, имея полное вооружение, две недели в тылу, собрал на миллион с лишним контрибуций в Брянске, Унече и Клинцах, отобрал у населения массу золотых и серебряных вещей и все это поделил между собою. Предложение отправиться на фронт отрядом было отклонено по мотивам „этического" порядка: анархисты заявили, что они не могут убивать бессознательного немецкого солдата. И отправились в Москву[4]).

Многие из таких отрядов приходилось разоружать и расформировывать.

Система добровольчества и кустарничества в военном деле могла быть терпима лишь до тех пор, пока не созда-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 5245, л, 104.
[2]) В.-уч. арх., дело № 5264, л. 36.
[3]) В.-уч. арх., дело № 5443, л. 3.
[4]) В.-уч. арх., дело № 5443, л. 3.

лись достаточно прочные рамки для влития и обучения в них обильных пополнений [1]). Создание их, учитывая размеры территории, подвигалось настолько быстро, что уже 26-го июня 1918 г. тов. Троцкий имел возможность войти в Совнарком с представлением об установлении всеобщей воинской повинности трудящихся и о привлечении соответствующих возрастов буржуазных классов в тыловое ополчение [2]).

Переход к обязательной воинской повинности.

Но еще раньше оформления этого акта декретом ВЦИК был объявлен призыв всех рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, а кроме того, было признано необходимым призвать рабочих в Петрограде и Москве.

В течение последующих месяцев призыв в ряды Красной армии был распространен и на командный состав.

Наконец, декретом от 29-го июля все военно-обязанное население страны в возрасте от 18 до 40 лет бралось на учет, и устанавливалась конская повинность.

Эти декреты определили собою значительный рост вооруженных сил Республики, вливавшихся в уже готовые для них рамки. Действительно, количество вооруженных сил Республики, сформированных по добровольческому принципу к лету 1918 г. (июнь, июль), определяется следующими данными [3]):

Беломорский военный округ (будущий Северный фронт [4]). . .	8.831 пех.,	419 саб.	101 пул.	29 ор.
Войска, действующие против чехо-словаков (будущий Восточный фронт) (в 1-й, 3-й 4-й армиях) . . .	35.550 „	2.318 „	224 „	38 „
Войска южной завесы [5]).	17.502 „	2.318 „	224 „	38 „

---

[1]) По этому вопросу см. речи и статьи тов. Троцкого в книге „Как вооружалась революция“, том I. изд. ВВРС, 1924 г.

[2]) В.-уч. арх., дело № 5443, лл. 50—51.

[3]) В.-уч. арх., дело № 494, л. 212.

[4]) В.-уч. арх., дело № 494, лл. 229—235 и дело № 494, л. 531.

[5]) В.-уч. арх., дело № 494, лл. 131—132.

Войска западного участка отрядов завесы [1]	3.441 пех.,	463 саб.,	562 пул.,	96 ор.
Отряды завесы Петроградского района [2]	10.514 „	699 „	235 „	49 „
Гарнизоны МВО и г. Москвы [3]	32.297 „	1.723 „	260 „	792 „
Войска в районе витебского губвоенкомата [4]	7.902 „	—	(различн. систем) 29 „	8 „
Всего	116.037 пех.,	7.940 саб.,	1.635 пул.,	1.050 ор.

Поскольку в наш подсчет не вошли все внутренние формирования, а также войска специальных назначений, правильнее будет округлить эти цифры до 200.000 пехоты и прочих и до 10—12 тысяч сабель.

Подъем тяжелых крестьянских резервов сразу позволил приступить к увеличению численности боевых организационных единиц.

28-го июля Наркомвоен приказал приступить к формированию 6 новых дивизий [5]), а 11-го сентября было назначено формирование еще новых одиннадцати дивизий.

Нарастание вооруженных сил революции и окончательная организация их.

Насколько прилив новых сил отразился на численности Красной армии, свидетельствуют следующие цифры: по сведениям на 15-е сентября 1918 г. в 1-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й армиях числилось 80.690 чел. и 8.081 лошадей; в завесах северного, западного и южного участков—49.303 чел., в округах—322.516 чел., а всего в Красной армии 452.509 чел. Кроме того, в продовольственных отрядах, пограничной и судовой охране, железнодорожных отрядах Комиссариата путей сообщения состояло 95.135 чел.

Количество состоящих под ружьем действующих войск—452.509 чел. предполагалось увеличить на 300.000 чел. октябрьского призыва, что должно было довести цифру состоящих под ружьем до 752.509 чел., а учитывая новые формирования, надлежало подготовить обмундирования и снаряжения на 1 миллион человек.

Всего предполагалось в течение 1918 г. сформировать 11 дивизий внутри страны, 9 на фронте, и, кроме того,

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 428, лл. 152—156.
[2]) В.-уч. арх., дело № 497, лл. 143—145.
[3]) В.-уч. арх., дело № 494, лл. 133—142.
[4]) В.-уч. арх., дело № 494, л. 212.
[5]) В.-уч. арх., дело № 5443, л. 22.

3 кавалерийских дивизии; все эти силы распределялись на 10 армий [1]).

Последующее развитие боевых действий на всех фронтах требовало и в течение 1919 и 1920 гг. постоянного увеличения вооруженной силы Республики, и к концу 1920 г. на военном снабжении числилось уже от 4 до 6 миллионов человек.

Насыщение военных границ республики живой силой требовало уточнения и развития системы оперативного управления вниз. Вслед за образованием полевого штаба РВСР были образованы фронты с их штабами (5-го сентября 1918 г.), а именно: Восточный, Южный и Северный (против войск Антанты, высадившихся на беломорском побережье), и западный район обороны.

2-го октября 1918 г. фронтам приказано было провести однотипную организацию своих войск, при чем Северный фронт должен был сформировать две дивизии (№№ 18, 19), западный район обороны — одну дивизию (№ 17), Южный фронт—5 дивизий (№№ 12, 13, 14, 15 и 16) и Восточный фронт—до 8 дивизий (начиная с № 20) [2]).

Такова была организация вооруженных сил Республики и управления ими, окончательно сложившаяся к концу 1918 г. Эта организация доказала свою жизнеспособность в последующие два года напряженной борьбы на всех фронтах и в течение последующих лет гражданской войны была лишь частично дополнена и усовершенствована.

Расширение театра гражданской войны в пространстве, чем особенно характеризуется кампания 1919 г., и крайнее напряжение сил контр-революции предъявили особые требования к организации вооруженных сил страны в отношении ее гибкости. Поэтому центральному управлению пришлось временно поступиться частью своих прав в отношении мобилизации населения и формирования новых частей, возложив эту работу на управления фронтами, при которых были созданы особые управления по формированию.

Возвращение к централизации дела формирования новых частей и мобилизации населения наблюдается вновь не ранее осени 1919 г., когда в районе средней Волги и восточных губерний формируется особая запасная армия, подчиненная непосредственно главкому [3]).

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1, лл. 250—251.

[2]) В.-уч. арх., дело № 1, л. 60.

[3]) В.-уч. арх., дело № 60, л. 9. Приказ РВСР от 7-го августа 1919 г., № 1272/247.

В задачу этой армии входит создание резерва главнокомандующего, как в виде готовых войсковых частей, так и в виде вполне подготовленных укомплектований.

Насколько продуктивной оказалась работа столь мощного резервуара для обработки массовых пополнений, свидетельствуют следующие данные: за первые полгода своего существования запасная армия приняла в себя 145.766 чел. и выпустила на фронт пополнений 111.640 чел.[1]).

Пополнение Красной армии командным составом.

Условия революционного момента своеобразно отразились на вопросе пополнения армии командным составом: его не представилось возможным разрешить по классовому признаку, и поэтому в ряды Красной армии были привлечены специалисты старой армии; этот вопрос разрешился не без борьбы [2]), но разрешение его в положительном смысле являлось естественным следствием перехода от кустарничества к организованному творчеству вооруженной силы.

Категория специалистов, вступившая в ряды Красной армии, являлась далеко не однородной в идеологическом и политическом отношениях. Некоторые из них вступали в ряды армии в силу принудительного декрета, являясь средой, пассивно переживавшей все колебания военного счастья и также пассивно переходившей на сторону белых или остававшейся в занятой ими территории; некоторые сознательно вступали в ряды Красной армии в целях ее разложения, выжидая для этого удобного случая или получая задания от контр-революционных организаций. Наконец, многие вступали в ряды Красной армии вполне сознательно, рвали с прошлым и навсегда соединяли свою судьбу с судьбами Красной армии.

На-ряду с этой категорией комсостава революция выдвинула на командные должности ряд практических деятелей, из которых некоторые не имели предварительного военного стажа, но приобрели его в боях революции. Наконец, с первых же шагов создания Красной армии были приняты меры к обеспечению ее командным составом однородным с нею. Приказы Наркомвоена от января и февраля 1918 г. предусматривают уже необходимость создания ускоренных курсов по подготовке командного состава рабоче-крест. Красной армии [3]).

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1180, л. 197.

[2]) См. речи и статьи тов. Троцкого по этому вопросу в книге „Как вооружалась революция“, том I.

[3]) В.-уч. арх., дело № 2, приказы Наркомвоена № 104 и № 170.

В дальнейшем, с развитием вооруженных сил Республики, развивались и ее военно-учебные заведения, к концу 1920 года планомерно раскинутою сетью покрывшие всю страну.

В условиях гражданской войны им пришлось выполнять задачи не только научно-образовательного, но и боевого порядка. Во многих случаях, как, например, в борьбе на подступах к Петрограду осенью 1919 г. или при подавлении кронштадтского мятежа в 1921 г., из них образовывался ударный кулак, бросавшийся в опаснейшие и важнейшие направления. Значительную роль сыграли они в борьбе с восстаниями разного рода, а также в борьбе с рейдами конницы белых в тылу красных фронтов.

Таким образом, командный состав Красной армии не был однороден ни в отношении своей специальной подготовки, ни в отношении к революции. Последнее обстоятельство, как временную революционную меру, вызвало появление института комиссаров в армии, осуществлявшего функции политического контроля. Возложение на этот институт одновременно определенного круга обязанностей по политико-просветительной части сделало его жизненным и не только не обременительным для системы управления, но, наоборот, весьма укреплявшим ее; широкое разветвление в глубину комиссарского аппарата, опиравшегося в низах войсковой массы на организованные, политически наиболее сознательные и зрелые кадры в виде коммунистических ячеек, обусловило ту внутреннюю спайку и крепость Красной армии, которой неоднократно удивлялись ее враги. ПУР, институт комиссаров, ячейки в войсковых частях являлись теми политическими организационными рамками, в которых происходила обработка широких крестьянских масс, получавшая классовое оформление в рядах Красной армии.

Политический контроль и руководство в высших войсковых соединениях, начиная от армии и выше, осуществлялись коллегиальными органами, в лице революционных военных советов. Однако, конституция этих учреждений вполне отчетливо и резко проводила принцип полной независимости высшего командования в области оперативного управления, чем не нарушалось единоначалие в военном деле и, вместе с тем, сохранялись положительные стороны коллегиальности в отношении предоставления командованию большей свободы в области оперативного творчества.

Снабжение.

Главными источниками снабжения Красной армии, особенно в первый период гражданской войны, являлись склады военного имущества старой армии;

иссякание их начало ощущаться лишь в 1919 г. Вначале в техническом отношении Красная армия нисколько не уступала, а то, пожалуй, и превосходила силы внутренней контр-революции. Обстановка в этом отношении изменилась в невыгодную для Красной армии сторону к лету 1919 г. вследствие непрерывного роста наших вооруженных сил, иссякания старых запасов и, наконец, малой производительности собственной военной промышленности. Сильнее всего чувствовался недостаток в огнеприпасах. В 1918 г. РВСР установил следующий предельный расход патронов на дивизию в месяц [1]): винтовочных патронов 200.000, 3-дюйм. легких—15.000, 48-лин. выстрелов—1000, 6-дм. выстр.—1000.

Характеристикой состояния огнеснабжения в 1919 году является следующая таблица, относящаяся к периоду наибольшего боевого напряжения на Южном фронте летом 1919 г.

Состояние винтовочных патронов в армиях Южного фронта по данным к 16-му июля 1919 г. [2]).

№№ армий.	В складе.	В пути.	Итого.
8-я	1.221.130	1.000.000	2.221.130
9-я	7.400	1.100.000	1.107.400
10-я	636.000	2.500.000	3.136.000
13-я	10.000	1.000.000	1.010.000
14-я	2.539.800	—	2.539.800
Склад фронта . .	107.177	4.000.000	4.107.177

Для того, чтобы осознать все значение этой таблицы, следует иметь в виду, что в период империалистической войны один пехотный полк в день горячего боя расходовал до $2^1/_2$ миллионов винтовочных патронов.

Снабжение войск боевым и хозяйственным обозом началось с переходом к штатной организации, т.-е. во второй половине 1918 г. Обоз форменного образца никогда почти не

[1]) В.-уч. арх., дело № 921, л. 57.
[2]) В.-уч. арх., дело № 268, л. 2.

получался в мере штатной потребности, почему войскам в широкой мере приходилось прибегать к использованию обывательского транспорта.

Обучение и тактика.

В своей боевой деятельности войска руководствовались уставами и положениями старой армии, переизданными с ничтожными изменениями и дополнениями. Главная масса бойцов состояла из людей, получивших предварительную боевую подготовку в рядах старой армии; весьма многие из них принесли с собой боевой опыт мировой войны. Тактическая и строевая подготовка молодых возрастов была слабее, вследствие невозможности выдержать их долгое время в запасных частях и отсутствия достаточного кадра хороших инструкторов.

Наличие на высших командных должностях в армии значительного количества молодого командного состава, выдвинутого революцией, придавало тактике Красной армии в высшей степени активный и предприимчивый характер. Обходы и охваты, смелое маневрирование пользовались широким распространением. Однако, эта тактика была все-таки менее подвижна, чем тактика противников Красной армии, особенно на Южном фронте. Объяснения этому явлению следует искать в причинах организационного порядка. Из дальнейшего изложения видно будет, что противник в составе своих вооруженных сил имел подавляющее превосходство в коннице и выгодно для себя использовывал это преимущество в условиях маневренной войны.

Когда, после клича тов. Троцкого „Пролетарий, на коня!“, Красная конница начала сильно возрастать в количестве, тактика Красной армии стала не менее подвижной, чем тактика ее противников, и блестящие кавалерийские рейды сделались тою характерною ее особенностью, которая и поныне вызывает изумление иностранцев.

Выводы.

Характерная особенность Красной армии заключалась в ее внутренней силе. Эта внутренняя сила являлась следствием того, что в идеологию армии была заложена новая идея,—идея революционной классовой борьбы, носителем и хранителем которой в первую очередь сделалась, как наиболее сознательная, рабочая масса, влившаяся в ряды Красной армии, а затем — беднейшие слои крестьянства. Вокруг этого основного стержня группировались в рядах армии все действенные силы революции, руководимые передовым ее авангардом в лице РКП, которая посредством последовательных партийных мобилизаций дала массу активных и самоотверженных работников в ряды

Красной армии. Внешним выражением этой идеи явилось построение армии по классовому признаку, о чем мы говорили уже выше.

Вооруженные силы внешней контр-революции.

Чрезвычайная пестрота и разнообразие контингентов, сражавшихся по ту сторону баррикад, и некоторые характерные особенности, присущие их зарождению, развитию и организации, требуют предварительного разделения их на несколько категорий.

В борьбе против Советской республики участвовали силы внешней и внутренней контр-революции.

К первым надлежит отнести регулярные войска оккупантов и интервентов, в первую очередь австро-германские, а затем английские, французские, американские, греческие, сербские, итальянские, японские, разновременно являвшиеся на территории Советов и остававшиеся на ней более или менее продолжительное время.

Большинство из них не принимало непосредственно активного участия в битвах революции, обеспечивая, главным образом, плацдармы, на которых формировались и укреплялись силы внутренней контр-революции.

Исключение составляют австро-германские войска, активное вмешательство которых в ход русской революции в начале 1918 г. сильно повлияло на замедление ее успехов на юге, предоставив для контр-революции обширный плацдарм для формирования ее сил, и контингенты Антанты на беломорском побережье, принимавшие не эпизодическое, а постоянное непосредственное участие в боевых действиях на севере России.

Несравненно большее боевое значение принадлежало эскадрам Антанты, блокировавшим берега республики, начиная с осени 1918 г.

Содействие этих эскадр во многом облегчило Добровольческой армии в 1919 г. задачу по овладению крупными портами Черного моря, не говоря уже про ту роль, которую флот Антанты сыграл в деле снабжения контр-революционных армий морским путем.

Наибольшей численности на территории союза силы интервентов достигали к весне 1919 г., когда на нашем Северном фронте действовало до 50.000 смешанных войск, состоявших из английских, французских, американских, сербских и итальянских контингентов, при чем в северных портах находилось около 10 англо-французских военных судов.

На Южном фронте и на северном побережье Черного моря, а также в Бессарабии находилось в то же время

около 3-х дивизий франко-румынских войск, а район Одесса—Николаев был занят оккупационным отрядом в 20.000 чел. греко-французских войск под командованием французского генерала д'Ансельма. Кроме того, у северных берегов Черного моря крейсировала англо-французская эскадра в 10—15 судов, а в гавани Новороссийска стояла эскадра в 7—8 военных судов [1]).

К весне 1918 г. на восточном фронте белых и в ближайшем тылу его не было иностранных войск; они располагались по железнодорожной магистрали в некоторых районах восточной Сибири; число их в настоящее время можно установить лишь приблизительно, а именно: известно, что в дальнейшем японцы оккупировали восточную Сибирь тремя пехотными дивизиями (3-я, 7-я, 12-я); там же находилось до 7.000 американских войск и несколько меньшее количество англичан; наконец, по всей сибирской магистрали было раскинуто значительное количество чешских эшелонов, снимавшихся с фронта и стягивавшихся к Владивостоку [2]).

Кроме того, небольшие отряды английских войск оккупировали Закавказье и распространялись в пределах Закаспийской области.

К следующей категории внешних контр-революционных вооруженных сил надлежит отнести контингенты лимитрофных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи при деятельной поддержке оккупантов и интервентов.

По времени своего возникновения первое место занимает армия белой Финляндии, начало формирования которой относится к эпохе империалистической войны, когда германцами в рядах своей армии был сформирован егерский батальон из финляндских уроженцев, принявший затем участие в гражданской войне в Финляндии в начале 1918 г. Главная же масса финских белогвардейских войск состояла из белогвардейских формирований, возникших в процессе гражданской войны в Финляндии.

В период дальнейшего развития гражданской войны уже на территории Советского Союза эта армия явилась наиболее пассивной из белых армий лимитрофных государств, однако, ее вредное влияние на ход нашей гражданской войны заключалось в том, что она оттягивала значительное количество красных войск для охраны западной границы, поскольку белым финнам к лету 1919 года удалось довести

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1183, л. 111.

[2]) „Архив русской революции", изд. Гессена, Берлин, 1923 г., том IX, стр. 243—303.

численность своей армии до 105.500 шт. и 6.000 сабель, причем из этого количества на сердобольском направлении они держали 13.600 штыков, а на выборгском направлении у них было сосредоточено 26.600 шт. и 2.000 сабель [1]).

Несравненно более активную роль, наравне с силами внутренней контр-революции, сыграли армии белых Латвии и Эстонии. Эти армии вели свое начало от добровольческих организаций, которые белые правительства Эстонии и Латвии начали на-спех формировать в конце 1918 г.; вооруженные силы обоих государств вместе с вкрапленными в них отрядами русских добровольцев к весне 1919 г. не превышали 10.000 человек [2]), но уже летом 1919 г. на эстонском участке нашего Западного фронта действовали силы белых эстов в количестве 24.400 штыков и 1.350 сабель, а силы белых латышей возросли до 10.100 штыков и 500 сабель. Кроме того, в Прибалтике действовал VI германский резервный корпус фон-дер-Гольца в количестве 26.800 штыков и 4.150 сабель. Этот корпус по требованию держав Антанты должен был покинуть Прибалтику летом 1919 г. [3]).

Значительно позднее, в качестве фактора, отвлекшего на себя известную часть сил Красной армии, на историческую сцену выступает белая польская армия, непосредственное боевое соприкосновение с передовыми отрядами которой у Красной армии установилось уже в начале 1919 г. Значение этого фактора в полной мере проявилось, однако, лишь в кампанию 1920 г., когда большинство внутренних фронтов было ликвидировано. Однако, уже летом 1919 г. польские силы на нашем Западном фронте достигали численности 57.300 штыков и 6.540 сабель; к ним надо для общего подсчета прибавить еще белую литовскую армию [4]), действовавшую самостоятельно и достигавшую численности 8.200 шт. [5]).

Наконец, в третью категорию сил контр-революции мы отнесем те иностранные формирования, которые с русской контр-революцией были связаны случайным территориальным признаком. Эта категория явилась промежуточной между внешними и внутренними вооруженными силами контр-революции.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 65, лл. 3—4.

[2]) „Архив русской революции", 1922 г., том II, стр. 143—169.

[3]) В.-уч. арх., дело № 65, лл. 3—4.

[4]) Литовская белая армия начала формироваться в ноябре 1918 г в районе Олита—Ковно. В.-уч. арх., дело № 130, л. 115.

[5]) В.-уч. арх., дело № 65, лл. 3—4.

Наиболее значительным из этих формирований, сыгравшим притом выдающуюся роль в судьбах гражданской войны, являлся чехо-словацкий корпус [1]), состоявший из 2-х дивизий и достигавший численности, со всеми приданными ему частями, до 40.000 человек. Над организацией и снабжением этого корпуса много поработали и прежнее царское правительство, и миссии держав Антанты. Активное выступление этого корпуса на стороне контр-революции в конце мая 1918 г. сразу обеспечило за нею необходимую базу на востоке, и, таким образом, в отношении сибирской и приволжской контр-революции этот корпус сыграл ту же роль, что германские оккупационные войска на юге для казачьей и украинской контр-революции.

Однако, с конца 1918 г. он, в силу целого ряда причин политического и внутреннего порядка, исчезает из актива русской контр-революции, постепенно стягиваясь к Владивостоку и частью своих сил выполняя по заданиям Антанты обеспечение тыла и сообщений колчаковских армий в Сибири.

Кроме этого инородного тела в составе старой русской армии, сыгравшего затем выдающуюся, хотя и кратковременную, роль в гражданской войне, контр-революция в наследие от старой армии получила ряд национальных новообразований, из которых наиболее значительным был I-ый польский корпус Довбор-Мусницкого, имевший определенную контрреволюционную окраску; сжатый между наступавшей революцией и двигавшейся навстречу ей первой волной оккупантов в виде австро-германских войск, этот корпус (а вслед за ним и все образования подобного-же типа) прекратил свое существование, разоруженный германцами в самом начале гражданской войны [2]).

Вооруженные силы внутренней контр-революции, имевшие собственную территорию для формирований.

Силы внутренней контр-революции представляют еще более пеструю картину по своей политической идеологии, классовому составу, условиям комплектования, организации, снабжению и боеспособности. Их можно подразделить на две основных категории: к первой отнесем те из них, которые базировались на определенную территорию и определенные слои населения на ней, имея постоянные источники пополнения; вторую категорию составляют силы, не имевшие определенной собственной территории и постоянных источников

---

[1]) Подробности о нем см. С. Венцов и С. Белицкий, „Краткий стратегический очерк гражданской войны 1918—1920 гг.“, стр. 92—96.

[2]) Подробности см. предыдущий источник, стр. 32—40.

пополнения; эти формирования при резко выраженной контр-революционной идеологии в своей организации также четко проводили классовый признак, а некоторые из них по системе своей организации и способам укомплектования весьма напоминали наемные войска XVI—XVII столетий [1]).

Войска, выдвинутые казачьими областями, составляли первую категорию. По своей организации, условиям комплектования, классовому признаку и идеологии все они являлись более или менее однородными, почему мы остановимся на тех из них, которые по своей численности, длительности и упорству своей борьбы сыграли наиболее заметную роль в ходе гражданской войны, а именно на Донской и Кубанской армиях.

Основой этих армий являлись кулацкие круги казачества, давившие своей массой на казаков-середняков; политическая идеология их приближалась скорее к эсеровской, при чем официальным лозунгом была борьба за учредительное собрание; верхи казачества расходились с демократическими устремлениями рядовой массы казачества, примыкая на Дону скорее к идеологии Добровольческой армии; на Кубани, на-ряду с теми же кулацкими тенденциями, проявлялась, кроме того, тенденция к *самостийности*, поддерживаемая некоторыми членами кубанской рады.

Малоземельное казачество, а также крестьянство этих областей, известное под наименованием „иногородних“, тянуло к Советской власти; таким образом, оба эти наиболее крупные и сильнее других организованные войска не были избавлены от внутренних противоречий, отрицательно отражавшихся на внутренней прочности и крепости их армий.

По своему внутреннему устройству казачьи войска были приспособлены к чрезвычайно быстрой мобилизации по территориальному признаку. В этом было их преимущество по сравнению с революционными войсками, так как последним понадобилось затратить около полугода для создания организационных рамок, куда могла бы влиться волна тяжелых крестьянских резервов, и этим преимуществом они умело воспользовались.

Опирая свой тыл на оккупационные германские войска, донская контр-революция приступила к планомерному развитию своих сил с раннего лета 1918 г.

К сентябрю 1918 г. эти силы достигли численности 46.000 человек, при чем численность конницы достигала

---

[1]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том II, книга I, стр. 125.

26.000 человек; силы эти были сведены в 30 пехотных и 60 кавалерийских полков [1]).

Кроме того, согласно приказа донского атамана, генерала Краснова, на территории Дона разрешено было формироваться армиям, не располагавшим собственной территорией; к числу таковых относились: „Южная“, формировавшаяся для освобождения Воронежской губ., „Русская народная армия“ для освобождения Саратовской губернии и Астраханская армия; эта последняя армия в ноябре 1918 г. достигла численности 2.000 штыков, 4.800 сабель, 23 легких орудий [2]).

В последующие месяцы численность Донской армии продолжала возрастать, при чем ее кадры усилились за счет „Южной“ и „Русской народной армии“, самостоятельное формирование которых не удалось.

Высшими организационными единицами Донской армии являлись дивизии, каждая в составе 4 казачьих конных полков, 1 конно - саперной сотни и 2-батарейного конно - артиллерийского дивизона. Дивизии сводились в корпуса, а эти последние по 2 и по 3 в армии, которых насчитывалось три [3]).

Наибольшего своего роста силы Донской армии достигали летом 1919 г., когда в ее рядах насчитывалось 59.020 бойцов, из них 29.760 штыков—казаков, 9.000 штыков прочих и 20.260 сабель.

Тогда же приступлено было к сведению трех донских армий в одну в составе 5—8 корпусов [4]).

Этот прирост сил достигался благодаря всеобщим мобилизациям казачьего населения вновь занимаемых территорий; так, уже в июне 1918 г. донским правительством была объявлена мобилизация всего казачьего населения в возрасте от 18 до 40 лет [5]).

Кубанская армия формировалась на тех же основаниях и в тех же организационных формах, что и Донская.

Начальные этапы ее возникновения прошли под прикрытием Добровольческой армии, с которой она была несравненно теснее связана, чем с Донской.

Уже к началу октября 1918 г. численность ее, считая в том числе и Добровольческую армию, достигала 100.000 человек. [6]). Летом 1919 г. эта армия состояла из 4-х

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 22, лл. 289—293.
[2]) В.-уч. арх., дело № 282, лл. 327—331.
[3]) В.-уч. арх., дело № 1180, лл. 197—218.
[4]) В.-уч. арх., дело № 1136, л. 35.
[5]) В.-уч. арх., дело № 22, лл. 289—293.
[6]) В.-уч. арх., дело № 220, лл. 289—293.

корпусов. Как Донская, так и Кубанская армии были преимущественно конные.

Основанием белых армий Восточного (колчаковского) фронта явились вооруженные силы восточных казачьих войск (оренбургского и уральского), казачьи войска Сибири и конспиративные вначале офицерские организации, рассеянные по крупным городам Сибири и в некоторых городах Поволжья.

Первоначально в этих формированиях отличались три основных типа: казачьи контингенты, сибирские формирования, ядром которых являлись вышеупомянутые ячейки, и „Народная армия", возникшая на среднем Поволжье, под прикрытием чехо-словацкого мятежа, на которую опирались эсеры из самарской учредилки. Формирование этой армии начато было тотчас после захвата г. Самары чехами, т.-е. 8-го июня 1918 г., при чем в основу ее был первоначально положен принцип добровольчества. Кадром этой армии явилась подпольная офицерская организация с определенно выраженным черносотенным и монархическим направлением, в силу чего в этой армии начали вводиться и все старые дореволюционные порядки старой армии.[1]). Эта армия не была популярна в населении. Сильно потрепанная в боях на Волге и Урале осенью 1918 г., армия эта после образования в Омске военной диктатуры, в лице адмирала Колчака, в ноябре 1918 г. растворилась в среде прочих контингентов армии Колчака, утратив свою своеобразную физиономию.

Формирование неказачьих контингентов в белых армиях Восточного фронта производилось следующим образом: тотчас по занятии какого-либо крупного населенного пункта отрядами чехо-словаков или добровольцев объявлялась запись добровольцев и принудительная мобилизация бывших офицеров и юнкеров. Когда образовывался, таким образом, необходимый командный кадр, объявлялась мобилизация остального населения, из которого формировали либо дивизию, либо бригаду, либо полк в зависимости от величины города.

О росте этих вооруженных сил свидетельствуют следующие данные: к началу июля 1918 г. „Народная армия", формировавшаяся в Самаре, состояла из 4 пехотных полков, 2 офицерских батальонов, 20 сотен казаков и 43 орудий различных систем [2]).

---

[1]) Журнал „Красная Новь", 1922 г., № 6. И. Майский, „Демократическая контр-революция", стр. 171—176.

[2]) В.-уч. арх., дело № 210, лл. 1—4.

Формирования в омском районе (зародыш Сибирской армии) не превышали еще 1.100 штыков, преимущественно офицерского состава, при 12 орудиях [1]). Такие же формирования производились в других крупных центрах Сибири; в Иркутске формировалась Иркутская дивизия (4 пех. полка); Томск формировал несколько отдельных отрядов и т. д. [2]).

Все эти формирования обеспечивались чехо-словацким корпусом, который главными своими силами, в количестве 2-х дивизий—34.000 шт., 33 орудия, занимал район среднего Поволжья (Сызрань, Самара), оккупируя в то же время западную Сибирь одной пехотной дивизией [3]).

Мобилизация не пользовалась успехом среди населения: „в городах настроение было подавленное... в уездах бедняки и рассеявшиеся красноармейцы образовывали партизанские отряды“ [4]).

Действительно, в период осеннего отступления 1918 г. „Народная армия“ либо переходила на сторону красных, либо разбегалась по домам [5]).

Тем не менее, к весне 1919 г. армии Колчака, не считая чехословаков, насчитывали в своих рядах свыше 100.000 бойцов, при чем эти силы могли быть доведены к маю 1919 г. до 150.000 человек. В феврале 1919 г. эти силы образовывали три отдельных армии: Сибирскую—ген. Гайда, „Западную“—ген. Ханжина и „Юго-Западную“—ген. Дутова; в районе Семиречья у противника действовал II-й Степной корпус слабого состава [6]).

Каждая армия состояла из корпусов, а эти, в свою очередь, из дивизий и бригад.

По тому же принципу и на тех же основаниях формировались силы белых на Северном фронте, достигшие наибольшего своего развития также к весне 1919 г., при чем и тогда численность их не превышала 28.900 шт. и 1.720 сабель [7]).

Однако, такой численности своих вооруженных сил белому северному правительству удалось достигнуть путем крайнего напряжения сил населения. Правительство Северной области мобилизовало в области все мужское население, способное носить оружие, до 52-летнего возраста включи-

[1]) „Архив русской революции“, 1923 г., том IX, стр. 243—303.
[2]) В.-уч. арх., дело № 210, лл. 1—4.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) „Архив русской революции“, 1923 г., том IX, стр. 243—303.
[7]) В.-уч. арх., дело № 65, лл. 3—4.

тельно; попутно оно производило многочисленные мобилизации лошадей, а также реквизиции скота и продуктов питания у населения [1]).

Украина являлась последней в ряде областей, где контрреволюция располагала собственной территорией для образования своих вооруженных сил. Здесь образование и развитие их пошло крайне своеобразным путем вследствие своеобразия политических и экономических факторов, влиявших на условия их возникновения.

Мы не будем останавливаться на вооруженных силах Украины эпохи гетманщины, поскольку создание их не улыбалось тогдашним хозяевам Украины—немцам, и они не вышли из состоянии фикции до самого их ухода, быстро растворившись в той волне народного движения, которая смела гетмана и на его место временно вынесла режим директории, одним из главных действующих лиц которой являлся Петлюра. К моменту перехода власти в руки директории силы Петлюры насчитывали в своих рядах до 40.000 бойцов [2]). Основанием их послужили небольшие кадры военно-организованной мелкой украинской буржуазии и интеллигенции, шовинистически настроенной и в области социальной не стремившейся далее определенного минимума социал-соглашательской программы; лозунгами их являлась борьба за самостийность Украины и против изменника Скоропадского.

Последний лозунг, в преломлении широкой народной массы означавший борьбу против ненавистного помещичьего режима, ставленником которого являлся Скоропадский, сделал на некоторое время эту массу попутчиком с Петлюрой, Однако, с самого же начала выявились те причины, которые в дальнейшем предопределили совершенно иной путь, следуя которым анархо-кулацкая стихия, сильная на Украине, стремилась создать собственную вооруженную силу. Наши разведывательные сводки от декабря 1918 г. отмечают, что „петлюровцев крестьянство встретило сначала равнодушно, так как считало гайдамаков своими врагами, при помощи которых гетман собрал с крестьян в пользу помещиков крупные контрибуции; настроение было большевистское“ [3]). Это настроение еще более отчетливо выявилось у городского пролетариата крупных центров Украины. „В местах, занятых петлюровскими войсками, рабочие организации приступили к интенсивной работе по

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 1163.
[2]) В.-уч. арх., дело № 254, л. 194.
[3]) В.-уч. арх., дело № 218.

устройству митингов, собраний, конференций, съездов. В Харькове рабочие заводов и мастерских вынесли резолюцию за Советскую власть“ [1]).

В дальнейшем директория, вступив в переговоры с Антантой, а главным образом, с бело-поляками, окончательно оттолкнула от себя народные массы, которые самостоятельно пошли двумя путями. Беднейшее крестьянство и пролетариат сразу пошли по пути Советской власти, и их вооруженные силы явились составной частью Красной армии; анархо-кулацкая стихия стремилась опереться на собственную вооруженную силу, типичными представителями которой явились многочисленные банды с их атаманами и атаманчиками, широкой волной разлившиеся по Украине в 1919—20 гг. Неспособные к самостоятельному ни политическому, ни военному существованию, эти банды являлись случайными спутниками то одной, то другой из борющихся на территории Украины крупных сил: красного Севера и белого Юга, и могли существовать лишь до тех пор, пока эти две силы были заняты борьбой между собой.

Наибольшую известность в период гражданской войны приобрели банды Григорьева и Махно. Первый, поддерживая сначала Советскую власть, откололся от нее весною 1919 г., поднял против нее восстание и погиб, убитый Махно; второй, с окончанием гражданской войны, вынужден был прекратить свое политическое существование, перебежав в Румынию.

Кроме этих банд, в период 1919 г. возникло еще несколько крупных бандитских движений, возглавляемых Зеленым и Тютюником, придерживавшимися петлюровской ориентации, хотя они официально именовали себя армией советской (радянской) социалистической Республики. В июле месяце 1919 г. они пытались образовать 3 корпуса с районами действий: I-й корпус (Мазуренко - Тютюник) в Сквирском уезде (около Киева), II-й корпус — (Зеленого) — по Днепру ниже Киева (Триполье) и III-й корпус—(Григорьева)—в пределах Херсонщины. Банды Григорьева насчитывали до 16.000 человек; численность II-го и III-го повстанческих корпусов достигала 5.000 пехоты, 1.000 сабель при 70 пулеметах и 4 орудиях. Целью банд являлось соединение с Петлюрой и действия в тыл красным частям [2]).

---

[1]) Там же.
[2]) В.-уч. арх., дело № 6136, л. 7.

Кроме этих оформившихся наподобие регулярных войсковых соединений крупных бандитских группировок, существовало бесконечное количество аморфных банд, общая численность которых не поддается даже приблизительному учету. Например, в одном только Липовецком уезде Киевской губернии в июле 1919 г. количество бандитов исчислялось в 10.000 человек, при чем они располагали одним орудием и несколькими пулеметами [1]).

Наконец, как ни ограничена была база Петлюры в политическом и территориальном отношениях, благодаря обширности украинского театра ему удалось все-таки создать и собственную вооруженную силу: ядром ее явился корпус сечевых стрельцов Коновальца, создавшийся из выходцев из Восточной Галиции; в этом корпусе сильна была эсеровская идеология с сильной шовинистической окраской. К 15 мая 1919 г. силы Петлюры достигали 10—12 тыс. человек пехоты, 700—1.000 саб. при 70—75 орудиях [2]).

Это были те силы, которые остались у Петлюры из тех 40.000 человек, которые объединились вокруг него для борьбы с гетманом. О судьбе остальных и результатах петлюровских мобилизаций красноречиво говорят следующие данные наших разведывательных сводок:

„3-й стрелк. полк—настроение большевистское.

В Киеве из всего состава гарнизона половина относится сочувственно к Советской власти.

В 1-ой стрелк. дивизии настроение за Советскую власть. В Умани за сочувствие Советской власти разоружены два полка. Из ровенского гарнизона большинство мобилизованных разбегается. В Харькове мобилизованные отказываются итти сражаться против большевиков“ [3]).

В конце лета 1919 г. силы Петлюры получили случайное приращение, благодаря тому, что галицкая армия, сражавшаяся до сих пор с поляками за свою территорию, вынуждена была покинуть ее и перейти на территорию Украины. Эта армия, хотя и не обнаружившая особого стремления сражаться на той или иной стороне, ослабленная болезнями и потерями, отсрочила конец самостоятельного существования петлюровской вооруженной силы.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 6142, л. 3.
[2]) В.-уч. арх., дело № 1180, л. 22.
[3]) Там же, л. 187.

Силы контр-революции, не располагавшие собственной территорией для формирований.

Из вооруженных сил контр-революции, не располагавших собственной территорией для формирований, наиболее сильной по внутренней консистенции и наиболее мощной по организации и численности была Добровольческая армия, известная также под названием Деникинской.

Эта армия по существу явилась вооруженной силой крупной русской буржуазии, которая еще в 1917 г. мечтала сформировать собственную вооруженную силу в виде ударных батальонов; тогда эта идея провалилась с тем, чтобы возродиться вновь в Новочеркасске и Ростове осенью того же года.

В организации этой армии можно также отметить наличие классового признака, конечно, противоположного тому, на основе которого формировалась Красная армия.

Возникнув в виде слабенького отряда в самом начале 1918 года на Дону, эта армия, первоначально не превосходившая 4-х тысяч штыков и сабель, совершила странствие по кубанским степям, вернулась на Дон и вновь отправилась на северный Кавказ, не желая принять германской ориентации, которая господствовала летом 1918 г. на Дону.

К 1-му ноября 1918 г. эта армия, пополнившись за счет кубанских добровольцев, состояла уже из 4-х дивизий, пластунской бригады, бронепоезда и авиационного отряда. Численность ее в это время достигала: 8.000 штыков, 1.300 сабель, 12 легких и 5 тяжелых орудий [1]).

Начиная с 1919 г., Добровольческая армия в погоне за численностью нарушает постепенно однородность, пополняя свои ряды мобилизованным местным населением. Это, конечно, сейчас же отражается на ее внутренней крепости.

К 25-му июля 1919 г. Добровольческая армия состояла уже из 6 номерных пехотных и 2 кавалерийских дивизий— всего [2]) около 15 тысяч штыков и около 2½ тысяч сабель [3]).

Если Добровольческая армия, не будучи связана с определенной территорией, являлась все-таки органически связанной с одним из классов страны, то у Северо-Западной армии Юденича не было даже и этого преимущества, почему тов. Троцкий совершенно справедливо относил ее к типу кондотьерских формирований XVI—XVII в.в.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 77—78.
[2]) Считая в том числе и контингенты Антанты.
[3]) В.-уч. арх., дело № 1136, л. 35.

Она начала формироваться под защитой немцев еще с осени 1918 г. в районе Пскова и Двинска, пополняясь, главным образом, офицерством и случайным элементом, и в конце ноября 1918 г. насчитывала в своих рядах до 3.000 чел. После первых своих боевых столкновений с Красной армией, окончившихся для нее неудачей, эта армия, разбившись на две группы, долгое время сражалась с Красной армией в рядах эстонских и латвийских белогвардейских формирований, пополняясь, главным образом, за счет наших военно-пленных в Германии и Польше. Летом 1919 г. обе эти группы соединились под начальством Юденича на нарвском фронте [1]), при чем численность этой армии достигала тогда 17.800 штыков, 700 сабель, 57 орудий.

Общее количество вооруженных сил контр-революции в 1919 г.

Лето 1919 г. характеризуется наивысшим напряжением сил обоих противников.

По данным к 1-му мая 1919 г. силы противника распределялись следующим образом против различных наших фронтов и армий:

1) *Против фронта 6-ой армии* (Северный фронт) 35.620 штыков, 570 саб., 659 пулем., 110 орудий.

2) *Против Западного фронта*—176.500 штыков, 12.590 саб.

3) *Против Украинского фронта*—38.900 штыков, 2.150 саб., 120 пулем., 124 орудия и условно корпус Румын.

4) *Против Южного фронта* — 41.400 штык., 59.300 саб., 1.097 пулем., 216 орудий.

5) *Против 11-й армии*—5.900 штыков, 2.300 саб., 6 пулем., 8 орудий.

6) *Против Восточного фронта*—118.400 штыков, 28.640 саб., 1.023 пулем., 270 орудий [2]).

Характеристика вооруженных сил контрреволюции в отношении их боеспособности и внутренней спайки.

Основным ядром вооруженных сил контрреволюции по численности, организации и спайке являлись армии: Донская, Кубанская и Добровольческая.

Нашими разведывательными органами боеспособность этих армий определялась следующим образом:

Донская армия — боеспособность средняя. К обороне неспособна, к наступлению в широком масштабе тоже. Молодые казаки сочувствуют Советской власти. Командный состав слаб.

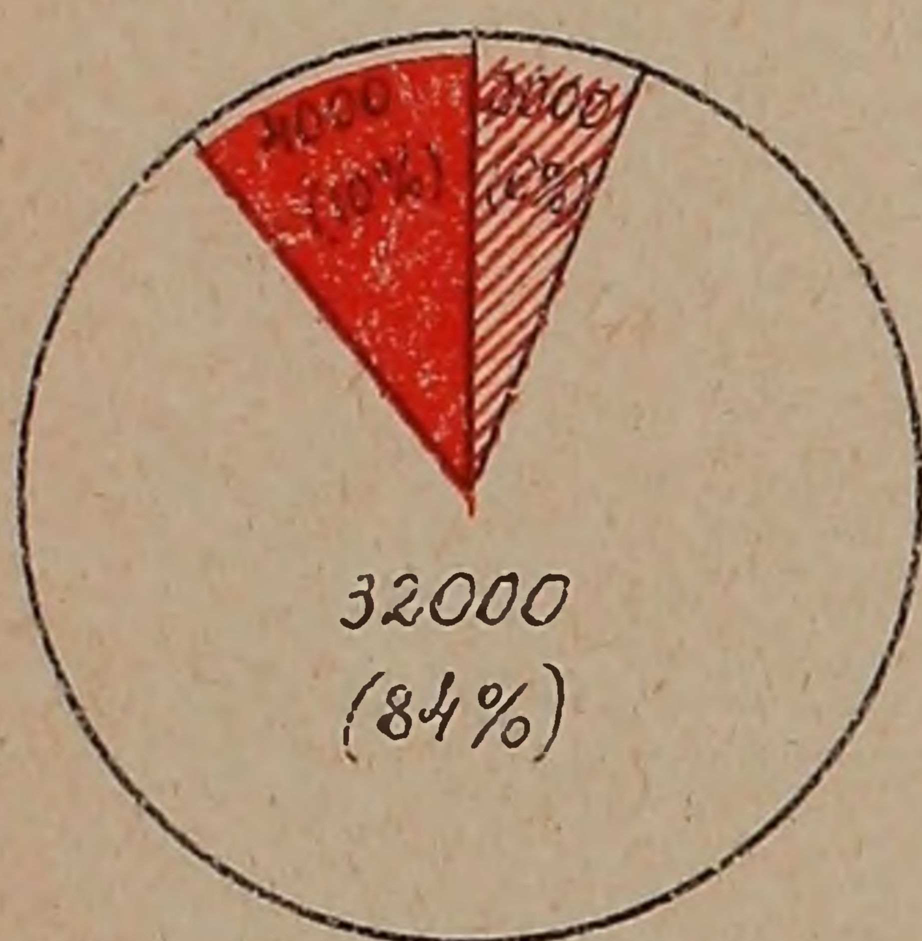
---

[1]) „Архив русской революции“, том II, стр. 143—169.

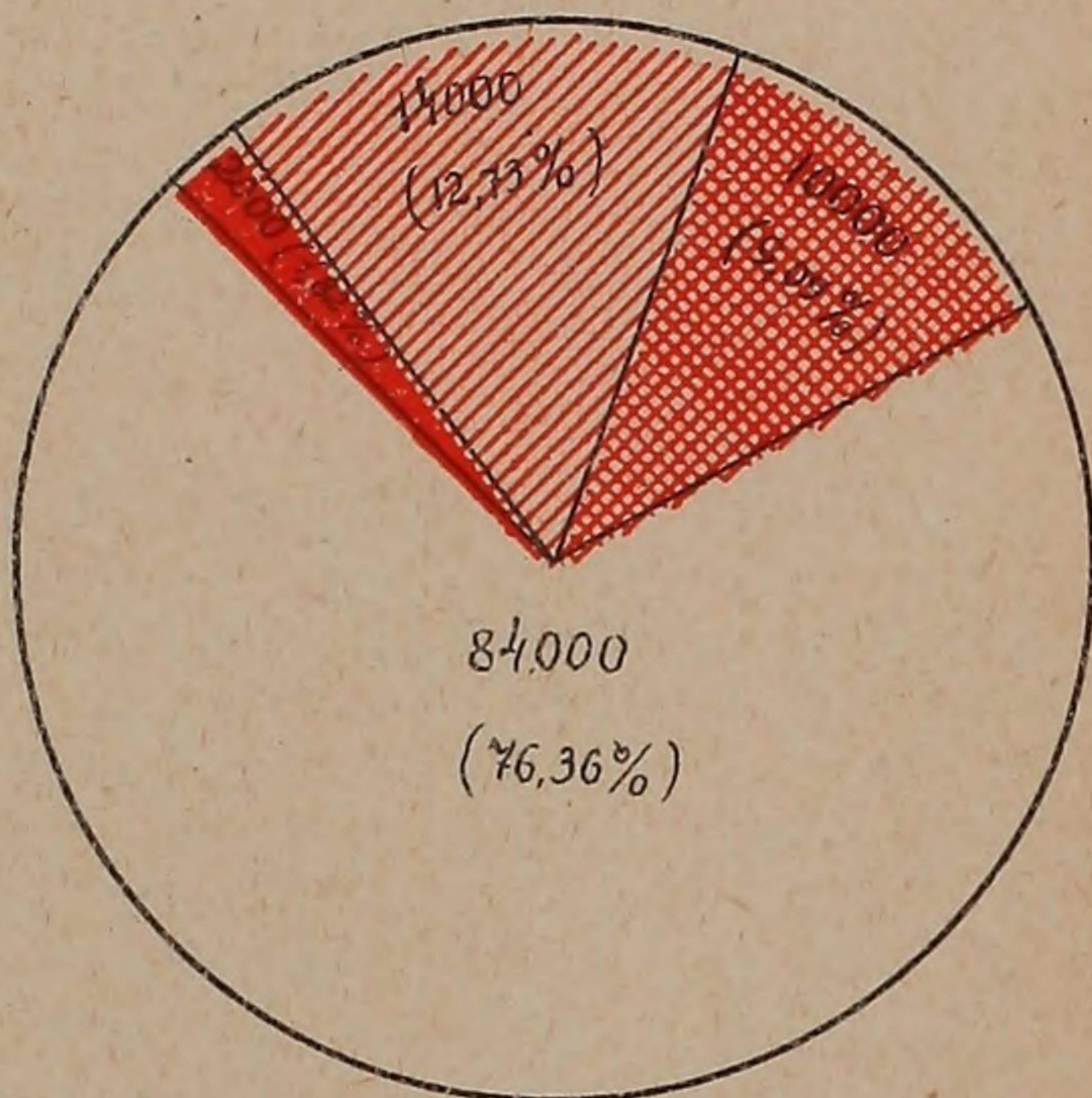
[2]) В.-уч. арх., дело № 1180, л. 227.

Диаграмма
приблизительного качественного состояния войск противника
по данным за 4 мес. к 1 марта 1919 г.

Западный район
(38.000 чел.)

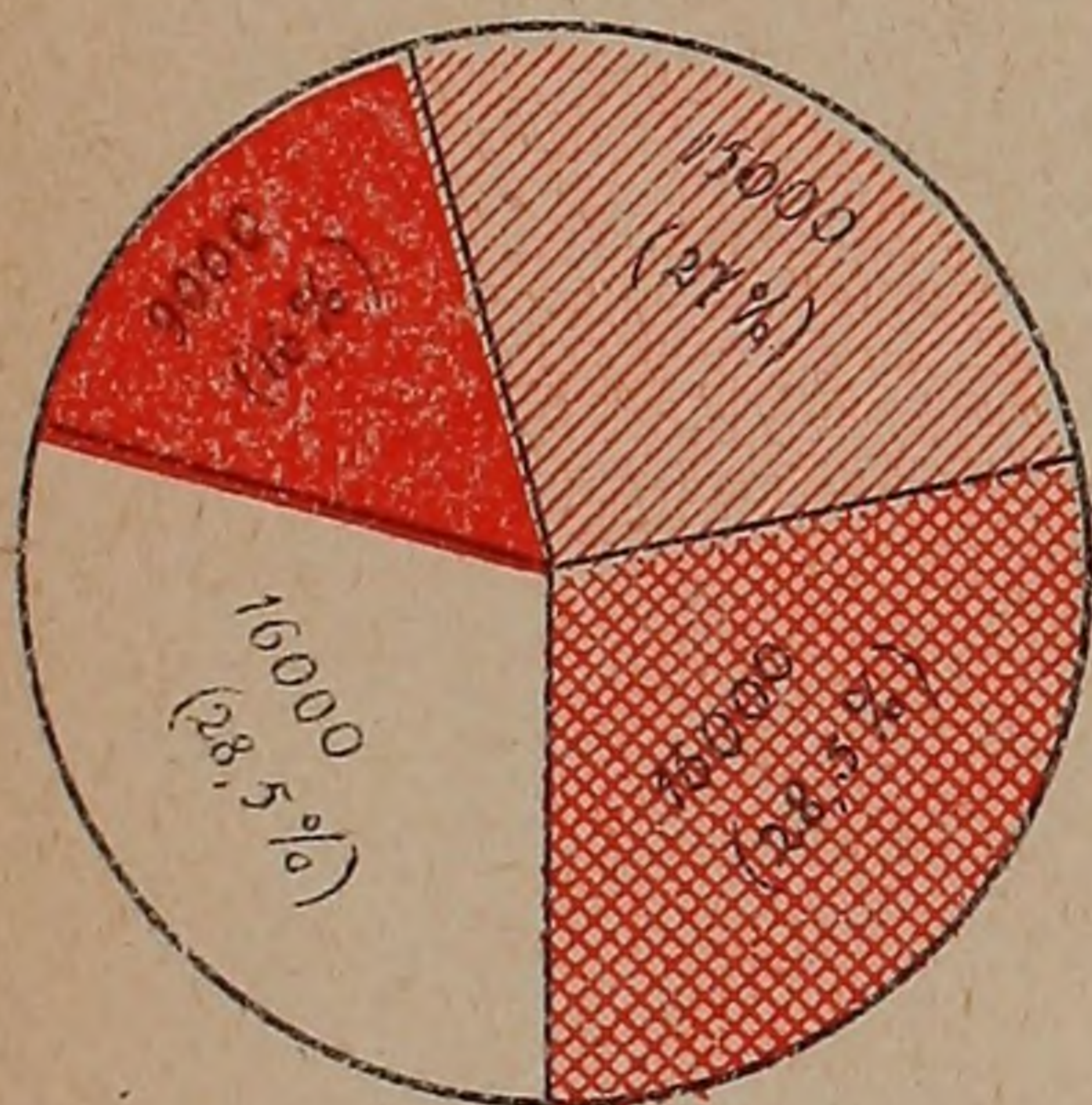

Восточный фронт
(110.000 чел.)

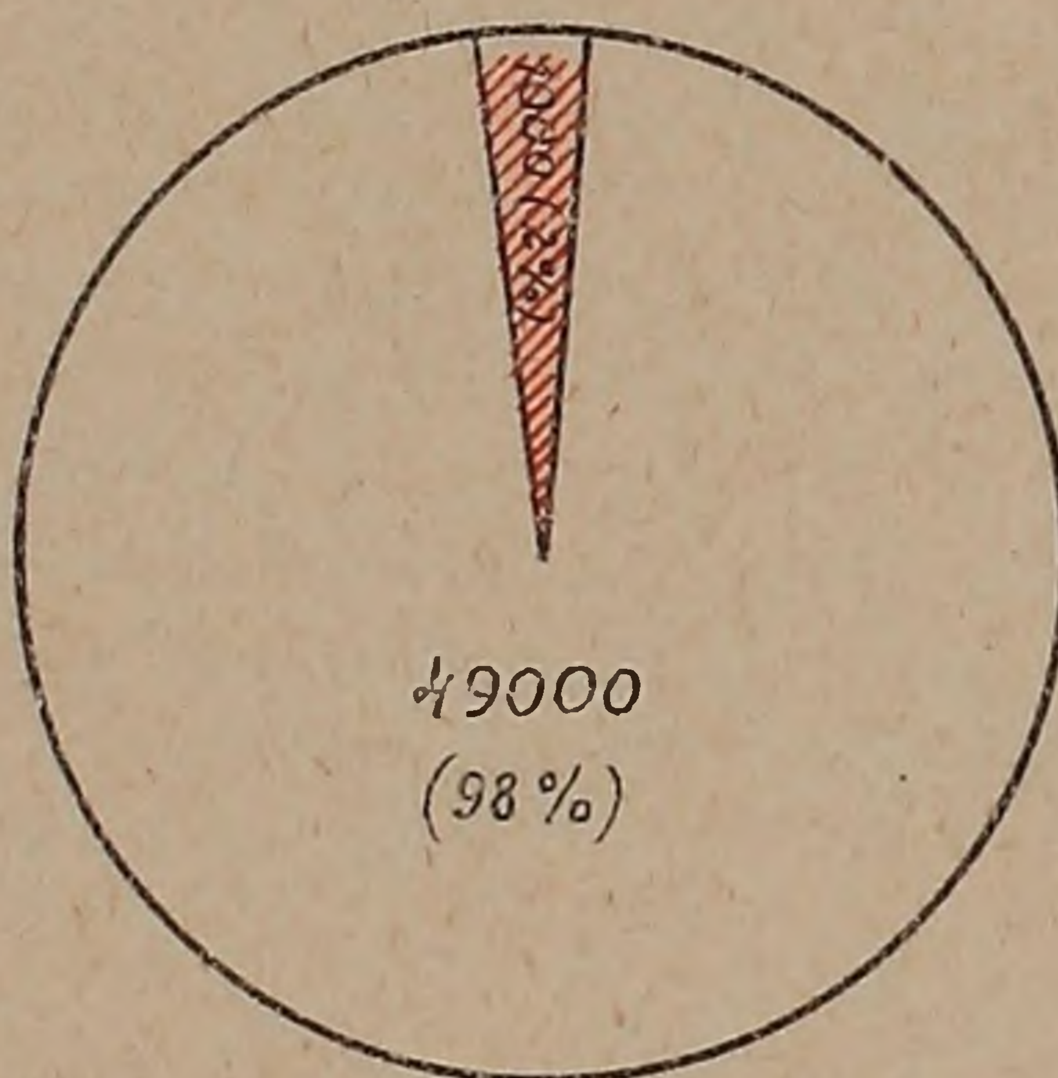

Южный фронт (131.000 чел.)

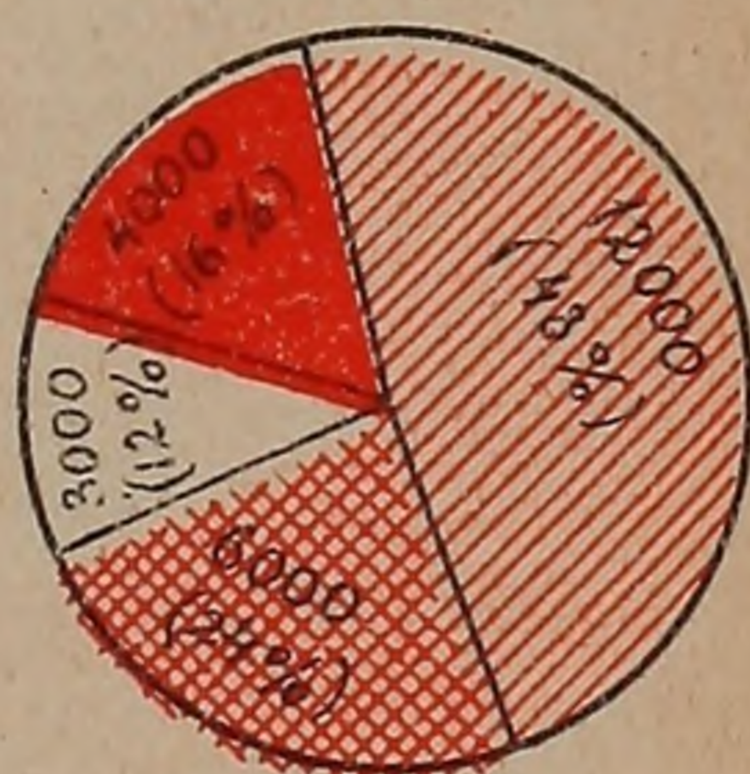
Донцы
(56.000 ч.)

Добровольцы и кубанцы
(50.000 чел.)

Украинцы
(25.000 чел.)

Условные обозначения:

Открытые возмущения | Расформированн. части
Перешедш. на стор. больш.-ов | Надежные для белых

Заимствована из Воен. Учен. Архива - дело № 277.

Кубанская армия—боеспособна, обучена, обмундирована и снаряжена хорошо. Командный состав хорош. Настроение противосоветское.

Добровольческая армия—обучена, обмундирована и снабжена хорошо. Очень сильный командный кадр. Настроение исключительно контр-революционное [1]).

О качественном состоянии армий противника свидетельствует прилагаемая диаграмма, составленная к 1-му марта 1919 г. на основании 4-месячных наблюдений нашей разведки.

Из нее видно, что наилучшими в качественном отношении к лету 1919 г. были армии Кубанская и Добровольческая, а наихудшими—Донская армия и украинские формирования Петлюры.

Пополнение командным составом.

В этом отношении контр-революционные армии находились в более выгодном положении, чем вооруженные силы революции. Кроме многочисленных добровольцев, они пополнялись при помощи принудительных мобилизаций командного состава, которые обыкновенно предшествовали мобилизации населения.

Эта категория являлась наиболее слабой в белых армиях; одна из разведывательных сводок говорит: „Мобилизованное офицерство уверено в победе большевиков, боится фронта, стремится пристроиться в тылу“. Постепенно падение настроения распространилось и на строевой командный состав; та же сводка про строевое офицерство говорит, что оно „переутомлено боями и отсутствием отдыха, 75% впало в апатию; материально не обеспечено, озлоблено против буржуазии“.

Наиболее изобиловала командным составом Добровольческая армия, имевшая в своем составе целые полки, батальоны и роты, состоявшие из офицеров. Особенно сильно было перепроизводство высших чинов; так, 150 генералов состояло в управлении санитарной части Крымско-Азовского фронта.

Снабжение.

Прочное основание снабжению контр-революционных армий было положено с началом активного вмешательства держав Антанты во внутренние дела Советской Республики, хотя и раньше они пользовались иностранной помощью в этом отношении, в лице немцев. Так, в течение первых полуторых месяцев своей окку-

[1]) В.-уч. арх., дело № 1136, л. 35.

пации Донбасса и южных районов Донской области немцы передали донцам, а при посредстве их и Добровольческой армии, 11.651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 109.104 артилл. снарядов, 11.594.721 ружейных патронов; из этого количества огнеприпасов $1/3$ артилл. снарядов и $1/4$ ружейных патронов была уступлена Добровольческой армии [1]. Кроме того, белые пустили в ход некоторые заводы, работавшие на военные нужды, в пределах занятых ими территорий. Так, Краснов возобновил производство на русско-балтийском заводе в Таганроге, и уже к ноябрю 1918 г. производительность этого завода возросла до 300.000 ружейных патронов в сутки [2].

В общем же снабжение контр-революционных армий не везде носило одинаковый характер. В лучшем положении оказались белые армии юга России после открытия Дарданелл, когда основной базой их сделался Новороссийский порт.

Уже до конца февраля месяца 1919 г. добровольческое командование получило через этот порт 80 орудий, 17.000 винтовок и 40.000 снарядов. В ближайшем будущем предстояло получить через этот же порт 1 миллион винтовок, $1^1/_2$ миллиарда патронов.

В течение лета и осени 1919 г. белые правительства, пользуясь англо-французскими субсидиями и льготными условиями кредита в Америке, произвели там обширные закупки военного материала, обмундирования и оружия.

Из изучения документов, относящихся к этому вопросу, можно притти к выводу, что в отношении снабжения обмундированием и винтовками белые армии исключительно базировались на державы Антанты.

Вторым источником снабжения Добровольческой армии являлись русские интендантские склады, оставшиеся в Румынии еще со времени империалистической войны.

Хуже в этом отношении обстояло дело в армиях Колчака. Представитель Добровольческой армии, побывавший для связи в Колчаковской армии, со слов сибирского командования, характеризовал материальное состояние колчаковских армий, как крайне неудовлетворительное. Артиллерия при войсках состояла в количестве $1/5$ тех норм, которые существовали до войны 1914 г. [3]).

---

[1]) Краснов, „Всевеликое войско Донское“.—„Архив русской революции“, 1922 г., том V, стр. 209.

[2]) Краснов, „Всевеликое войско Донское“.—„Архив русской революции“, 1922 г., том V, стр. 221.

[3]) До войны 1914 г. пехотная дивизия 4-полкового состава располагала 1 артилл. бригадой из 6 батарей—48 легких орудий.

Отсутствие достаточного количества теплой одежды приводило к большим потерям больными и обмороженными. Недостаток ручного оружия сильно ощущался в запасных и тыловых частях [1]).

Продовольственное снабжение белых армий основывалось, главным образом, на беззастенчивой и беспорядочной эксплоатации местных средств, что крайне озлобляло местное население. Командование Добровольческой армией в этом отношении пошло дальше всех. Назначенный главнокомандующим Добровольческой армии генерал Май-Маевский сложил с себя все заботы о продовольствии частей, предоставив им довольствоваться собственным попечением... „Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами—в грабеж и спекуляцию“ [2]).

Обучение и тактика.

В этом отношении нельзя отметить каких-либо особенностей. Белые армии действовали согласно уставов русской армии, и тактика их отличалась большей подвижностью, благодаря преобладанию в их составе больших конных масс.

Внутренняя слабость белых армий заключалась в отсутствии единой, объединяющей идеи для всех разнородных элементов, входящих в состав их. Попытка строить армию по всенародному признаку в условиях классовой войны была осуждена на неизбежный крах. Отсутствие прочной идеологической базы предопределило и материальный крах белых армий, как только они вынуждены были прибегнуть к увеличению своей численности путем массовых мобилизаций.

Сравнение вооруженных сил обеих сторон.

Уступая первоначально армиям своих противников в отношениях техническом и организационном, Красная армия превосходила их с самого начала силой своей революционной идеи, обусловившей внутреннюю ее спайку.

В процессе войны она сравнялась с ними в организационном и тактическом отношениях, и тогда на ее стороне оказалось безусловное превосходство в моральном отношении над ее противником.

В то время, как каждая тактическая неудача разлагающим образом действовала на войска противника, полки Красной армии из своих временных неудач выходили с

---

[1]) „Архив русской революции“, 1923 г., том IX, стр. 243—303.

[2]) Лукомский. „Воспоминания“; Берлин, 1922 г. т. II, стр. 163.

твердым желанием устранить те недостатки, которые явились причиной неудачи, и с новой силой броситься на врага.

В частности:

1) В отношении численности и людских средств Красная армия находилась в более выгодном положении, чем ее противники, так как могла широко использовать тяжелые резервы, в виде масс беднейшего и среднего крестьянства и рабочих, мобилизовать которых белым не удавалось, и они избегали это делать по политическим соображениям.

2) В силу тех же причин развитие вооруженных сил у красных в процессе войны значительно превзошло таковое же у белых, и пределом ему служила лишь ограниченность инструкторского кадра и материальных возможностей.

3) В отношении обучения рядовых бойцов не было особой разницы между вооруженными силами обеих сторон: те и другие большей частью прошли одну и ту же школу, в рядах старой армии. То же можно отметить и в отношении низшего и среднего командного состава.

4) В техническом отношении также не было особо заметной разницы между армиями обеих сторон.

5) В тактическом отношении южные белые армии первоначально отличались большей подвижностью и легкостью маневрирования, что объясняется преобладанием в их составе конницы. В этом отношении Красная армия сравнялась с ними только к осени 1919 г., после чего начала даже превосходить их.

6) В отношении способа действий оба противника придерживались одинаковых взглядов: учитывая слабость молодых войск в обороне, они стремились разрешать свои задачи и в стратегическом, и в тактическом отношениях путем наступления.

ГЛАВА VII.

Период эшелонной войны.

Общая характеристика периода „эшелонной войны“ и причины, обусловившие ее возникновение. Политические предпосылки вооруженного столкновения с контр-революционными правительствами Дона и Украины. Зарождение контр-революционных движений в Оренбургской губернии и Уральской области. Общий стратегический план советского командования. Силы и средства сторон. Начало боевых действий против Дона и Украины. Работа внутренних движущих сил революции на Украине и на Дону. Ликвидация украинской контрреволюции. Заминка на Дону и ее причины. Захват жизненных центров контр-революции на Дону и разгром вооруженных сил донской контр-революции. Борьба с контр-революционными национальными частями. Борьба с оренбургским и уральским казачеством. Выводы. Борьба с внешней контр-революцией в лице Румынии и ее результаты. Выводы. Германская оккупация и ее значение для дальнейшего хода гражданской войны. Развитие и этапы контр-революционного движения на Кубани. Ледяной поход Добровольческой армии и его значение. Партизанская война в оренбургских и уральских степях. Общая обстановка в Сибири накануне свержения в ней Советской власти.

Общая характеристика периода „эшелонной войны“ и причины, обусловившие ее возникновение. *Схема № 3.*

Фронты гражданской войны не сразу возникли в своих окончательно установившихся формах, а развились из тех местных столкновений движущих сил революции и контрреволюции, которые явились следствием, с одной стороны, расширения пролетарской революции от ее жизненных центров к периферии, а с другой стороны, результатом отзвуков этой революции на местах, переведших взаимно враждебные социальные силы на положение открытой борьбы между собою.

Территориальное размежевание вооруженных сил революции и контр-революции осуществилось позднее; внешняя интервенция ускорила ход этого процесса и оформила его.

На общем фоне мелких конфликтов чисто-местного значения постепенно начинают выявляться более крупные военные события: это происходит тогда, когда в борьбу местных сил втягиваются силы, родственные той или другой стороне, с иных направлений или участков, и масштаб со-

бытий благодаря этому соответственно расширяется; тогда военные операции сторон приурочиваются к определенным направлениям, совпадающим обыкновенно с направлениями сквозных железнодорожных магистралей.

Небольшое количество активных вооруженных сил, которыми располагали обе стороны для решения задач местного значения, и слабость их первоначальной организации привязывали эти силы к линиям железных дорог; борьба носила почти исключительно „эшелонный“ характер, почему за начальным периодом гражданской войны и утвердилось название „эпохи эшелонной войны“.

Малочисленность действующих сил и эшелонный характер войны создают впечатление необычайной гибкости и подвижности маневрирования. „Армии“ в несколько сот человек, разъезжая в эшелонах и быстро, благодаря этому, сосредоточиваясь на совершенно неожиданных направлениях, в несколько дней решают судьбу самых сложных и обширных операций.

Развал фронтов бывшей мировой войны выбрасывает на арену разгорающейся гражданской войны целый ряд обломков старой армии, являющихся либо сознательными, либо случайными спутниками той или другой из сторон; наконец, некоторые из них, заботясь только о скорейшем возвращении на родину, выступают в качестве активных факторов просто для очищения себе пути следования.

Все это, вместе взятое, создает картину необычайной пестроты и разнообразия. Роль стратегии в таких условиях должна свестись лишь к направлению стихийного движения масс в определенные желательные для нее русла; на большее рассчитывать трудно, так как самые массы не являются еще организованными в военном отношении и восприимчивыми к военному руководству, проводимому до самых низов.

Смысл и значение стратегических операций этого периода сводится к расширению и закреплению плацдарма революции в пространстве с попутной ликвидацией попыток организующейся контр-революции положить предел этому процессу.

Таким образом, самим ходом исторического процесса на очередь был поставлен вопрос о столкновении молодой Советской власти с контр-революционными правительствами Дона и Украины, которые при помощи своих войсковых ячеек сумели подавить в пределах своих территорий отзвуки Октябрьской революции, в виде вооруженного выступления ростовского пролетариата и гарнизона с 9-го по 15-е декабря 1917 г. (с 26-го ноября по 2-е декабря по старому стилю) и разо-

ружения украинским правительством ряда войсковых частей и рабочих организаций, стоявших на платформе Советской власти.

Политические предпосылки вооруженного столкновения с контр-революционными правительствами Дона и Украины.

Контр-революционная роль донского правительства, возглавляемого атаманом Калединым, была ясна и без этого. Оно открыто не признавало Советской власти, приглашая к себе свергнутое временное правительство; на его территории открыто формировалась белая Добровольческая армия; наконец, из войсковых казачьих частей, стянутых на Дон под разными предлогами с фронта мировой войны и возвращавшихся на родину после заключения перемирия с германцами, донское правительство пыталось создать на границах области барьер против надвигающихся сил революции. Кроме того, донской атаман Каледин, опираясь на некоторые казачьи войсковые части, оказывавшие ему повиновение, вел ожесточенную борьбу с рабочими Донецкого бассейна.

Политическая физиономия украинского правительства окончательно выявилась не сразу. К власти пришло, воспользовавшись результатами борьбы киевского пролетариата с войсками, поддерживавшими власть временного правительства в Киеве, начавшейся 9-го декабря (27-го ноября ст. стиля) 1917 г. Во время 4-дневной борьбы на улицах Киева украинское правительство центральной рады и его вооруженные силы сохраняли нейтралитет и затем использовали успех киевского пролетариата, захватив в свои руки власть в Киеве и быстро распространив ее на другие города Украины с попутным разоружением тех самых пролетарских организаций, которые обеспечили им победу в Киеве. Уже тогда правительство центральной рады готовилось к борьбе с советским правительством, при чем тактика его строилась на следующих основных принципах: 1) укрепление национальной государственности; 2) предупреждение, а потом и подавление большевистских выступлений [1]).

Результатами практического осуществления этой платформы были: попытки со стороны украинского правительства дезорганизовать существующий еще фронт империалистической войны путем отзыва и самовольного перемещения украинизированных частей и разоружения на территории Украины прочих воинских частей, признавших Советскую

---

[1]) М. Рафес, „Два года революции на Украине", стр. 55.

власть. Вместе с тем украинское правительство заняло определенно враждебную позицию по отношению к советскому правительству в его борьбе с Доном, отказывалось пропускать через свою территорию войска, предназначавшиеся для борьбы с Доном и пропускало казачьи эшелоны, стремившиеся туда либо для демобилизации, либо для поддержки Каледина [1]).

В области внешней политики правительство центральной рады также заняло двусмысленную позицию. Не прерывая официальных переговоров с Советом Народных Комиссаров, оно, постепенно завязывая сношения с германской дипломатией, поддерживало дружеские отношения с французским консульством в Киеве, которое первое поспешило признать „Украинскую народную республику“ [2]).

В области внутренней политики правительство центральной рады усилило национально-шовинистический уклон, что сразу оттолкнуло от него многие колеблющиеся мелкобуржуазные элементы, в то время как пролетариат Украины и ее столицы Киева занял определенно враждебную позицию в отношении всех начинаний правительства центральной рады [3]).

Подобный образ действий вынудил советское правительство предъявить ультиматум правительству рады 17-го декабря (4-го декабря ст. стиля) 1917 г., в котором требовалось прекращение поддержки контр-революционных выступлений Каледина, оказание содействия в прекращении этих выступлений советским правительством, прекращение дезорганизации фронта и разоружения войсковых частей, признающих Советскую власть.

Не давая прямого ответа на этот ультиматум, правительство рады в более усиленном темпе продолжало свою тактику разоружений.

Предъявление раде советского ультиматума совпало со съездом советов Украины в Киеве. Фракция большевиков покинула съезд, образовав в Харькове свой центр и разоружив в Харькове войска, поддерживавшие центральную раду. 27-го декабря (14-го декабря ст. стиля) 1917 г. в Харькове образовалось советское украинское правительство, и с этого момента стала неизбежной очевидность вооруженного столкновения между обоими правительствами; в этой борьбе рабочий класс Украины, придавленный режимом центральной

---

[1]) Газета „Деревенская Беднота и Трудовое Казачество“, № 46 от 6 декабря (ст. стиля) 1917 г.

[2]) М. Рафес, „Два года революции на Украине“, стр. 56.

[3]) Там же, стр. 62.

рады, проявил свое сочувственное отношение к Советской власти и поддержку ее возможными для него способами: забастовками для поддержки наступающих советских войск, вносившими дезорганизацию в ряды войск украинского правительства [1]).

Зарождение контр-революционных движений в Оренбургской губернии и Уральской обл.

Кроме этих двух достаточно определившихся противников, ближайших к жизненным центрам революции, на востоке, в Оренбургской губернии и Уральской области, оформливалась новая враждебная Советской власти коалиция в виде уральского и оренбургского казачества, руководимого атаманом Дутовым, который начал угрожать г. Челябинску.

Казачья контр-революция предполагала дальнейшую консолидацию своих сил в виде образования „юго-восточного союза" в составе Астраханского, Донского, Терского и Кубанского казачьих войск. Это контр-революционное объединение должно было быть противопоставлено Советской власти севера [2]).

Силы казачьей и украинской контр-революции, окрепнув, могли причинить большие экономические беды советскому центру, отрезая его от бакинской нефти, угля Донецкого бассейна, украинского и сибирского хлеба.

Поэтому экономические и политические предпосылки требовали от советской стратегии энергичных и быстрых действий.

По своему географическому положению и количеству, а также и состоянию вооруженных сил опаснейшим противником являлась донская контр-революция; поэтому Дон был избран главным и ближайшим объектом действий, и против него началось сосредоточение советских войск.

Общий стратегический план советского командования.

План тов. Антонова-Овсеенко, назначенного главнокомандующим силами, действующими против южной контр-революции, заключался в следующем:

1) Опираясь на революционных черноморских матросов, провести организацию Красной гвардии в Донецком бассейне.

2) С севера и из красной революционной ставки (бывшая ставка верховного главнокомандующего во время империа-

---

[1]) Там же, стр. 63.

[2]) В. А. Антонов-Овсеенко, „Записки о гражданской войне", изд. ВВРС, 1924 г., том I, стр. 23.

листической войны) двинуть против контр-революционного юга сборные отряды, предварительно сосредоточив их в исходных пунктах: Гомеле, Брянске, Харькове, Воронеже.

3) II-й гвардейский корпус, особенно активно настроенный, двинуть из района Жмеринка—Бар, где он был расположен, на восток для сосредоточения в Донецком бассейне[1]).

С начала декабря 1917 г. началось сосредоточение войск, назначенных в распоряжение тов. Антонова-Овсеенко. Собрать их удалось не все: многие части митинговали и не желали исполнять боевых приказов; иные заявляли, что готовы сражаться против Дона, но не хотят драться с Украиной; такие случаи, например, наблюдались в 19-й колонне, сформированной ставкой, почему пришлось прибегнуть к ее реорганизации[2]).

В 20-х числах декабря колонны, ликвидировав попутно в районе Белгорода несколько ударных батальонов, стремившихся из Могилева проникнуть на Дон, начали сосредоточиваться следующим образом:

Силы и средства сторон.

1) В направлении Гомель—Бахмач—отряд тов. Берзина, общею численностью 1.800 чел., при 4-х батареях. 2) В направлении Орел—Белгород—„северный летучий отряд“ Сиверса, общею численностью 1.165 штыков, 97 сабель, 14 пулеметов, 6 орудий. 3) В Смоленске формировалась „вторая колонна“ Соловьева, в составе 1.100 штыков, 10 пулеметов и 2 орудий. 4) В Белгороде располагался не подчиненный Сиверсу отряд Ховрина в 300 чел.. 5) В резерве имелись брянский и великолуцкий отряды силою в 300 штыков и 50 сабель, смоленская батарея и некоторые части XVII-го армейского корпуса. Кроме того, из Москвы в распоряжение т. Антонова-Овсеенко двигался отряд Саблина, общею численностью 1.900 штыков, одна батарея и 8 пулеметов[3]). Наконец, к Царицыну подтягивалась советски настроенная 5-я Кубанская каз. дивизия, и в дальнейшем предвиделась присылка с фронта империалистической войны нескольких латышских полков.

Таким образом, основное ядро сил тов. Антонова-Овсеенко не превосходило первоначально 6—7 тысяч штыков и сабель, 30—40 орудий и нескольких десятков пулеметов. Это основное ядро было подвержено сильным изменениям в своем составе в силу разнородных причин; многие части в виду их небоеспособности приходилось разоружать: так, в Купянске

---

[1]) Там же, стр. 25.
[2]) Там же, стр. 30—33.
[3]) Там же, стр. 76.

колонну Саблина, как пишет в своих воспоминаниях т. Антонов-Овсеенко, постиг кризис: „Солдаты начали пьяный кутеж, разбежались; ему удалось с трудом удержать половину отряда, остальных пришлось разоружить“ [1]).

В состав этого основного ядра входили разнородные части; основанием его являлись части старой армии, выделенные с фронта и из тыловых запасных полков, отряды моряков и, наконец, отряды Красной гвардии; эти последние в отношении качественности были далеко не однородны: некоторые из них отличались большой революционной сознательностью и преданностью своему долгу и являлись сдерживающим элементом в различных колоннах и отрядах; некоторые же из них также приходилось разоружать и отправлять обратно [2]).

Это основное ядро в процессе развития борьбы наращивалось силами местных формирований Красной гвардии и местными советски настроенными гарнизонами из состава старой армии и при своем дальнейшем продвижении могло рассчитывать на свое увеличение путем присоединения к нему сил из местных жизненных центров революции, которые были уже частично организованы. Так, Харьков дал 500 красногвардейцев; в Екатеринославе насчитывалось их 3.000 чел.. в Николаеве 840 красногвардейцев и большевистски настроенный 45-й пех. зап. полк, силою около 3.000 штыков. Донецкий бассейн также мог значительно увеличить силы тов. Антонова-Овсеенко [3]).

Это обстоятельство также являлось одной из предпосылок для наступательного характера красной стратегии; „отчаянно-смелое, бесповоротно - решительное наступление“ [4]) сулило ей в условиях данной обстановки не стратегическое изнурение, а, наоборот, возрастание ее сил.

По количеству и численности организационных единиц силы контр-революции нисколько не уступали, если не превосходили, тем силам, которыми располагал первоначально тов. Антонов-Овсеенко.

Главные силы Каледина сосредоточивались в районе Каменская—Глубокая—Миллерово—Лихая; в Ростове-на-Дону и Новочеркасске формировалась Добровольческая армия, но силы ее не превосходили 2.000 чел. Кроме того, отдельные казачьи отряды партизанского типа и несколько регулярных

---

[1]) Там же, стр. 77.
[2]) Там же, стр. 72.
[3]) Там же, стр. 73.
[4]) Ленин, „Собрание сочинений“, том VII, часть II, стр. 51.

казачьих частей занимали горлово-макеевский район Донбасса, вытеснив оттуда красногвардейские части.

Однако, внутреннее состояние этих частей отражало тот процесс разложения сил контр-революции, который в этот момент особенно остро переживала вся Донская область.

Если в некоторых станицах казаки и вооружались против большевиков, то зато некоторые казачьи части обнаруживали свои к ним симпатии.

Так, расположенная в усть-белокалитвенском горном районе 8-я казачья дивизия не допускала разгона местной солдатской организации; большинство фронтовых казаков было настроено большевистски; мобилизация, объявленная Калединым, не удалась [1]). Эти советские настроения на Дону ждали только небольшого внешнего воздействия, чтобы выявиться в полной мере.

Такова была общая обстановка, на основании которой советское командование в конце декабря 1917 г. окончательно оформило свой план действий; он сводился к следующему: 1) прервать все пути сообщения по железнодорожным магистралям между Украиной и Доном; 2) открыть сообщение с Донбассом в обход Северо-Донецкой железной дороги, действуя через Лозовую—Славянск; 3) установить связь между Харьковом и Воронежем через Купянск—Лиски; 4) наладить связь с северным Кавказом, куда подтягивалась большевистски настроенная 39-я пех. дивизия с Кавказского фронта [2]).

Таким образом, в окончательном своем виде план предусматривал первоначально лишь образование заслонов и наблюдение в сторону Украины с сосредоточением всех усилий против Дона.

Начало боевых действий против Дона и Украины.

Во исполнение этого плана 30-го декабря 1917 г. ст. Лозовая была занята отрядом Егорова в составе 1.360 чел., при 3-х орудиях и одном бронепоезде, при чем занимавшие ее украинские гайдамаки бежали без боя [3]). Этот успех побудил Егорова к дальнейшему наступлению, и на следующий день он занял г. Павлоград, при чем занимавшие его гайдамаки сдались без боя [4]); таким путем начались занятие и советизация

---

[1]) В. А. Антонов-Овсеенко, „Воспоминания о гражданской войне“, том I, стр. 69.
[2]) Там же, стр. 59.
[3]) Там же, стр. 73.
[4]) Там же, стр. 74.

зация Украины, опираясь на местные революционные центры, в то время как оба правительства продолжали еще вести между собой переговоры.

Тем временем на Донском фронте колонна Сиверса медленно продвигалась от Харькова к Донецкому бассейну, разоружая попутно мелкие украинские гарнизоны, и 4-го января 1918 г. соединилась с рудничными красногвардейцами.

К 7-му января 1918 г. отряды Антонова-Овсеенко, заслоняясь со стороны Украины по фронту Ворожба—Люботин—Павлоград—Синельниково, главными своими силами занимали Донецкий бассейн; со стороны Воронежа на Миллерово—Новочеркасск наступала сформированная в Воронеже и подчиненная Антонову-Овсеенко колонна Петрова, силою в 3.000 штыков при 40 пулеметах и 12 орудиях; ее головные части достигали ст. Чертково.

8-го января тов. Антонов-Овсеенко решает ликвидировать главные силы Каледина ударом своих главных сил со стороны Донбасса, для чего колонна Саблина должна от Луганска развивать наступление на ст. Лихая; колонна Сиверса, обеспечивая ее с юга, должна двигаться на ст. Зверево, имея в виду в дальнейшем поворот на Миллерово. Наконец, Петров должен продолжать дальнейшее наступление на Миллерово с севера[1]).

Однако, здесь в боевых операциях произошла некоторая заминка, характерная для начального периода гражданской войны: войсковые части обеих сторон самовольно начали заключать перемирия друг с другом. Колонна Петрова завязала переговоры с казаками у Черткова; в свою очередь казаки, потесненные красногвардейцами из колонны Сиверса к югу от Юзовки, просили их о перемирии. Отряд Саблина был еще слишком слаб, чтобы немедленно перейти в наступление, и, таким образом, активные действия начал только один отряд Сиверса, который, увлекаясь преследованием казаков, двигался не на восток, как ему было указано, а начал снижаться к югу. Вновь прибывшие с фронта мировой войны подкрепления были направлены к нему; они оказались настолько небоеспособными, что два полка из них пришлось разоружить еще в Орле и Курске[2]). Продвинувшись еще дальше до ст. Иловайской, Сиверс окончательно остановился, когда еще два полка из его отряда отказались повиноваться, и их пришлось разоружить и отправить в тыл. По этому

---

[1]) Там же, стр. 98.
[2]) Там же, стр. 101.

поводу Сиверс доносил: „Все уезжают из-за самых жалких побуждений, предавая интересы свободы“ [1]).

Воспользовавшись разрывом между колоннами Саблина и Сиверса и приостановкой последнего, белые коротким ударом на Дебальцево заставили несколько осадить назад обе колонны и временно приостановиться, что дало белым некоторую отсрочку решения, но не изменило его.

Наступление советских войск с севера развязало те внутренние движущие силы революции, которые неоднократно и раньше стремились проявить себя на Дону и на Украине, но не могли этого сделать в силу общих условий обстановки, почему вынуждены были начать свои организацию и сосредоточение на периферии и в ближайшем соседстве этих областей: украинцы в Харькове, а донцы в Воронеже, где они образовали донской ревком.

Донскому ревкому удалось организовать четыре съезда, на которых присутствовали представители не только всех поддерживающих революцию, но и колеблющихся элементов. Последний из этих съездов происходил 23-го января 1918 г. уже на территории Донской области, в ст. Каменской. На нем присутствовали представители 21 полка, 5-ти батарей и 2-х запасных полков Калединского фронта. Постановления его имели принципиальное значение: съезд объявил атамана Каледина лишенным власти и избрал донской ревком, с Подтелковым и Кривошлыковым во главе, и, при помощи перешедших на его сторону войсковых частей Каледина, захватил станции Лихую и Зверево. Однако, желая выиграть время до прибытия советских войсковых частей из центра, новый ревком не прерывал переговоров с Калединым, пользуясь их затяжкой для углубления агитационной работы [2]). Но вновь избранный ревком отражал настроения, главным образом, середняцкого казачества, почему его члены весьма недружелюбно отнеслись к притязаниям иногородних на общий раздел донской земли и совсем не собирались кончать с общеказачьими привилегиями; в плоскости военной политики ревкома это отношение к иногородним выразилось в том, что ревком не принял никаких мер к организации вооруженных сил деревни и рудников и даже уклонился от их содействия [3]).

---

[1]) Там же, стр. 103.

[2]) Газета „Деревенская Беднота и Трудовое Казачество“, № 80 от 20 января 1918 года.

[3]) В. А. Антонов-Овсеенко, „Записки о гражданской войне“, том I, стр. 200—201.

Нерешительность политики и тактики донского ревкома привела к тому, что в его распоряжении остались те же самые разложившиеся части Калединского фронта, которые, вообще говоря, не желали ни с кем воевать. Поэтому Каледин уже 28-го января переменил свою тактику в отношении к ревкому.

Партизанский отряд Чернецова, при пассивном отношении тех самых фронтовых частей, которые только что вынесли резолюцию о свержении Каледина, выгнал донской ревком с захваченных им станций Зверево и Лихая и принудил его искать убежище на ст. Миллерово, вблизи советских частей.

Работа внутренних движущих сил революции на Украине и на Дону.

Иначе развернулись в это же время события в той части Украины, которая являлась ближайшей к району расположения советских частей.

Эта близость вызвала ряд местных взрывов изнутри, свергнувших власть центральной рады в ряде крупных промышленных и портовых центров Украины. Эти взрывы, кроме пространственного расширения революции, упростили в дальнейшем задачи советской стратегии в конечном акте ее борьбы с украинской радой.

28-го декабря 1917 года произошло восстание пролетариата г. Екатеринослава, который был поддержан подоспевшими со ст. Синельниково красногвардейцами из отряда тов. Егорова; бой за Екатеринослав обошелся красным всего в 10 чел. убитых и 20 раненых. Еще 10-го декабря в Харькове советское командование обезоружило 2-ой украинский полк, который до сего времени благополучно пребывал в тылу красного фронта, занимая колеблющуюся нейтральную позицию. 12-го января восстанием рабочих был занят изнутри Мариуполь. Отряду Егорова было приказано от Екатеринослава повернуть на юг, утвердить Советскую власть в Александровске, установить связь с Крымом и сосредоточить свои силы для действий в направлении Мариуполь—Таганрог—Ростов [1]), что и было выполнено 15-го января.

18-го января после упорного боя в течение нескольких дней со сторонниками центральной рады одесский пролетариат, при содействии красного черноморского флота, захватил власть в свои руки [2]).

Вместе с тем советским командованием принимались меры к осложнению положения сил контр-революции на Украине и с другой стороны.

---

[1]) Там же, стр. 107.

[2]) Военно-историческая комиссия, „Гражданская война", материалы, том II, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 99—130.

II-му гвардейскому корпусу было предложено продвинуться к ст. Знаменка. Комитету Румынского фронта предлагалось действовать в связи с 7-й и 8-й армиями Юго-Западного фронта, не пропуская с фронта казачьих эшелонов.

Таким образом, когда на Донском фронте установилось временное затишье, нарастание революционного процесса на Украине привлекло к ней внимание советской стратегии, и зрелость этого процесса позволила почти одновременно начать операции по ликвидации последних оплотов контрреволюции на Дону и на Украине.

Действительно, уже с 19-го января колонны Сиверса и Саблина возобновили свое наступление, автоматически занимая районы, покидаемые казачьими частями, стремившимися к Новочеркасску; перелом в настроениях казачества сказывался по всей линии Калединского фронта [1]). Таким образом, красному командованию оставалось только продолжать в отношении Дона выполнение своего первоначального плана, при чем в окончательной ликвидации донской контрреволюции должны были принять участие также силы красных из района Царицына, наступая на Чир и далее на ст. Лихую, а 39-ой пех. дивизии было приказано наступать к Батайску [2]).

В эти же дни в Крыму красными моряками черноморского флота была в несколько дней ликвидирована попытка местных контр-революционеров, опиравшихся на татарские части, прибывшие с фронта мировой войны, удержать власть в своих руках [3]).

Пока власть рады ликвидировалась на юге и востоке Украины естественным ходом революционного процесса, углублявшимся в силу одного лишь приближения советских войск, внимание и часть сил украинского правительства были обращены в другую сторону. Оно продолжало свою борьбу с советизированными частями старой армии Юго-Западного фронта, революционные органы которых, во исполнение полученных свыше директив, стремились расширить сферу своего влияния к востоку от линии фронта и, таким образом, приблизиться к жизненному центру украинской контр-революции—Киеву.

Здесь наступательная инициатива находилась в руках правительства рады. Пользуясь тем, что старый фронт фактически расползался по всем швам, оно не без успеха

---

[1]) Там же, стр. 116.
[2]) Там же, стр. 111.
[3]) Там же, стр. 120.

вело борьбу с армейскими военно-революционными комитетами, при чем ему удалось даже арестовать ревком „особой" армии. II-й гвардейский корпус сделал слабую попытку овладеть Жмеринкой и Винницей, но она окончилась неудачей, и гайдамаки успели разоружить батальон гвардии Волынского полка, посланный в Винницу. Вместе с тем рада отказалась предоставить эшелоны для отправки этого корпуса на Дон.

Попытки революционной ставки сосредоточить крупные силы с фронта в Брянске, Новозыбкове и Калинковичах также окончились ничем, так как большинство прибывших полков отказалось от активных действий, и пришлось приступить к формированию революционных отрядов. Эти отряды в количестве 3.000 солдат, 400 матросов и 12 орудий приняли участие в операциях против рады, действуя от Гомеля в направлении на Бахмач.

На фронте империалистической войны обстановка складывалась таким образом, что рассчитывать на его содействие в операциях против контр-революционного украинского правительства особенно не приходилось, и самое большее, на что можно было рассчитывать, это на отвлечение на запад внимания центральной рады [1]).

Вопреки своего первоначального плана, тов. Антонов-Овсеенко решил ускорить начало решительных операций против центральной рады; в этом случае им руководили соображения не только внутренней, но и внешней политики. В это время происходили уже переговоры с немцами о заключении мира в Бресте, и „самым главным для советского командования представлялось не дать центральной раде сорвать мирные переговоры, начавшиеся с немцами... было необходимо военной рукой поддержать дело украинской бедноты, упрочить советское правительство на Украине, в руки которого и должно перейти ведение, в тесном союзе с Советской Россией, мирных переговоров с немцами" [2]).

Военными предпосылками этого решения были какие-то приготовления украинских войск к наступлению в Полтаве и такое же разложение в их рядах, которое наблюдалось и в войсках противника на Донском фронте; об этом свидетельствовал факт проникновения „отряда особого назначения" доктора Знаменского, в составе всего 200 чел. прибывшего по собственной инициативе непосредственно из Москвы, на ст. Ворожбу и беспрепятственного его там пребывания.

---

[1]) Там же, стр. 131.
[2]) Там же, стр. 133.

Началом решительного наступления на Украину было намечено 18-е января, при чем революционной ставке предложено направить все боеспособные части с Румынского и Юго-Западного фронтов на Киев и развить наступление от Гомеля к Бахмачу и Курску. Приняты меры к усилению отряда Знаменского у Ворожбы придачей ему 1.000 штыков красной гвардии и батареи. Главный удар решено было направить от Харькова на Полтаву, возложив осуществление его на начальника штаба тов. Антонова-Овсеенко—Муравьева, которому для этой цели давался бронированный поезд и 500 чел. „червонных казаков" и красногвардейцев. Егоров со своим отрядом в 1.200 чел. и бронепоездом одновременно с Муравьевым должен был наступать из Лозовой. Обе колонны следовали в эшелонах [1]).

Наступление колонн Знаменского, Муравьева и Егорова начало развиваться успешно; г. Глухов занят был после небольшого сопротивления; не встречая никакого сопротивления на своем пути, Муравьев подошел к Полтаве и 19-го января занял ее, потеряв всего 1 человека убитым; 20-го января туда же вступила колонна Егорова, обезоружив в Константинограде батальон гайдамаков [2]). Не встречая никакого сопротивления, Муравьев продолжал расширять свой успех, обезоруживая не желавшие ни с кем драться украинские гарнизоны. 24-го января он занял своими частями Ромодан и Кременчуг, затем Лубны и после незначительного боя ст. Гребенку.

От Гомеля на Бахмач и далее на Киев наступала 1-я Минская революционная армия, составленная из частей старой армии, снятых с разных фронтов по распоряжению револ. полевого штаба при ставке, под общим руководством т. т. Берзина и Вацетиса. Эта армия 28-го января завязала бой за ст. Круты и 30-го января овладела этой станцией. Таким образом, дорога на Киев была открыта. Однако, в дальнейшем значительным препятствием на путях к Киеву явилась порча железнодорожного полотна и мостов, произведенная отступавшими гайдамаками.

В тылу армии Берзина, в районе Конотопа, занятого 28-го января рославльским отрядом и местными рабочими, собралось несколько отрядов, часть которых должна была отправиться на Дон. Эти отряды образовали революционную армию Кудинского, которой была дана задача двинуться через Черкасы — Бобринскую — Цветково и Фастов, „дабы объединиться со всеми революционными войсками на пра-

---

[1]) Там же, стр. 134.
[2]) Там же, стр. 135.

вом берегу Днепра и ударить на Киев с запада". Однако, этой задачи армии Кудинского не пришлось выполнять, так как она в большей своей части была отправлена на Дон.

Как и в прочих крупных центрах Украины, приближение революционных войск к Киеву вызвало в городе взрыв внутренних революционных сил; этот взрыв был ускорен опубликованием радой в начале января своего 4-го „универсала", который провозглашал отделение Украины от России и явно обнаруживал стремление заключить сепаратный мир с немцами. Этот универсал отколол центральную раду от всего городского и крестьянского населения; за нею осталась поддержка лишь городской украинской интеллигенции и мещанства, опираясь на которые, рада стремилась раздавить пролетариат, приступив к увольнению рабочих киевского арсенала, являвшихся идейным оплотом пролетарской революции в Киеве. 18-го января восстали рабочие киевского арсенала и некоторые воинские части. После нескольких дней упорной борьбы восстание в Киеве было подавлено правительством центральной рады еще до подхода войск Муравьева, который встретил некоторое сопротивление на р. Трубеже; здесь его войска вошли в соприкосновение с частями чехо-словацкого корпуса, которые заявили им о своем нейтралитете.

Для обороны своего жизненного центра, Киева, украинская рада на бумаге располагала 20 тысячами войска, но вполне надежными из них являлись 1.200 чел. „вильного казацтва",—иррегулярных формирований из мелкобуржуазного и интеллигентского элемента, и два гайдамацких полка „красных гайдамаков" из солдат-фронтовиков, враждебно настроенных в отношении большевиков, и „черных гайдамаков", состоявших преимущественно из юнкеров украинизированных военных училищ. Прочие войска украинской рады колебались или заявляли о своем нейтралитете, а полки Богунский и Шевченковский в большей своей части действовали против рады [1]).

Эти, верные украинской раде, войска в бояхза Киев оказали более серьезное сопротивление войскам Муравьева,и он был взят после ожесточенной бомбардировки 27-го января, при чем накануне правительство и рада покинули город и удалились в Житомир. Последнему весьма способствовало движение от ст. Калинковичи отряда в составе бригады пехоты с конницей и артиллерией под командой т. Глушко, члена revол. полевого штаба при ставке [2]). Заняв Киев, Муравьев начал преследование остатков войск рады в на-

[1]) Там же, стр. 155.

[2]) По личным воспоминаниям т. Вацетиса.

правлении на Житомир, и только 12-го февраля ему удалось, наконец, вступить в связь со II-м гвардейским корпусом.

Заминка на Дону и ее причины.

Пока развивались столь ускоренным темпом боевые операции на Украине, благодаря той усиленной работе внутренних движущих сил революции, которые изнутри подтачивали войсковые организмы украинских войск и разрушали их боеспособность, продвижение красных советских войск к политическому центру Донской области совершалось значительно медленнее в силу того, что в последней стадии борьбы за Дон приняли активное участие части Добровольческой армии, заменившие на воронежском и харьковском направлениях совершенно уже разлагавшиеся казачьи части. Колонна Саблина, ослабленная выделением части своих сил на помощь Сиверсу, наступление которого в таганрогском направлении обещало развиться благоприятно, двигаясь на помощь силам донского ревкома, которых теснили калединцы, 31-го января захватила-было ст. Лихую, но на следующий день получила сильный контр-удар от добровольческих частей и отошла с значительными потерями, покинув также и ст. Зверево. Наступающая на Таганрог колонна Сиверса около этого же времени тоже потерпела неудачу в столкновении с добровольческими частями и отошла к ст. Амвросиевка. Положение ее, однако, было облегчено революционным взрывом в тылу у белых в Таганроге, где рабочие Балтийского завода в количестве 5.000 чел. подняли восстание, захватили город и принудили белогвардейский гарнизон с большими потерями отойти на Ростов. Однако, наступление обеих колонн рисковало в дальнейшем еще более замедлиться, но в это время новая волна подкреплений, в составе нескольких полков и батарей старой армии, прибывших с Северного фронта, и революционных отрядов из армии Кудинского, подтолкнула обе колонны вперед. Сиверс возобновил свое наступление 3-го февраля, будучи усилен большею частью вновь прибывших подкреплений и мощным бронепоездом с морскими орудиями.

Преодолевая сопротивление корниловцев почти на каждой станции, Сиверс 8-го февраля установил связь с революционным Таганрогом. Тем временем калединские части вперемешку с отрядиками Добровольческой армии, нанеся удар колонне Саблина у Лихой, устремились на преследование сил донревкома, которые у ст. Глубокой соединились с подходившей от Воронежа колонной Петрова; белым казакам удалось овладеть этой станцией, но затем они были на-голову разбиты соединенными силами красных и рассеялись. Саблин,

усиленный подошедшим к нему отрядом черноморских моряков в 400 чел. при 4-х орудиях и революционными отрядами из армии Кудинского, в свою очередь перешел в наступление и 8-го февраля вновь занял ст. Зверево и Лихую; одновременно происходило успешное разоружение казачьих эшелонов, тянувшихся со стороны Украины и Румынии по южным железнодорожным магистралям к Дону. Наконец, обнаружилось содействие революционных сил со стороны Царицына и Кавказа. В Царицыне образовался штаб „Юго-Восточной революционной армии“, командующим которой был избран хорунжий Автономов; этот штаб приступил к сосредоточению сил 39-й пехотной дивизии к ст. Тихорецкой. Однако, операции этой дивизии должны были захватить и направление на Екатеринодар,—местопребывание контр-революционного кубанского правительства, которое уже дважды разбило местные революционные отряды, пытавшиеся наступать на Екатеринодар со стороны Новороссийска.

Командование Юго-Восточной армией ставило себе целью отрезать Екатеринодар от Ростова и не позже 14-го февраля захватить Батайск. Со стороны Царицына оно придвинуло революционные отряды на ст. Чир и овладело ею; все эти операции происходили без участия 5-й Кубанской казачьей дивизии, которая, не задерживаясь в Царицыне, проследовала на Кубань, где и рассеялась.

Захват жизненных контрреволюционных центров на Дону и разгром вооруженных сил донской контрреволюции.

К 10-му февраля сопротивление добровольческих частей и мелких калединских отрядов было окончательно надломлено, но, тем не менее, обе колонны чрезвычайно медленно продолжали свое продвижение на Новочеркасск и Ростов, как вследствие порчи путей противником, так и опасаясь за свой тыл. Только 16-го февраля колонна Саблина подошла к окрестностям Новочеркасска, где в это время царила уже паника и застрелился донской атаман Каледин. На таганрогском направлении добровольцы еще задерживали продвижение Сиверса, нанося ему иногда короткие контр-удары. 13-го февраля Сиверс подходил уже к Ростову, в то же время части 39-й пехотной дивизии заняли Батайск. Однако, самый Ростов был занят Сиверсом после боя с добровольцами на его окраинах только 23-го февраля. Колонна Саблина еще более запоздала с занятием Новочеркасска, так как она выжидала результатов обходного движения казачьей бригады донского ревкома, которая охватывала Новочеркасск с востока и вошла в него 25-го февраля, разогнав заседавший еще там малый войсковой круг.

Части Добровольческой армии и 1.500 казаков генерала Попова ускользнули из кольца советских войск и через станицу Аксай направились в сальские степи и на Кубань; они явились тем ядром, вокруг которого впоследствии наросли вновь силы контр-революции.

Борьба с контр-революционными национальными частями.

Вне причинной связи с описанными операциями, но не без косвенного на них влияния из-за необходимости выделить для его ликвидации часть сил, предназначавшихся для действий против южной контр-революции, стояло контр-революционное выступление I-го польского корпуса в Белоруссии, совпавшее во времени с началом решительных операций против Дона и Украины. Этот корпус развился из тех польских частей, формирование которых было допущено и поощрялось временным правительством, при материальной поддержке крупной польской буржуазии, видевшей в них будущих защитников ее интересов. Во время выступления Корнилова выявилась уже контр-революционная физиономия верхушки корпуса, когда его командир, ген. Довбор-Мусницкий двинул, свои части к Могилеву на защиту Корнилова.

После Октябрьской революции на корпус возлагали свои надежды и русские контр-революционеры, усиленно приглашая его на Дон, но этому воспротивились военные миссии держав Антанты, рассчитывая использовать его для образования нового противогерманского фронта из национальных частей. Тем временем корпус продолжал усиленно формироваться и к концу декабря 1917 года достигал численности 12 пехотных и 3 кавалерийских полков. Командование корпуса недвусмысленно проявляло свою враждебность к Советской власти. Оно отказалось подчиниться приказу о демократизации армии и в пределах своего расположения защищало интересы помещиков в ущерб интересам крестьян; однако, до открытого разрыва дело еще не доходило, и командование корпусом согласилось выдвинуть свои части на брест-литовское направление для подкрепления позиции наших уполномоченных на происходивших в Бресте мирных переговорах, во исполнение чего корпус начал передвигаться в район Бобруйск—Рогачев — Жлобин. Но в это время были обнаружены тайные сношения генералов Довбор-Мусницкого и Алексеева, и революционная ставка приказала корпусу демобилизоваться. Довбор-Мусницкий отказался подчиниться этому требованию и был объявлен вне закона. Тогда он выступил открыто против Советской власти, воспользовавшись сосредоточением своих

дивизий в районе Рогачев—Бобруйск—Жлобин, в то время как 3-я его дивизия походным порядком следовала из Ельни на Рогачев. В конце января Довбор - Мусницкий одной из этих дивизий перехватил пути подвоза к Западному фронту со стороны Украины и ст. Жлобин, а другую дивизию двинул от Рогачева на Могилев против революционной ставки. Бои за Жлобин окончились успешно для революционных войск, так как 2-я польская дивизия дралась без артиллерии, которая была еще ранее, следуя в эшелонах к месту сосредоточения, захвачена красными, и поляки вынуждены были начать отступать на Бобруйск. Наступление польской дивизии от Рогачева начало-было развиваться успешно, но навстречу ей были брошены значительные силы в составе наиболее сохранившихся фронтовых частей и балтийских моряков, которые после ряда столкновений оттеснили ее к самому г. Рогачеву и 13-го февраля ночной атакой овладели этим городом. Из-за малой согласованности в действиях между рогачевской и жлобинской группами красных и поздней организации ими преследования, 3-я польская дивизия проскользнула между ними и присоединилась к своим главным силам. Однако, красные войска уже приближались к Бобруйску, когда начавшееся наступление немцев избавило корпус Довбор-Мусницкого от окончательного разгрома. Он поспешил заключить с немцами капитуляцию на условиях сохранения своего корпуса, но через некоторое время его корпус был все-таки разоружен немцами.

Борьба с оренбургским и уральским казачеством.

Прежде, чем подвести итоги тому начальному периоду гражданской войны, главнейшие операции которого мы только-что описали, нам следует в двух словах остановиться на характеристике положения в Оренбургской губернии и Уральской области, поскольку элементы повстанчества, образовавшие первоначально мелкие бродячие отряды в этих областях, явились в сущности первыми зародышами будущего Восточного фронта.

Советская власть в Оренбурге путем внутреннего переворота была свергнута в середине декабря 1917 г.: в городе образовался коалиционный „комитет спасения родины и революции“, в который вошли представители всех партий, за исключением большевиков и анархистов. Командующим войсками этого комитета явился выборный оренбургский атаман Дутов. Первоначально этот комитет располагал ничтожными силами, так как оренбургское казачество пассивно относилось к обеим сторонам. Поэтому небольшие советские

силы из местных формирований, начав в половине января 1918 г. наступление от Бузулука на Оренбург, при одновременном наступлении на него со стороны Ташкента местных революционных отрядов, 31-го января 1918 г. выгнали белых из Оренбурга, при чем часть их (около 300 чел. вместе с Дутовым) бежала в г. Верхнеуральск, а часть, в количестве 600 человек, отошла на Уральск.

В военном отношении эти отряды не представляли из себя никакого значения; огромные просторы театров пришли им на помощь, сохранив их от гибели; их значение, как возбудителей контр-революционного движения, выявилось позднее, когда в настроениях казачества произошел перелом против Советской власти, и в начале марта 1918 г. оренбургские и уральские степи покрылись мелкими партизанскими отрядами, и в этих степях началась длительная полупартизанская, полурегулярная война с переменными успехами для обеих сторон.

Удаленность обеих областей от жизненных советских центров, пространства и малая культурность театров обусловили длительность этой борьбы и затянули ее до момента возникновения Восточного фронта гражданской войны, когда в связи с ним они получили определенное значение для советской стратегии [1]).

Выводы. Падение политических центров Украины и Дона ознаменовало собою благополучное завершение октябрьского периода гражданской войны.

События на Украине и на Дону находились в прямой причинной зависимости от октябрьских дней в Петрограде и Москве и явились лишь развитием и углублением революционного процесса от центра к периферии. Из самого хода операций видно, какую огромную работу произвели внутренние движущие силы революции и насколько ее результаты облегчили задачи революционной стратегии. Основной задачей этой последней в указанный период являлись не столько самостоятельные стратегические концепции, сколько помощь этим внутренним движущим силам в работе их проявления и чуткость в уловлении биения революционного пульса. То и другое требовало от стратегии гибкости и уменья примениться к вновь слагающейся обстановке, не стесняясь жесткими рамками заранее составленных планов, и советское командование в обстановке не столько войны,

---

[1]) „Сборник трудов ВНО при Военной Академии“, книга IV, 1923 г., стр. 63—54.

сколько победоносно развивающегося восстания, четко провело в своих действиях завет Маркса об отчаянно-смелом, бесповоротно-решительном наступлении, как основном правиле военного искусства в такой именно период гражданской войны.

Это правило и должно явиться критерием в оценке действий советской стратегии за описываемый период времени, и, как мы видели, результаты ее работы, несмотря на некоторую заминку на Дону, были весьма значительны: в течение 2-х месяцев Октябрьская революция распространила сферу своего влияния на всю территорию Дона и Украины.

Борьба с внешней контр-революцией в лице Румынии и ее результаты.

Успешное завершение процесса распространения Октябрьской революции в пределах РСФСР привело ее к первому столкновению с внешними силами контр-революции, которыми на этот раз явились буржуазное румынское правительство и его армия.

Предпосылками для этого конфликта явилась контр-революционная работа высшего русского командования Румынского фронта мировой войны, в лице генерала Щербачева и его штаба.

Являясь упорными противниками Советской власти, они широко пользовались услугами румын для борьбы с большевистскими настроениями и советизирующимися русскими частями на Румынском фронте. Попытки некоторых войсковых организаций на Румынском фронте взять власть в свои руки закончились неудачно, и в январе 1918 г. начался беспорядочный исход из Румынии русских частей, не желавших долее выносить режима Щербачева и румын; только немногим из них в организованном виде удалось пробраться на территорию Бессарабии или Украины. Использовав изменническую политику генерала Щербачева, вызывавшую полное расслоение и дезорганизацию в русских армиях Румынского фронта, румыны захватили Бессарабию, инсценировав якобы „добровольное“ ее присоединение к Румынии, и жестоко начали расправляться с местными советскими организациями, водворяя всюду власть помещиков и буржуазии.

Официальный разрыв между РСФСР и Румынией последовал 26-го января 1918 г., когда Совнарком выслал из пределов республики румынское посольство, конфисковал эвакуированный в Россию румынский золотой фонд впредь до возможности непосредственно передать его в руки самого румынского народа и объявил генерала Щербачева врагом народа, поставив его вне закона.

Пока происходили эти события в плоскости международных отношений и румынскиевойска, оккупируя Бессарабию, медленно приближались к Днестру, молодая советская власть Одессы оформилась в виде „Одесской советской республики“ и приступила к формированию своих вооруженных сил, так как продвижение румынских войск к Днестру начинало угрожать и Одессе. Этим делом занялось несколько параллельных организаций, и в самом городе Одессе формирования подвигались слабо.

Более надежным ядром явились отдельные воинские части 4-й и 6-й русских армий, прорвавшиеся из Румынии и осевшие сначала в районе Кишинева, а потом, под натиском румын, отошедшие к Бендерам и затем к Тирасполю. Эти части решили сорганизоваться и в половине февраля 1918 г. образовали „Особую армию“ с выборным командованием.

Вместе с одесскими формированиями и „Особой армией“ общая численность войск „Одесской республики“ не превосходила 5—6 тысяч человек, в том числе 1.200 сабель и 1.500 штыков. Но еще до окончательной организации всех этих сил румыны в начале февраля подошли к линии р. Днестра и начали делать попытки переправиться на его левый берег.

Несколько таких попыток было успешно отражено советскими частями, главным образом, из числа выбравшихся с Румынского фронта.

В некоторых случаях, преследуя противника, наши части сами переходили на правый берег Днестра и продержались несколько дней в Бендерах.

Тот же параллелизм, который существовал в деле организации вооруженных сил Одесской республики, существовал и в отношении власти, поскольку в Одессе существовала и действовала еще фронтовая организация, известная под именем Румчерода (исполнительный комитет советов румынского фронта, черноморского флота и одесской области). Румчерод завязал переговоры с румынами, опасаясь нового наступления их на Одессу, для чего обратился с просьбою к консулам иностранных держав в Одессе организовать смешанную комиссию „для урегулирования русско-румынских взаимоотношений“. Румыны в свою очередь, напуганные первым серьезным отпором, полученным на Днестре, охотно пошли на это соглашение, и 8-го февраля между сторонами было подписано предварительное перемирие до выяснения результатов переговоров делегации Румчерода с румынским правительством в Яссах. Видную роль в посылке этой делегации сыграло меньшевистское крыло

Румчерода. Пользуясь этими переговорами, румыны спешили жестокими карательными мерами подавить революционное крестьянское движение в Бессарабии.

Победоносное продвижение советских войск по Украине и образование в Одессе „верховной коллегии по борьбе с румынской и бессарабской контр-революцией", в руках которой Совнарком РСФСР сосредоточил все вопросы внешней политики одесского района и деятельным членом которой явился только-что прибывший в Одессу тов. Раковский, изменили обстановку в пользу советской делегации. 15-го февраля переговоры с румынами были прерваны, и им был поставлен ультиматум о немедленной эвакуации Бессарабии от румынских войск, о выдаче всего захваченного румынами русского военного имущества, о разгоне русских и прочих национальных контр-революционных отрядов, о выдаче генерала Щербачева, о наказании виновников убийств и расстрелов русских матросов и солдат.

16-го февраля обе стороны возобновили военные действия. Попытки красной черноморско-дунайской флотилии форсировать устье Дуная у Вилково окончились неудачей. Так же неудачна была попытка красных частей вновь овладеть Бендерами; зато румыны в свою очередь потерпели неудачу в своих попытках форсировать Днестр у с. Троицкого, при чем видную роль в этом бою сыграли местные крестьяне, вооружившиеся, чтобы не пропустить румын.

Такова была обстановка на Румынско-Советском фронте, когда явилось возможным усилить войска этого фронта переброской с киевского направления армий Муравьева. Силы его значительно уменьшились после падения Киева, так как 2-я армия Берзина, состоявшая из фронтовых частей старой армии, почти полностью демобилизовалась, а армия Егорова понесла сильные потери в боях под Киевом; всего Муравьев располагал не более, как 3—4 тысячами бойцов, почему его „армии" в нескольких эшелонах в течение суток переехали из Киева в Одессу, и 19-го февраля Муравьев вступил „в главное командование над революционными войсками, действующими против Румынии", решив наступать на Яссы по трем направлениям: от Могилева-Подольского, от Рыбницы и от Бендер. Поскольку и противник двигался на Рыбницу с целью в этом месте форсировать Днестр, под Рыбницей произошло несколько столкновений встречного характера, в одном из которых участвовала только-что прибывшая армия Егорова, нанесшая румынам чувствительный урон и захватившая у них около 2-х десятков орудий.

Поражение под Рыбницей сильно подействовало на психику румынского правительства и командования; они при

содействии иностранного дипломатического корпуса в Яссах и английского полковника Бойля добивались возобновления мирных переговоров, на что „верховная коллегия“ согласилась 24-го февраля, поставив румынам определенные жесткие условия, заключающиеся в требованиях эвакуации Бессарабии румынской оккупационной армией, с оставлением в Бессарабии только 10.000 чел. румынских войск для охраны румынских складов и путей железнодорожного сообщения, в отказе румынского военного командования от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии; далее предусматривался вопрос об образовании смешанной международной комиссии для разрешения всех спорных вопросов между русскими и румынами, и, наконец, в „случае военных параллельных действий против центральных держав и их союзников“ предусматривалось установление непосредственного контакта между высшим военным командованием русской советской армии и румынским командованием.

Румынское правительство, в лице председателя совета министров, генерала Авереску, согласилось на эти условия, за исключением немедленной эвакуации Бендер, и 8-го марта 1918 года был подписан „протокол ликвидации русско-румынского конфликта“, сохраняющий до сих пор свое актуальное историческое значение, почему мы и приводим его здесь полностью:

„Высшая автономная коллегия, Румчерод, совет народных комиссаров Одесской области, исполнительный комитет Советов объявляют, что считают военный конфликт между Россией и Румынией улаженным, базируясь на основе условий, предложенных нами в нашем ответе от 24-го февраля 1918 г., и на основе изменений, внесенных румынским правительством, согласно декларации, подписанной Авереску, председателем совета министров Румынского королевства. Мы в то же самое время принимаем к сведению декларацию г. полковника Бойля, что обмен русских пленных на румынских распространяется на всех пленных без исключения, в силу чего мы и подписываем настоящий протокол.

Председатель высшей автономной коллегии
Раковский.

Вице-председатель высшей коллегии, комиссар иностранных дел *Брашеван.*

Председатель Румчерода *Юдовский*“.

24-го февраля 1918 года этот протокол был подписан председателем совета министров Румынии и министром иностранных дел, генералом Авереску.

12-го марта в одесских газетах было сообщено о заключении мира между Россией и Румынией, и тогда же советским войскам было приказано прекратить враждебные действия против Румынии.

Выводы.

Благодаря предыдущим успехам советской стратегии, советская дипломатия одержала моральную и дипломатическую победу над румынским буржуазным правительством, заставив его считаться с Советскою властью, как с фактором международного значения.

Совершенно объективные причины помешали Советской власти использовать все результаты мирного договора с Румынией. Этими объективными причинами явились: срыв брестских переговоров и последовавшее вторжение австро-германских армий в пределы РСФСР, открывшее новую страницу в истории гражданской войны в России и повлекшее за собою видоизменение форм ведения этой войны.

Это же обстоятельство позволило румынам уклониться от выполнения подписанных ими всенародно обязательств очистить Бессарабию в двухмесячный срок, что они продолжают делать и до сих пор [1]).

Германская оккупация и ее значение для дальнейшего хода гражданской войны. *Схема № 4А.*

Как известно, военные действия на русском фронте империалистической войны прекратились еще осенью 1917 года, и 22-го ноября в Брест-Литовске начались мирные переговоры между воюющими сторонами, при чем в это же время было заключено перемирие. Руководитель германской военной политики Людендорф приложил все усилия к срыву мирных переговоров в Брест-Литовске тотчас по подписании правительством центральной рады сепаратного мира с немцами, что случилось через 2 недели после падения Киева, 9-го февраля 1918 г. Подписание этого мира давало возможность центральным державам использовать Украину, как обширный экономический базис для дальнейшего продолжения мировой войны.

Действительно, Украина за признание своей самостоятельности и за прирезанный от Польши участок Холмщины ставилась в полную экономическую зависимость от Германии, при чем в целях оказания „взаимной экономической

---

[1]) Военно-историч. комиссия, „Гражданская война“, материалы, том II, изд. ВВРС, 1923 год. Л. Дектерев, „Румчерод и организация Красной армии“, стр. 7—69.

помощи" австро-германские войска должны были оккупировать Украину [1]).

Создав себе юридическое обоснование для вторжения в пределы Украины, немцы 18-го февраля 1918 г. прервали мирные переговоры [2]) и перешли в наступление на всем фронте от Балтийского до Черного моря.

Наступая в пределы Великороссии и Белоруссии, немцы, нигде не встречая сопротивления к этому времени уже совершенно разложившейся старой армии, легко достигли линии Нарвы, Пскова, Полоцка, Орши, Могилева.

Наступление германцев вынудило советское правительство на подписание мира, и 3-го марта 1918 г. он был, наконец, подписан.

Согласно условиям мирного договора, Советская Россия обязывалась демобилизовать все свои сухопутные и морские силы, отказывалась от Польши, Литвы и Курляндии, судьба которых должна была быть определена центральными державами позднее; Латвия и Эстония подлежали оккупации германских войск, равно как и та часть русской территории, которая была захвачена немцами во время их последнего наступления, впредь до заключения общего мира. Наконец, Советская Россия обязывалась признать полную независимость Украины и Финляндии, а также передачу Батума и Карса Турции [3]).

Эти статьи мирного договора имели прямое отношение к последующим событиям гражданской войны в России. Проникновение германских войск в Финляндию под предлогом обеспечения там порядка создавало угрозу Мурманской железной дороге, проходившей вблизи финляндской границы, и г. Мурманску с его обширными складами военных припасов и снаряжения, созданными там во время мировой войны. Опасение за целость этих складов явилось одним из мотивов высадки десантов Антанты на мурманском побережье весною 1918 г., что повлекло за собою образование нового фронта гражданской войны.

Оккупация Украины привела к вооруженному столкновению советских войск, действовавших в пределах Украины, с силами оккупантов и дала передышку разбитым в первых боях силам южной контр-революции, которой она и воспользовалась для организации и укрепления своих сил.

---

[1]) А. Зайончковский, „Мировая война", изд. ГВИЗ, Москва, 1924 г., стр. 383.

[2]) В. А. Антонов-Овсеенко, „Воспоминания о гражданской войне", том I, стр. 273.

[3]) А. Зайончковский, „Мировая война", стр. 384.

Однако, не только соображения экономического и политического порядка побудили германцев двинуть в пределы Украины значительную часть сил своего восточного фронта.

Создавая сильные группировки своих сил в Украине и Финляндии, т.-е. на крайних флангах бывшего восточного фронта, при сравнительно слабом и растянутом центре, германцы такой группировкой своих сил обеспечивали себя при всяких обстоятельствах от возможности возрождения нового восточного фронта, на что, как мы уже указывали, в течение некоторого времени не переставали надеяться державы Антанты.

Те блестящие успехи, которые в предшествующих операциях были достигнуты советской стратегией на Украине, зависели не столько от количества ее вооруженных сил, сколько от работы внутренних движущих сил революции на Украине. При сопоставлении же сил двух противников в условии, что в вооруженных массах противной стороны эта работа еще не выявилась достаточно, численное соотношение выступало на первый план, и это численное соотношение, помноженное на качество подготовки и техническое оборудование, являлось главной причиной, определявшей успех или неуспех предстоящего столкновения, вне зависимости от тех или иных планов или оперативных ходов командования.

В этом отношении положение советской стратегии представлялось очень трудным.

Австро-германские силы, предназначенные для оккупации Украины, исчислялись в 29 пехотных и $4^1/_2$ кавалерийских дивизии, в то время как советское командование на Украине могло противопоставить им около 3.000 бойцов в районе Киева, до 3.000 бойцов насчитывалось в различных городах Украины, и, наконец, во всех „армиях“ Муравьева набиралось не более 5.000 бойцов. В качестве стратегических резервов могли быть использованы колонны Сиверса и Саблина, закончившие свою боевую работу на Дону, что давало еще до 4.000 бойцов, и, таким образом, общее количество вооруженных сил у советского командования не превосходило 15.000 человек, раскиданных притом на громадных пространствах [1]).

Мобилизация местных украинских сил подвигалась слабо; объявленная секретариатом Украины мобилизация трех возрастных классов не дала результатов [2]).

---

[1]) С. Венцов и С. Белицкий, „Краткий стратегический очерк гражданской войны 1918—20 гг.“, Москва, 1923 г., стр. 91.

[2]) Там же.

Нечего удивляться, что в таких условиях трудности оккупации германцами Украины состояли, главным образом, в преодолении ее пространств, а не вооруженного сопротивления ее сил. И они, и советское командование со своей стороны сделали все возможное, но развернувшиеся операции по масштабу не вышли больше отдельных частных столкновений, имевших чисто - тактическое значение, почему мы в нашем очерке и не будем на них останавливаться; как и в только-что описанном периоде, эти столкновения разыгрались либо на железнодорожных магистралях, либо вблизи них.

При первых признаках германского вторжения советское командование, в лице товарища Антонова-Овсеенко, озаботилось подтягиванием к Киеву колонн Саблина и Сиверса, сильно ослабленных демобилизацией солдат старой армии, но колонны эти приняли участие в боевых столкновениях уже на левом берегу Днепра после падения Киева.

Австро-германское вторжение распространялось по линиям сквозных железнодорожных магистралей, ведущих к восточным этнографическим границам Украины, к Донецкому бассейну и к портам Черного моря.

XLI-й германский корпус, в составе 4-х пехотных дивизий, имел осью своего вторжения железную дорогу Брест-Литовск—Гомель—Брянск, являясь связующим звеном между германскими силами, действующими на Украине, и силами, оккупировавшими Белоруссию.

XXVII-й германский корпус, в составе 6 пех. дивизий, имел осью своего расположения железную дорогу Киев—Курск, разбрасывая свои части от Хутора Михайловского до Кременчуга.

XXII-й германский корпус, в составе 2-х дивизий, предназначался для оккупации правобережной Украины.

Для оккупации восточной Украины и Донецкого бассейна предназначался I-й германский резервный корпус, в составе 5-ти пехотных и $1^1/_2$ кавал. дивизий. Наконец, Крым и побережье Азовского и Черного морей должны были оккупировать четыре германских пехотных и одна кавалерийская дивизии.

XXV-й и XXVII-й австрийские корпуса, в составе пяти пехотных и двух кавалерийских дивизий, должны были оккупировать Подолию, Одессу и Херсон, а три австрийских пехотных дивизии должны были расположиться в Екатеринославщине [1]).

---

[1]) Там же, стр. 89—99.

Первым этапом германской оккупации явился захват правобережной Украины, который был произведен германцами весьма быстро: 18-го февраля они начали свое наступление, а 1-го марта их авангарды вступили уже в Киев, согнав со своих стоянок чехо-словацкий корпус, который спешно двинулся на восток вдоль железнодорожной магистрали Киев—Курск и по ней, при чем немцы все-таки нагнали арьергард этого корпуса у ст. Бахмач и принудили к бою бок-о-бок с советскими войсками.

3-го марта немцы захватили железнодорожную узловую станцию Жмеринку на путях к Одессе, порвав таким образом прямую связь с армиями Муравьева, а 5-го марта они уже занимали Черкасы и Золотоношу, грозя сообщениям и тылу Муравьева, что принудило его армии начать спешный отход на восток.

После захвата немцами правобережной Украины на левобережной Украине наметилось сильное выдвижение их из уступов слева войсками I-го резервного корпуса в направлениях на Курск и Харьков и такое же спешное продвижение их вдоль побережья Черного моря по линии черноморских портов.

Очевидно, в план германского командования входило стремление отрезать красные силы, действующие на Украине, от Великороссии, оттеснить их от портов Черного моря и, сбив к середине, потом уничтожить.

Действительно, в то время, как силы красных, действовавшие на направлениях, непосредственно ведущих к Харькову, испытывали непрерывный нажим со стороны I-го армейского резервного корпуса, армии бывшей группы Муравьева, который в момент начала австро-германского вторжения был отозван в Москву, не только не испытывали такого нажима, но даже, в течение, правда, короткого времени, вели бои с переменным успехом на фронте Павлоград—Синельниково—Александровск. Однако, нажим противника со стороны Александровска и продолжающийся откат северных групп красных вынудили их скоро начать отход в направлении на Юзово.

Операции по захвату Харькова облегчились для противника тем обстоятельством, что колонна Сиверса, получившая в первом столкновении сильный удар от немцев, начала в дальнейшем быстро откатываться на Волчанск и Новый Оскол, не принимая боев с немцами. 9-го апреля противник овладел Харьковом, и перед советским командованием встал вопрос о непосредственной защите Донецкого бассейна. Отход колонны Сиверса на Новый Оскол оставлял открытым направление на Купянск и далее на железнодо-

рожную магистраль Ростов-на-Дону—Воронеж, т.-е. в разрез Донецкого бассейна с Великороссией. Немцы не упустили случая воспользоваться этим обстоятельством, двинув на это направление одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии.

В это время в южной части Донецкого бассейна образовалась довольно плотная группировка красных благодаря сосредоточению здесь отрядов, отошедших с екатеринославского направления и откатившихся от Харькова; к этим силам надо еще прибавить до 2.000 человек местных формирований, из которых пытались образовать 5-ю армию. У красного командования возникла мысль ударить этими силами с юга на противника, двигающегося от Харькова на Купянск.

Попытка удара на изюмском направлении с целью обеспечить этим и Луганск окончилась неудачей, и немцы 24-го апреля на плечах отступавших красных захватили Бахмут. В то же время немцы, заняв Купянск, продвигались уже к Старобельску; тогда была сделана попытка перейти в наступление от Луганска прямо на Старобельск, но после довольно упорного боя на полпути между Старобельском и Луганском отряд, наступавший на Старобельск, был отброшен в пределы Донской области и наполовину уничтожен там восставшими казаками. Вскоре после этого эпизода немцы заняли ст. Чертково на магистрали Воронеж—Ростов-на-Дону.

Таким образом, красные силы Донецкого бассейна были отрезаны от прямых путей сообщения с Великороссией, и в их распоряжении для выхода из грозившего замкнуться перед ними кольца оставалась лишь железная дорога Лихая—Царицын и кружная магистраль Ростов—Тихорецкая—Великокняжеская—Царицын.

Первым направлением воспользовались вооруженные силы, оперировавшие в Донецком бассейне и беженцы этого района, по второму начали отход южные группы красных отрядов.

Но подобно тому, как зимнее продвижение советских войск по Украине и Донской области вызывало взрывы изнутри родственных революции сил, так и надвигавшаяся с запада волна германской оккупации вызывала такие же взрывы придавленной контр-революционной стихии в ее жизненных центрах. Ко времени отхода красных отрядов из Донецкого бассейна волна казачьего восстания прокатилась от ст. Лихой почти до самого Царицына; с ним вела борьбу местная красная армия под начальством Щаденко, насчитывавшая в своем составе до 3.000 штыков и 300 са-

бель; эти силы присоединились к силам, отступавшим из Донецкого бассейна под начальством тов. Ворошилова, и, таким образом, в районе ст. Каменской образовалась группировка в 10—15 тысяч человек, которая пыталась еще вести борьбу с наступавшими немцами и повстанцами, но, угрожаемая охватывающим движением германцев с юга, которые овладели уже Александровском-Грушевском и Сулином, она должна была ускорить свое отступление на Царицын, но на несколько недель была задержана у ст. Чир взорванным мостом и вынуждена была обороняться от наседавших на нее казаков за укреплениями до окончания постройки моста через р. Чир.

Из отрядов, сосредоточившихся в Царицыне после эвакуации Украины, была впоследствии образована 10-я красная армия.

4-го мая 1918 г. последние советские отряды покинули территорию Украины.

Германская оккупация оказала большую услугу контр-революционным силам по соседству с Украиной, а не в ней самой. Причину этому явлению следует искать в том режиме, который немцы установили на Украине, всячески препятствуя созданию ее собственных вооруженных сил и проводя там политику разделения всех тех контр-революционных течений и ориентаций, которые получили свободное выражение под прикрытием германских штыков. Зато контр-революционные силы на периферии оккупации и в первую очередь в Донской области, будучи обеспечены с тыла и получая моральную и материальную поддержку от оккупантов, подняли голову и приступили к образованию своих собственных плацдармов и организации и развертыванию своих вооруженных сил.

Вместе с тем отвлечение внимания и сил Советской власти к ее западным и юго-западным границам облегчило положение тех контр-революционных сил в восточной России и в пределах северного Кавказа, которые по своему пространственному удалению не могли получить более непосредственных выгод от соседства оккупантов.

Результаты германской оккупации указали советскому правительству на необходимость иметь в своих руках надежную вооруженную силу для разрешения задач пролетарской политики. Твердая линия германского фронта содействовала стабилизации противостоящего ему красного фронта, что на известный период времени было для него полезно, так как содействовало его организации и уплотнению.

Начиная с этого времени, мы имеем дело уже не с железнодорожными направлениями, а с участками фронтов, правда, занятыми еще слабо и образующими лишь „завесы", но эти „завесы" являются уже зародышами настоящих фронтов.

Развитие и этапы контрреволюционного движения на Кубани. Ледяной поход Добровольческой армии и его значение. *Схема № 4Б.*

До сих пор мы не касались событий на Кубани в силу того обстоятельства, что она, отрезанная от революционного центра контр-революционным Доном, жила обособленною от него жизнью, и происходивший там революционный процесс развивался в плоскости чисто-местных отношений. Распространение завоеваний Октябрьской революции до крайних восточных пределов Донской области и отход на ее территорию остатков русских белогвардейских отрядов вовлекают Кубань в русло общего революционного течения России, делают ее в дальнейшем одной из главных действующих сил в процессе русской гражданской войны. Поэтому в интересах общего изложения нам необходимо коснуться тех обстоятельств, которые выдвинули кубанское войско на первый план исторической сцены и сделали его территорию ареной многих замечательных событий гражданской войны.

Поскольку соотношение внутренних социальных сил на Кубани было совершенно подобно таковому же на Дону, процесс нарастания революции на Кубани прошел через те же стадии развития, что и на Дону, с тою лишь разницей, что организация местных революционных сил на Кубани получила большее развитие, чем на Дону.

Тотчас же после того, как отзвуки октябрьского переворота докатились до Кубани, там стихийным путем из числа „иногородних" и оседавших на Кубани отдельных осколков старой армии с Кавказского фронта и моряков черноморского флота начали складываться ячейки пролетарских вооруженных сил. Наибольшее развитие они получили на Таманском полуострове, где вскоре они начали собираться в более крупные соединения; так, например, в г. Темрюке образовался отряд в 1.500 человек; в некоторых станицах численность этих отрядов достигала 700—800 человек.

Эти организации вооружались и снабжались чисто-случайным способом; радиус их действий не выходил за пределы их территориального центра, и только этим обстоятельством можно объяснить столь длительное пребывание белого кубанского областного центра в Екатеринодаре, где первоначально в его распоряжении не было почти никакой вооору-

женной силы, несмотря на его расположение почти в самом центре этих формирований.

Не признав Советской власти, подобно донскому правительству, в надежде на поддержку прибывающих с фронта войсковых частей, кубанское правительство также скоро вынуждено было в них разочароваться. Его положение особенно осложнилось, когда на Кубани обозначилось продвижение 39-й пех. дивизии, двигавшейся с Кавказского фронта и намеревавшейся свергнуть контр-революционное кубанское правительство. Присланные с Кавказского фронта кубанский пластунский батальон и черноморский казачий полк отказались поддержать правительство в его борьбе с 39-й пех. дивизией; тогда у кубанской рады возникла идея создать добровольческие вооруженные силы из массы офицерства и части интеллигенции, скопившихся на Кубани. Таким образом, на Кубани почти одновременно с началом добровольческих формирований Корниловым и Алексеевым на Дону решено было приступить к формированию местной добровольческой армии.

Оба кубанских генерала, которым было поручено это дело,—Черный и Букретов, от него отказались, при чем последний заявил, что „спасать Кубань одними офицерами он не может“. Тогда за это дело взялся капитан генерального штаба Покровский, произведенный кубанской радой в генералы.

Однако, в его руках дело формирования подвигалось слабо; не помогли и значительные уступки, сделанные кубанской радой иногородним в виде допущения их к управлению областью на равных правах с казаками. Тем временем на Екатеринодар продолжалось давление с двух сторон: со стороны Тихорецкой давили эшелоны 39-й пех. дивизии; со стороны Новороссийска—отряды местного революционного центра, образованные из местных революционных сил и отрядов черноморских моряков и частей старой армии, оседавших в Новороссийске, во время эвакуации морем войск Кавказского фронта обратно на родину; вместе с тем продолжалась работа местных революционных сил на Кубани, приведшая к тому, что уже в начале февраля 1918 г. большая часть Кубанской области была советизирована.

Под давлением всех этих обстоятельств кубанское правительство вместе со своими приверженцами и войсками покинуло 13-го марта 1918 г. Екатеринодар, направившись к югу, в расчете найти убежище в дружески к нему расположенных черкесских аулах; его вооруженные силы в это время не превосходили 3.000 бойцов.

Исход кубанского правительства из его столицы совершился несколько позже того времени, когда покинувшая Ростов-на-Дону Добровольческая армия, под предводительством генерала Корнилова, сосредоточившись в ст. Ольгинской, решила двигаться на Кубань, чтобы там найти себе базу для продолжения борьбы с Советской властью.

Общее количество сил Корнилова не превосходило 4.000 человек строевого и нестроевого элемента при 8 полевых орудиях. Вместе с Корниловым в ст. Ольгинскую отошел отряд походного донского атамана Попова в количестве 1.500 сабель.

После военного совета в ст. Ольгинской о дальнейших действиях мнения разделились, и Попов со своим отрядом двинулся в сальские степи, откуда его отряд вновь вышел на Дон, после того как там вспыхнуло восстание при приближении немцев, Корнилов же со своим отрядом 13-го марта, т.-е. в день бегства кубанской рады из ее столицы, двинулся на Кубань.

Для того, чтобы понять возможность прохождения отряда Корнилова между значительными советскими силами, сосредоточенными в треугольнике Ростов—Тихорецкая—Торговая, следует иметь в виду, что эшелонная война наложила свой отпечаток и на способ расположения войск: они располагались в крупных центрах и вдоль линий железных дорог; таким образом, избегая тех и других, Корнилов мог рассчитывать лишь на случайные встречи с мелкими отрядами красных.

Он так и поступил. Проскочив через железную дорогу Ростов—Торговая у ст. Кагальницкой, он двинулся параллельно ей на ст. Лежанку, где отбросил преградившие ему путь части 39-й пех. дивизии и круто повернул на Кубань, получив ложные сведения о падении там Советской власти. Не желая проходить через ст. Тихорецкую, куда успели уже прибыть эшелоны преследовавшей его колонны Сиверса и где, вообще, было скопление революционных войск, он, распустив ложные сведения, что идет на ст. Тихорецкую, вторично беспрепятственно пересек железнодорожную магистраль у ст. Новолеушковской и, вступив в пределы Кубанской области, направился на Екатеринодар. С первых же шагов Добровольческой армии по Кубани выяснилась ложность надежд ее на поддержку кубанских казаков. Они встречали ее либо безразлично, либо враждебно, и за многие станицы добровольцам пришлось вести бои с местными партизанами. Наконец, в ст. Журавской Корнилов получил первые сведения об истинном положении дел на Кубани и о бегстве кубанского правительства.

Он еще раз изменил маршрут своего движения и, овладев ст. Выселки, вошел внутрь опасного для него треугольника железных дорог: Екатеринодар—Тихорецкая—Кавказская, сильно занятого отрядами красных и их бронепоездами, захватив после упорного боя ст. Кореневскую; отсюда Корнилов взял направление на ст. Усть-Лабинскую, в четвертый раз благополучно перейдя железнодорожную магистраль, несмотря на то, что ему пришлось вести бой на два фронта с преследовавшими его с тылу красными и с революционными отрядами, выдвинутыми ему навстречу от Усть-Лабинской. Овладев Усть-Лабинской, Корнилов продвинулся в ст. Некрасовскую и здесь впервые по звукам отдаленной канонады с юго-запада догадался о близости белой кубанской армии.

Эта последняя, покинув Екатеринодар, бродила по черкесским аулам и казачьим станицам к югу от него, питаясь слухами о приближении Корнилова, и, потеряв всякую надежду на соединение с ним, отошла к ст. Калужской, решив пробиваться к морю, когда, наконец, получились первые достоверные сведения о движении Добровольческой армии через ст. Рязанскую, и она двинулась на аул Шенжий, где и произошло соединение обеих армий 27-го марта 1918 г. Силы их были почти одинаковы: кубанцы насчитывали около 3.000 бойцов, корниловцы—около 2.700, из них около 700 раненых.

Соединение обеих белых армий совпало со сдвигом в настроениях среднего и кулацкого казачества против Советской власти, что сразу отразилось на количестве добровольцев, которые стали пополнять ряды Корниловской армии; так, станица Незамаевская дала ему сразу 200 человек, станицы Кореневская и Брюховецкая дали ему до 400 человек.

Этот антисоветский сдвиг в настроениях казачества местный революционный деятель [1]) объясняет обострением отношений между казачеством и иногородними по вопросу о земле, в силу чего казачество начало утрачивать свой революционный энтузиазм, агитацией кулацких элементов казачества по этому же вопросу, нетактичным поведением в отношении местного населения отрядов черноморских моряков, появившихся на Кубани, и их деятельностью по обезоруживанию казачьего населения, при чем ими допускались насилия разного рода.

---

[1]) Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны, „Гражданская война", материалы по истории Красной армии, том I, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 421—508. Е. Ковтюх, „Походы красной Таманской армии".

При оценке дальнейшего хода событий уже в чисто-военной плоскости необходимо иметь в виду это перемещение центра тяжести настроений середняцкого и кулацкого казачества в пользу белогвардейских армий, которые на этом сдвиге настроений построили план своих дальнейших действий.

30-го марта Корнилов вступил в командование всеми объединенными белогвардейскими силами на Кубани и, рассчитывая на слабость советского гарнизона в Екатеринодаре, решил овладеть столицей Кубани, обходя ее с юга. На этот раз сведения Корнилова были неверны, так как ко времени начала им операций против Екатеринодара гарнизон последнего получил усиление в виде нескольких частей 39-й пех. дивизии, переброшенных туда со ст. Тихорецкой.

8-го апреля Корнилов, выставив заслон в сторону Новороссийска против стремившегося проникнуть оттуда в Екатеринодар эшелона матросов, атаковал г. Екатеринодар с севера. Бой принял сразу упорный и ожесточенный характер, при чем несколько атак Добровольческой армии было отбито, и в ее рядах осталось не более 1000—1500 бойцов. Корнилов решил повторить штурм в ночь с 13-го на 14-ое апреля, но утром 13-го апреля он был убит, а вступивший в командование генерал Деникин поспешил начать отход с остатками армии, растянувшейся в виде обоза километров на 12, в северном направлении обратно на Дон. Используя ночное время для переходов и уклонившись сильно на восток, Деникин, благодаря перемене отношений к нему со стороны местного населения, проскользнул из Кубанской области и в начале мая 1918 г. вышел на свою старую дорогу и приблизился к Ростову и Новочеркасску, где в сфере влияния германской оккупации подымались и образовывались местные контр-революционные силы, основным ядром которых послужил отряд Попова, покинувший свои зимовники.

Остатки Добровольческой армии, недобитые на Кубани, явились вторым ядром, из которого впоследствии разрослись „вооруженные силы юга России“.

Прежде чем перейти к выводам относительно этого эпизода гражданской войны, чреватого своими последствиями в дальнейшем, остановимся в двух словах на действиях красного командования и расположении и количестве его сил. В этом отношении история сохранила нам весьма мало документов.

Трудно установить, кто являлся ответственным руководителем операций против Корниловской армии во время прорыва ее на Кубань. С одной стороны, как мы уже упо-

минали, там действовало командование „Юго-Восточной революционной армии“ в лице Автономова, стремившееся к отделению Ростова от Екатеринодара и вместе с тем выполнявшее директивы Антонова-Овсеенко по замыканию кольца вокруг контр-революционного Дона в направлениях на Чир и Батайск; с другой стороны Корнилова преследовала и колонна Сиверса, следуя в эшелонах в направлении на Тихорецкую. Но когда эта колонна была отозвана для борьбы с наступающими немцами, очевидно, один Автономов остался единственным руководителем всех операций на северном Кавказе.

Он сам определял общее количество своих сил на всем северном Кавказе в 200 тысяч человек, учитывая, очевидно, все местное население, которое эпизодически бралось за оружие, так как, по собственным его словам, эта армия „после отражения врага в большинстве случаев растекается по местам“ [1]). Так что правильнее считать его активные силы в том составе, как они определялись одним из членов военно-революционного комитета 39-й пех. дивизии, а именно около 15—20 тысяч человек [2]), которые распределялись следующим образом: на ст. Гулькевичи—3.000 ч., на ст. Тихорецкая—3.000 ч., на ст. Торговая—3.000 ч., ст. Белооконская—1.500 ч., ст. Белая Глина—1.500 ч., г. Ставрополь—3000 ч., ст. Кавказская—15-й кавказский стрелковый полк неизвестной численности, при чем в докладе указывалось что эти силы „ослаблены спекуляцией“ [3]).

Кроме того, Автономову удалось собрать до 10 тысяч человек в Терской области; эти силы успешно проводили советизацию Терской области, и Автономов предполагал их в дальнейшем двинуть на турецкий фронт „в виде авангарда“ [4]). Из этой группировки сил красных видно, что Корнилову во время его похода пришлось иметь дело главным образом с местными станичными образованиями, которые не могли быть многочисленными, и лишь в районе Екатеринодара он начал встречаться с более крупными и лучше организованными отрядами из состава главных сил Автономова, что сразу же отразилось на упорстве боев и их результатах.

По существу и по форме выполнения корниловский поход явился партизанским набегом, военное значение которого было бы само по себе ничтожно, если бы не обстоятельства,

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 5246, л. 317. Разговор Автономова с председателем ревкома Ростова-на-Дону 23-го марта 1918 г.
[2]) В.-уч. арх., дело № 5320, л. 22.
[3]) Там же.
[4]) В.-уч. арх., дело № 5246, л. 317.

которые спасли Добровольческую армию от окончательного разгрома. Обстоятельствами этими являлись: сдвиг в настроениях казачьей массы на Кубани и приближение волны германской оккупации с запада, что отвлекло внимание советского командования.

В силу этих обстоятельств остатки Добровольческой армии сделались стержнем, вокруг которого начали нарастать и формироваться контр-революционные образования северного Кавказа, выросшие в дальнейшем в течение лета 1918 г. уже в настоящую армию.

Партизанская война в оренбургских и уральских степях.

Контр-революционное брожение и выступления оренбургского и уральского казачества не могли иметь самостоятельного влияния и значения для судеб Октябрьской революции, но они, конечно, могли явиться одним из существенных звеньев того нового фронта на востоке, о создании которого не переставали мечтать представители Антанты и русские контр-революционеры более крупного масштаба. Поэтому скорейшее замирение этих областей должно было входить в интересы Советской власти. Но опять-таки отвлечение ее внимания событиями на западе не давало возможности бросить на этот фронт достаточное количество надлежаще организованных и подготовленных сил, и борьба принимала затяжной характер.

Мы уже говорили, что советским войскам зимою 1918 г. сравнительно легко удалось захватить г. Оренбург, изгнав мелкие отряды белогвардейцев, его занимавшие, в двух противоположных направлениях: на Верхнеуральск и на Уральск. С наступлением весны эти отряды зашевелились, использовав антисоветские настроения местного казачества для организации партизанской войны в более крупном масштабе. Предвестниками этой войны явились мелкие налеты казачьих партизанских отрядов на железнодорожные пути, линии связи и пр., при чем тогда же выявились и жизненные центры повстанчества: район г. Верхнеуральска, куда зимою укрылся атаман Дутов со своими приверженцами, и район г. Оренбурга.

К ранней весне 1918 г. советские войска занимали все крупные административные центры Оренбургской области и линии железнодорожных путей, вытеснив отряд Дутова из Верхнеуральска в район между железной дорогой Троицк—Орск и р. Уралом.

Силы атамана Дутова в это время состояли из нескольких партизанских отрядов, общей численностью не более 2.000 ч. при 11 пулеметах [1]).

Советские отряды, действуя концентрически от Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка, принудили Дутова в апреле 1918 г. бежать в тургайские степи, где он укрылся от преследования, пользуясь бездорожьем и бурным весенним разливом рек, и оставался пассивным до начала июня, когда новая перемена обстановки, в виде чехо-словацкого мятежа, выдвинула его вновь в число активных факторов контр-революции.

Изгнание Дутова не повлекло за собой окончательного замирения оренбургских степей. Пока советские отряды гонялись за Дутовым, местные партизанские отряды продолжали свою работу в тылу у них. Так, 4-го апреля 1918 г. они даже ворвались в самый город Оренбург, несмотря на то, что гарнизон его в это время насчитывал 5.600 штыков, 80 пулеметов, 12 легких орудий, 3 легких гаубицы, а силы партизан не превосходили 700 чел. [2]).

Объяснения подобным случаям следует искать опять-таки в плохой первоначально качественности советских отрядов, действовавщих на этом фронте. Так, внутренняя сводка московского областного комиссариата по военным делам от 24-го апреля 1918 г. отмечает, что „присылаемые отряды в Оренбург не соответствуют назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд в количестве 500 чел. берет контрибуцию с казаков и делит ее между собою“ [3]).

Примерно такая же картина наблюдалась и в Уральской области: там также развивалось сильное партизанское движение, первоначально носившее чисто-стихийный характер. С этими партизанскими движениями Красная армия также вела борьбу, действуя преимущественно вдоль железнодорожных магистралей, постепенно приближаясь к административному и политическому центру области—г. Уральску.

5-го мая 1918 г. советские силы из Саратова с боем овладели железнодорожной станцией Шипово и надвигались на Уральск [4]), а 13-го мая подходили к самому Уральску.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 5246, л. 317. Разговор Автономова с председателем ревкома. (Эти данные сообщаются Автономову председателем ревкома).

[2]) Там же, л. 135.

[3]) В.-уч. арх., дело № 5240. лл. 201, 203, 221.

[4]) „Архив русской революции“, Берлин, 1923 г., том IX, стр. 243—303.

Численность этого отряда определялась 4.000 ч. при 10 броневиках [1]).

Таким образом, борьба в оренбургских и уральских степях протекала в общем успешно для советских войск; ее длительность обусловливалась как свойствами самого театра, так и свойствами противника и образом его действий. Предоставленное самому себе, движение оренбургских и уральских казаков выродилось бы в мелкий бандитизм и замерло бы окончательно, если бы не выступление нового организованного фактора на арене гражданской войны в виде чехо-словацкого корпуса, который на востоке явился таким же организующим стержнем для сил контр-революции, каким на юге России явилась Добровольческая армия.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению тех событий, которые явились основанием нового этапа гражданской войны и перенесли центр тяжести стратегической обстановки с запада на восток, нам необходимо остановиться на той обстановке, которая в это время слагалась в Сибири, сделавшейся на продолжительное время базой контр-революционных сил Восточного фронта.

Общая обстановка в Сибири накануне свержения в ней Советской власти. *Схема № 4 В.*

Октябрьский переворот в Сибири захватил все ее крупные центры и осуществился почти безболезненно, за исключением Иркутска, где в течение нескольких дней происходили ожесточенные бои между сторонниками Советской власти и войсками временного правительства, закончившиеся победой первых.

После утверждения Советской власти в центре Сибири контр-революционные элементы в Сибири повели организационную работу в двух плоскостях: с одной стороны, они закладывали ячейки будущих белогвардейских отрядов, в виде тайных офицерских организаций во всех крупных центрах Сибири, при чем наиболее мощно эти организации были развиты в Чите, Иркутске, Красноярске и Томске; с другой стороны, они, найдя жизненную для себя среду в областях забайкальского и уссурийского казачьих войск, повели открытую борьбу с Советской властью, опираясь на автономные отряды атаманов Семенова и Калмыкова.

К маю 1918 года наибольшего развития достигли действия первого из этих атаманов. Его силы достигали численности 3—4 тыс. человек. Опираясь на Восточно-Китайскую железную дорогу, Семенов угрожал участку пути Амурской железной дороги между Читою и Сретенском. Кроме пяти-

---

[1]) Там же.

тысячного отряда, непосредственно действовавшего против Семенова, сибирский военный комиссариат принимал все меры к усилению войск, действовавших против Семенова, который уже 8-го мая начал угрожать Чите и Нерчинскому заводу, опираясь на богатые южные станицы забайкальского казачьего войска, в то время, как малоземельное казачество этого войска вступало в ряды Красной армии.

Для окончательного подавления движения Семенова сибирские города должны были к 15-му мая прислать в Забайкалье 24 маршевых роты. В крупных сибирских центрах оставались, таким образом, лишь слабые гарнизоны. В Омске численность гарнизона не превосходила 1.500 ч., считая в том числе специальные части и артиллерию. В Томске и Новониколаевске гарнизон был еще меньше [1]).

Семеновский мятеж оттягивал внимание и силы советского командования к Дальнему Востоку, в то время как тайные офицерские организации готовились ко взрыву изнутри. Совпадение во времени выступлений Семенова и Калмыкова с окончанием подготовки и организации тайных контр-революционных сил создавало весьма благоприятную почву для восстания, срок которого относился к началу интервенции союзников, ожидавшейся 1-го июня [2]).

В течение периода подготовки силы тайных организаций продолжали нарастать; так, например, томская организация насчитывала в своих рядах 1.500 членов [3]).

Таким образом, почва для широкого выступления против Советской власти была уже подготовлена, и дело было за поводом к этому выступлению. Таким поводом явился мятеж чехо-словаков.

---

[1]) Там же, л. 139.
[2]) Там же, л. 198.
[3]) В.-уч. арх., дело № 344, л. 79.

ГЛАВА VIII.

Начало интервенции и образование фронтов гражданской войны.

Внешняя и внутренняя политическая обстановка перед интервенцией Антанты. Эвентуальный план интервенции. Чехо-словацкий мятеж и его значение для контр-революционного движения на окраинах страны. Начало возникновения красного восточного фронта. Первоначальные планы сторон. Укрепление положения контр-революционных сил в Оренбургском и Уральском крае в связи с выступлением чехо-словаков. Захват белыми плацдарма в Сибири. Первоначальная организация красного восточного фронта. Выводы. Первые предвестники образования Северного фронта. Мурманский десант. Мятеж левых эсеров и его влияние на ход военных действий. Развитие успехов белых на Восточном фронте. Дальнейшее усиление красного восточного фронта. План действий главкома Вацетиса. План белого командования Восточного фронта. Падение Казани.

Внешняя и внутренняя политическая обстановка перед интервенцией Антанты.

Германская оккупация Украины и юга России явилась предвестником ряда иностранных интервенций, который, усложнив внутреннюю классовую борьбу в Советской республике, перевел ее в формы затяжной и правильной войны, благодаря тому, что сопротивление русской буржуазии, с одной стороны, объединилось с военным вмешательством иностранных интервентов, а с другой стороны—нашло опору в сети внутренних заговоров.

Эти последние явились как следствием организации и консолидации внутренних контр-революционных сил, застигнутых врасплох первыми ударами победоносной Октябрьской революции, так и результатом творчества военных и дипломатических миссий Антанты.

Разброска контр-революционных сил в пространстве и крепость Советской власти в центре не позволяли рассчитывать на самостоятельное возникновение и существование организованных контр-революционных сил вблизи жизненных центров революции; эти силы, чтобы не быть расдавленными и уничтоженными в самый момент своего возникновепия, очевидно, нуждались в каком-то стержне, при-

крепившись к которому, они могли бы наращиваться и организовываться. Этот организационный стержень вместе с тем, кроме своего прямого контр-революционного назначения, мог бы послужить для будущего Восточного фронта против серединных держав тем основным звеном, которое было бы связано впоследствии с другими звеньями, выброшенными или образованными Антантой на территориях, доступных ее непосредственному воздействию.

Таким образом, политическая работа дипломатических и военных представителей Антанты в России, главным образом Франции, повелась после заключения Брестского мира в двух направлениях. Нащупывая почву для образования нового антигерманского фронта с согласия советского правительства в России при помощи японских корпусов, высаженных во Владивостоке, десантов Антанты в Мурманске и Архангельске и русской Красной армии, формирование которой предполагалось Антантой при деятельном участии французских инструкторов, эти миссии в лице своих руководящих верхов, из которых особенно выделялся своей непримиримостью по отношению к Советской власти „вологодский отшельник"—французский посол Нуланс, продолжали поддерживать сношения с внутренними заговорщиками и оказывать в мере своей возможности помощь контр-революционным организациям, начавшим открытую борьбу с Советской властью на окраинах республики.

Двуличие и вероломство антантовской дипломатии в ее отношениях к Советской власти требовало осторожности со стороны советского правительства в вопросе об образовании нового русско-союзнического фронта против Германии. Оно интуитивно предвидело попытку Антанты использовать занятие ею территории в пределах Советской России в первую очередь для образования на них контр-революционных очагов [1]).

Вместе с тем надлежало учесть то общее стратегическое положение, которое давало возможность Германии, благодаря несравненно большей ее близости к жизненным центрам революции—Петрограду и Москве, раздавить их раньше, чем скажутся первые результаты образования нового анти германского фронта на Урале и на беломорском побережье. В этом случае Советская республика могла бы оказаться между молотом и наковальней. Последнего обстоятельства не понимали левые эсеры. Идея продолжения войны с Гер-

---

[1]) Capitaine Jacques Sadoul, „Notes sur la révolution bolchevique", Paris, 1919, page 318.

манией на свой собственный риск и страх находила среди них все большее количество сторонников.

Такова была необычайно сложная внутренняя и внешняя политическая обстановка для Советской России, когда в начале апреля, упреждая возможный исход переговоров, небольшой японский десант занял Владивосток. Заявление французского посла Нуланса и его вызывающая политика в отношении руководителей советского правительства возбуждали самые мрачные опасения о размерах и целях этой интервенции, а также о возможности последующих десантов и интервенций [1]).

Для советского правительства стало ясным, что представители Антанты, ведя с ним переговоры, преследуют только цель выигрыша времени, что особенно подтвердилось презрительным молчанием французского правительства в ответ на требования советского правительства отозвать французского посла Нуланса [2]).

Обстоятельство случайного порядка, но крайне выгодное для той новой линии поведения, которую взяли миссии Антанты в лице французского посла Нуланса в отношении Советской власти, создавало предпосылки для насильственной интервенции, не считаясь с мнением советского правительства.

Эвентуальный план интервенции. *Схема № 5.*

Становой хребет контр-революционных сил и будущего Восточного фронта образовывался сам собой в виде эшелонов чехо-словацкого корпуса, ускользавших с Украины от грозившей захлеснуть их волны германской оккупации, стремясь к портам Великого океана, и к половине мая 1918 года длинной лентой растянувшихся по сквозной сибирской магистрали от Пензы до Владивостока.

Учитывая пространственность театров, этого одного звена было недостаточно для выполнения обеих задач, т.-е. объединения всех сил внутренней контр-революции и образования прочной опоры флангов вновь образуемого империалистического фронта.

Условия стратегической обстановки позволяли Антанте образовать вспомогательное звено для нового контр-революционного и империалистического фронта при помощи своих десантов лишь на крайнем севере по беломорскому побережью; этот театр представлял значительный интерес скорее для Антанты, имевшей в Мурманске и Архангель-

---

[1]) Там же, стр. 320.
[2]) Там же, стр. 386.

ске большие склады военного имущества и опасавшейся за целость их после оккупации Финляндии германскими войсками, но по своей безлюдности и удаленности от политических и промышленных центров страны не имел непосредственного значения для русской контр-революции.

Последние соображения, а также географический признак требовали образования какого-то связующего звена между первыми двумя. Поскольку Антанта сама не располагала возможностью при помощи своих сил образовать это промежуточное звено, эта задача естественно выпадала на силы внутренней контр-революции, долженствовавшие организоваться и в нужный момент выступить открыто на верхнем течении Волги.

Такими рисуются нам основные линии общего плана Антанты и русской контр-революции, поскольку их можно проследить на сложной канве тех событий, которые развернулись в центре России летом 1918 года.

Само собой разумеется, что успех плана требовал согласованности его выполнения во времени. Этого не случилось в силу причин, установить которые с полной достоверностью предстоит последующим историкам описываемой эпохи.

Чехо-словацкий мятеж и его значение для контр-революционного движения на окраинах страны.

Выступление первым начал чехо-словацкий корпус, и это событие определило на длительный промежуток времени преимущественное значение для обеих борющихся сторон вновь образовавшегося Восточного фронта гражданской войны.

Для того, чтобы уяснить себе все значение этого выступления с чисто-военной точки зрения, припомним, что оно последовало тогда, когда Советская власть не успела еще окончательно завершить свои задачи по умиротворению мятежных казачьих окраин.

Действительно, лишь в уральских и оренбургских степях мятежные отряды уральских и оренбургских казаков были загнаны далеко в степи, где они и распылились бы окончательно, если бы Советская власть имела достаточно времени для прочной советизации своего тыла.

Но зато на Кубани и Тереке шло сильное контр-революционное брожение среди казачества, дававшее ряд предвестников скорого их вооруженного выступления. Ферментом этого брожения и готовым остовом для нарастания контрреволюционных сил являлись недобитые остатки Добровольческой армии, ускользнувшие из-под ударов советских войск после неудачного штурма Екатеринодара и приво-

дившиеся спешно в порядок в сфере влияния германской оккупации.

Опираясь на последнюю, донское казачество успешно вело борьбу с советскими отрядами на Дону, расширяя свой плацдарм по направлению к северным границам области.

Хотя фронт германской оккупации уже и стабилизовался, но неопределенность германской политики и неясность ее целей требовали насыщения „завес", образованных на участках этого фронта, достаточным количеством и притом хорошо организованных войск.

Наконец, на крайней периферии республики банды атаманов Семенова и Калмыкова, опирая свой тыл на полосу отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, грозили органической связи дальневосточной окраины с ее революционными центрами.

Внутри страны контр-революционные организации деятельно готовились к выступлениям и взрывам изнутри.

Таким образом, Советские власть и командование стояли перед целым рядом еще незавершенных задач, что дробило их внимание и силы по разным направлениям.

Выступление чехо-словацкого корпуса, вклиненного в самое сердце советской страны, увеличило количество этих задач целым рядом новых, притом столь неотложной важности, что ради них получили отсрочку решения многие из неразрешенных задач на окраинах страны, где, благодаря этому, были развязаны силы внутренней контр-революции, и контр-революционные брожения на окраинах, которые временно пришлось предоставить их собственным силам, вылились в формы организованной войны.

Нельзя сказать, чтобы чехо-словаки особенно стремились принять активное участие в гражданской войне в России. Предшествующая история этого войска свидетельствует о его стремлении уклониться от участия в ней, несмотря на желания контр-революционеров привлечь их на свою сторону. Равным образом, повидимому, этому корпусу мало улыбались и виды на него миссий Антанты, как на ядро будущего нового Восточного фронта.

По крайней мере, отделение чехо-словацкой рады, скрытно заседавшее в Челябинске с 16-го по 20-е мая 1918 года, еще высказывалось за необходимость срочного передвижения корпуса во Владивосток [1]).

В свою очередь советское правительство было нисколько не заинтересовано в дальнейшем пребывании чехо-словац-

---

[1]) И. Подшивалов, „Гражданская борьба на Урале 1917—1918 гг.", ГВИЗ, 1925 год, стр. 126.

кого корпуса в пределах республики и еще в конце марта 1918 года дало разрешение на продвижение чехо-словацких эшелонов по направлению к Владивостоку, где они должны были погрузиться на суда для отправления во Францию, при условии выдачи ими всего вооружения, за исключением необходимого для несения караульной службы.

Однако, занятие японцами Владивостока поставило советское правительство в необходимость временно воздержаться от отправки чехо-словаков во Владивосток впредь до выяснения дальнейших намерений японцев, поскольку не было уверенности, удастся ли чехо-словакам сесть на суда во Владивостоке.

Вместе с тем через чешских представителей был возбужден вопрос перед державами Антанты о предоставлении корпусу необходимых судов в Мурманске и в Архангельске.

В силу понятных причин Англия и Франция медлили с ответом, почему чехо-словакам в случае невозможности дальнейшего продвижения было предложено гостеприимство республики, где они могли остаться на положении мирных жителей [1]).

Однако, провокация контр-революционеров успела свить себе прочное гнездо в среде чехо-словацкого корпуса, в массу которого был пущен слух, что советское правительство намерено, разоружив корпус, выдать его бойцов, как бывших подданных Австрии, серединным державам. С другой стороны, главари движения вошли уже в тесный контакт с представителем Франции в России и телеграфировали французской военной миссии в Вологду о своей готовности к выступлению [2]).

Составив план захвата важнейших железнодорожных узлов на Сибирской магистрали и сгруппировав свои силы соответствующим образом, а также согласовав этот план во времени, вновь избранные чешские вожди, в лице Гайды, Чечека и Войцеховского, в конце мая были уже вполне готовы к своему выступлению [3]).

Активное выступление чехо-словаков почти совпало во времени на центральном значительном отрезке Сибирской магистрали. 25-го мая чехо-словацкие эшелоны Гайды высту-

---

[1]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том I, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 212—213.

[2]) Там же, стр. 222.

[3]) См. об этом И. Майский, „Демократическая контр-революция“, журнал „Красная Новь“, 1922 и 1923 гг.

пили в Сибири, 26-го мая Войцеховский захватил Челябинск, и 28-го мая после боя с местными гарнизонами эшелоны Чечека захватили Пензу и Сызрань.

Непосредственную опасность по своей близости к жизненным центрам революции представляла пензенская группа противника, насчитывавшая до 8.000 бойцов, и челябинская группа в составе 8.750 бойцов [1]).

Однако, очевидно, стремясь еще к выполнению своего основного плана, т.-е. выхода к Владивостоку, эти группы не использовали своего выгодного центрального положения, а первоначально устремились на восток.

Группа Войцеховского, обеспечившись заслонами со стороны Екатеринбурга и Златоуста, главными своими силами продолжала стремиться на Омск, который был захвачен ею 7-го июня, и 10-го июня произошло ее соединение с эшелонами сибирской группы Гайды, а пензенская группа двинулась на Самару, которой и овладела после назначительного боя утром 8-го июня.

Дальнейшее продвижение этой группы на восток приостановилось; ее руководство вошло в связь с образовавшимся в Самаре „комитетом учредительного собрания“, руководители которого, опираясь на поддержку представителей Антанты, убедили чехо-словаков временно остаться в Поволжье до сформирования ими собственной „народной“ армии [2]).

Очевидно, в силу этих же причин, а также новых директив Антанты, которые на этот раз почему-то были учтены чехами, направление движения сибирских эшелонов чехо-словаков меняется, и они от Омска сворачивают на запад, устремляясь своими главными силами на екатеринбургское направление, в то время как бывшая пензенская группа чехо-словаков начинает расширять свой плацдарм из района Самары, развивая наступление на Уфу, в целях соединения со своей сибирской группой.

Эти события кладут начало кампании на Восточном фронте.

---

[1]) И. Подшивалов, „Гражданская борьба на Урале 1917—1918 гг.“ стр. 127.

[2]) См. об этом вышеупомянутую статью И. Майского, „Демократическая контр-революция“ в журнале „Красная Новь“, 1922 и 1923 гг.

Начало возникновения красного восточного фронта.

Выступление чехо-словацкого корпуса против Советской власти в момент, когда главное внимание ее военного руководства было привлечено на закладку первых основ правильной вооруженной силы внутри страны, на создание прочных завес перед фронтами германской оккупации и на борьбу с подымавшей голову донской контрреволюцией, поставило советское командование в необходимость изыскания новых сил для борьбы с чехо-словацким мятежом. Поскольку первоначально их не было в готовности, центр тяжести борьбы опять-таки лег на инициативу мест.

Мелкие и крупные отряды местных формирований, кроме непосредственно занятых борьбой с чехо-словаками, двинулись, часто по собственной инициативе местных советов или местных военных комиссаров, на угрожаемые направления и образовали ту первоначальную завесу на Восточном фронте, которая, насытившись подкреплениями, присланными центром, начала оформляться в группы и армии Восточного фронта.

Эти местные силы, объединяясь на известных направлениях, действовали первоначально под управлением собственных выдвигаемых местами „главкомов“ и „командующих фронтами“: они располагали в общем весьма скромными силами, которые нарастали постепенно за счет местных формирований.

Как происходил этот процесс стихийного образования первоначальной завесы Восточного фронта, можно себе представить по нескольким дошедшим до нас документам.

Так, 12-го июня 1918 г. главком Мясников телеграфирует, что им на поддержку симбирской группы советских войск выслано 10-го июня два отряда: козловский отряд в составе 300 штыков с 10 пулеметами и 4-мя орудиями и нижегородский отряд в составе 100 штыков с 4-мя пулеметами и 2-мя орудиями [1]).

Пермский совет телеграммой от 15-го июня на имя тт. Ленина и Троцкого сообщает, что при пермском военном комиссариате с 13-го июня начал работать военный отдел, имеющий задачей создание тыловой базы для екатеринбургского фронта; эта же телеграмма указывает, что Пермь отправила уже подкреплений на екатеринбургский фронт в количестве до 2.500 штыков [2]).

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 344, л. 138.
[2]) Там же, л. 227.

Телеграммой на имя Ленина от 2-го июня 1918 г. уфимский совет извещал его о посылке из Уфы отряда в количестве 2.200 человек в Златоуст и 3.000 человек в Самару и Сызрань [1]).

Более удаленные от нарождавшегося нового театра военных действий местные центры откликнулись на происходившие на нем события предложением своих сил непосредственно московскому центру.

Так, в телеграмме на имя тов. Троцкого карачевский уездный военком предлагает для борьбы с чехо-словаками выслать петроградский отряд в 700 человек и замоскворецкий такой же численности [2]).

Руководящему центру остается ввести это стихийное стремление масс к вновь образующемуся фокусу гражданской войны в определенное организационное русло и дополнить собственными мероприятиями организационное творчество мест.

В этом отношении работа руководящего революционного центра проводится с крайней энергией и настойчивостью.

Тотчас по получении первых донесений о чехо-словацком мятеже военный комиссариат республики издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении всех чехо-словаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться мероприятиям Советской власти [3]).

Следующим мероприятием, не менее неотложным, была попытка, правда, вначале имевшая исключительно принципиальное значение, установить единство командования на восточном театре.

Для этого отряды, действовавшие на северо-уральском и сибирско-омском фронтах, объединялись в один общий северо-урало-сибирский фронт под командованием т. Берзина [4]).

Наконец, по указанию центра, на Восточный фронт были двинуты солидные подкрепления из числа только-что законченных новых формирований военного комиссариата республики. Для этой цели пришлось итти и на такую меру, как ослабление только-что созданной завесы на фронте германской оккупации. Так, 11-го июня из Петрограда

---

[1]) Там же, л. 160.
[2]) Там же, л. 236.
[3]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том I, стр. 210.
[4]) Там же, стр. 413.

на Екатеринбург направляется батальон в 600 человек при 12-ти пулеметах и 4-х орудиях [1]).

Военный совет западной завесы 15-го июня направляет на Восточный фронт 1-й курский отряд [2]).

Из Нижнего-Новгорода в распоряжение вновь назначенного главкома Муравьева 20-го июня направляется батальон пехоты в составе 550 штыков при 2-х легких орудиях [3]).

Таким образом, как видим, период июня 1918 г. на Восточном фронте можно охарактеризовать как период „установления" этого фронта.

Процесс этого „установления" облегчился тем обстоятельством, что, как мы уже указывали, волна чехо-словацкого мятежа первоначально обнаружила тенденцию отхлынуть на восток, частью лишь своих сил задержавшись на среднем Поволжье, и лишь затем вновь повернула на запад, при чем наиболее сильный нажим ее наметился от Челябинска на Екатеринбург.

Первоначальные планы сторон.

В этом можно усмотреть зарождение того будущего плана действий белых армий на Восточном фронте, который детально наметился позднее и который в силу причин, о которых мы скажем в своем месте, за главное операционное направление избрал направление Екатеринбург—Пермь—Вятка.

Пока же ближайшими целями чехо-словацкого командования и командования зарождавшихся белых армий являлось, очевидно, стремление прочно утвердиться на линии Сибирской магистрали, на среднем Поволжье и на Урале.

Равным образом и местное красное командование первоначально задавалось лишь целями местного значения. Они сводились к стремлению, опираясь, главным образом, на местные силы, локализовать территориальные успехи чехословаков и создать прочные барьеры для их дальнейшего распространения путем создания определенных участков и зон сопротивления.

Таковые мыслились первоначально в виде самарского укрепленного района и златоусто-челябинского фронта,

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 344, л. 140.
[2]) Там же, л. 171.
[3]) Там же, л. 239.

который усиленно насыщался отрядами, стягиваемыми туда из разных мест Приуралья.

Кроме того, намечались местные очаги сопротивления и питания местных фронтов живою силою в виде Уфы и Оренбурга.

Однако, падение Самары во многом испортило выполнение этого плана. Златоусто-челябинская группа в силу этого обстоятельства, будучи предоставлена своим собственным силам, не получая поддержки со стороны Уфы, в конце июня истощила свои усилия в борьбе с чехо-словаками и волной местных восстаний, окружавших ее, и в начале июля исчезла, как организованное целое, распылившись на мелкие отряды. Уфимский центр, несмотря на значительное количество вооруженных сил, которыми он располагал, и значительные запасы живой силы, которые он мог мобилизовать, а именно до 5.000 войск в самой Уфе и примерно $1^1/_2$ тысячи человек в каждом уезде, разбросанных мелкими отрядами, не только не проявил особой активности, но у его руководителей даже преждевременно возникла мысль об эвакуации Уфы; эта операция и была произведена 3-го июля 1918 года, когда, с одной стороны, распалась златоустовская группа красных, а с другой стороны, чехо-словацкая группа, начавшая свое наступление от Самары на Уфу, тотчас после падения Самары, подошла к ближайшей к Уфе узловой станции Чишмы. Уфимский совет со всеми своими вооруженными силами в количестве до 3.000 человек и учреждениями водным путем по р. Белой эвакуировался в район Сарапуль—Николо-Березовка; в ближайшем будущем эти части послужили ядром вновь формируемой 2-й армии [1]).

Ведя наступление главными своими силами от Самары на Уфу и на Челябинск для соединения со своими сибирскими эшелонами, чехо-словаки в то же время мелкими частями занимают ряд административных центров края: Сергиевск, Бугульму, Бирск, Стерлитамак и пр., направив небольшие отряды в сторону оренбургских степей. 8-го июля сибирская и самарская группы чехо-словаков соединились под Златоустом, закрепив, таким образом, за собой участок Сибирской магистрали.

---

[1]) И. Подшивалов, „Гражданская борьба на Урале", стр. 128—133.

Укрепление положения контр-революционных сил в Оренбургском и Уральском крае в связи с выступлением чехо-словаков.

Выступление чехо-словаков благоприятным образом отразилось и на положении повстанческого движения в оренбургских и уральских степях. Партизанская борьба оренбургских казаков начала выливаться в определенные организационные формы. В это время силы различных красных отрядов (Каширина, Блюхера, Калмыкова и др.), боровшихся с повстанцами, не превосходили 3.000 человек, и фактически в руках красных гарнизонов находились лишь некоторые населенные пункты, имевшие важное значение.

Первые вести о чехо-словацком выступлении вызвали массовое восстание оренбургских казаков; они начали подыматься целыми районами, объявив у себя всеобщую мобилизацию. Воспользовавшись этими массовыми настроениями оренбургских казаков, Дутов вновь покинул тургайские степи, куда он был загнан ранней весной красными отрядами, и с отрядом в 600 бойцов при 5 пулеметах устремился в промежуток между Орском и Актюбинском по направлению к Оренбургу, став во главе всего движения.

Красные отряды, оказавшиеся в гуще масс нового повстанческого движения, вынуждены были очистить Оренбургский край, при чем отряды Блюхера и Каширина решили двигаться на Верхнеуральск. Орские полки пошли на Орск, который в дальнейшем явился в течение долгого времени маленьким красным островком среди белого моря, и, наконец, туркестанские отряды возвращались в Туркестан через Актюбинск.

Пространственность театра, малая его насыщенность войсками противника позволила им благополучно выйти из зоны, охваченной восстанием и занятой чехо-словаками, и достигнуть своих целей.

1-го июля эти отряды начали свое отступление, а 3-го июля Оренбург был вновь занят Дутовым, который, произведя необходимую реорганизацию своих сил, начал действовать от Оренбурга, как от центра, на Актюбинск, по направлению к Верхнеуральску и на Орск [1]).

Решено было оборонять этот последний, усилив его гарнизон частью туркестанских отрядов и доведя его численность до 3.000 чел. при 9 орудиях. Решимость оборонять Орск, который быстро был обнесен кольцевыми укреплениями, создала внутри белого фронта местный фокус борь-

---

[1]) Там же, стр. 140—143.

бы, поглотивший на продолжительное время значительные силы атамана Дутова.

Осада Орска началась в начале июля 1918 г., и лишь в конце сентября 1918 г. красные полки покинули Орск не в силу невозможности держаться в нем, а во исполнение общего плана совместного с туркестанской армией т. Зиновьева овладения Оренбургом [1]).

Захват белыми плацдарма в Сибири.

Пока происходили эти события в среднем Поволжье, на Урале и в оренбургских степях, не менее успешно шло расширение плацдарма белых в Сибири. Частью совместно с чехо-словаками, частью самостоятельно белым удалось утвердиться на огромной территории западной Сибири от Тобольска по течению Иртыша до Усть-Каменогорска, захватив северную часть Семиреченской области; по параллели господство белых распространялось от г. Кургана на великом Сибирском пути до Барнаула и Бийска.

После этого операции белых в Сибири начали развиваться в двух направлениях: с одной стороны, они в составе дивизии из офицерских полков, силою 1.100 штыков при 12 орудиях, совместно с чехо-словацким отрядом в 1.500 штыков, действуя вдоль жел. дор. Омск-Тюмень, также стремились продвинуться к Екатеринбургу, но здесь их продвижение задерживалось на сильных местных рубежах частями, так называемой, 1-й Сибирской армии, которая лишь после падения Екатеринбурга отошла на северный Урал, отдав в их руки район Тюмени и Ирбита. С другой стороны, они, опираясь, главным образом, на чехо-словаков, продолжали распространять свое влияние по линии Сибирской железной дороги по направлению к Владивостоку, при чем оттуда навстречу им медленно продвигались японские войска, к которым впоследствии присоединился американский десант; те и другие к концу 1918 г. распространились в Забайкалье и Уссурийском крае, группируясь главным образом по линии железных дорог и по течению р. Амура [2]).

---

[1]) Военно-историческая комиссия. Сборник трудов ВНО. Книга IV, 1923 года. Н. Лесевицкий, „Борьба за Оренбург и Орск 1917—19 гг.“, том IV, стр. 273—303.

[2]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 153—161.

Первоначальная организация красного восточного фронта.

Следующим организационным шагом советского командования в деле организации Восточного фронта было образование единого командования в виде РВС Восточного фронта, с назначением Муравьева главнокомандующим этим фронтом, при чем приступлено было к сведению отрядов, действовавших на этом фронте, в армии; в середине июня намечалось образование 4-х армий: 1-я на симбирском, сызранском и самарском направлениях; 2-я армия на оренбурго-уфимском фронте; 3-я армия — на челябинско-екатеринбургском направлении и особая армия — на саратово-уральском направлении. Штаб фронта пребывал в Казани. Линии фронта обоих противников начинали только складываться, при чем намечалось глубокое вклинение белых в общее расположение красных на самарском направлении, где в руках белых были Сызрань и Хвалынск, лежащие на самой Волге, и охватывающее положение красных в отношении общего расположения белых на севере, где красные, опираясь на екатеринбургский узел сопротивления, держали еще в своих руках фронт Мензелинск—Нязе-Петровский завод—Шадринск.

Такая группировка обеих сторон носила характер не преднамеренный, а случайный, поскольку образование фронта в этот период борьбы обусловливалось, главным образом, относительным положением тех первоначальных фокусов, вокруг которых начала развиваться борьба.

Это относительное положение обеих сторон и определило те ближайшие цели, которые они поставили себе на последующий период кампании, в котором в действиях обеих сторон отмечается уже определенное централизованное руководство.

Выводы.

Первый период кампании на Восточном фронте является организационным для обеих сторон. Чехо-словацкий корпус явился тем данайским конем, которому удалось беспрепятственно проникнуть в самое сердце советской Трои; его интересы временно совпали и с интересами Антанты, и с вожделениями местной контр-революции, и положение для нее сложилось настолько благоприятное, что она успела захватить обширный плацдарм для своей организации, прежде чем советское правительство стянуло достаточные силы не только для тушения, но даже для локализации разгоревшегося пожара. В подобных условиях у противника естественным путем явилась первоначальная инициатива действий, которой не

было у красных, так как им приходилось не только стягивать свои силы, но и организовывать их.

Лишь после этого красное командование могло приступить к планомерному проведению кампании. Однако, этот момент для красного командования был отсрочен теми внутренними и внешними событиями, которые нашли свое отражение в более сильной степени именно на Восточном фронте и подарили противнику еще несколько успехов.

Поэтому эти события подлежат рассмотрению, прежде чем мы перейдем к дальнейшему изложению хода кампании на Восточном фронте.

Первые предвестники образования Северного фронта. Мурманский десант.

27-го июня 1918 года в г. Мурманске высадился английский десант в количестве 2-х тысяч человек, усилив мелкие части союзных войск, охранявшие там склады союзного военного имущества еще со времени империалистической войны.

Германское правительство, в лице своего посла в Москве, графа Мирбаха, запросило советское правительство о его дальнейших намерениях в отношении этого акта, нарушающего условия Брестского мира, и предложило содействие своих войск для ликвидации этого десанта [1]). Последнее было отклонено, но Совнарком предписал Наркому по военным делам „направить необходимые силы для защиты беломорского побережья от захватов со стороны иностранных империалистов“ [2]).

Актом десанта в Мурманске посольства Антанты сознательно шли либо на открытый разрыв с советским правительством, либо толкали его на возобновление войны с Германией в условиях борьбы с подымавшей голову контрреволюцией на внутренних фронтах.

Как и следовало ожидать, высадка десанта в Мурманске таила в себе не только стратегические, но и политические цели: тотчас по высадке десанта представители держав Антанты склонили к измене президиум мурманского краевого совета, обещав ему за это доставку денежной помощи, продовольствия и мануфактуры; а этот последний в свою очередь обещал представителям Антанты не препятствовать организации белогвардейских отрядов и фактически содействовал занятию края войсками Антанты [3]).

---

[1]) Capitaine Jacques Sadoul, „Notes sur la révolution bolchevique“ page 388.

[2]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том I, стр. 201.

[3]) Там же, стр. 412.

Таким образом, к началу июля отчетливо намечались уже звенья того антигерманского и вместе с тем антиреволюционного фронта, о котором мечтали державы Антанты вместе с руководящими кругами русской контр-революции; оставалось лишь связать их между собою, и вот здесь выступают на сцену правые эсеры, которые при помощи тайных офицерских организаций под руководством Б. Савинкова на деньги, отпущенные французской военной миссией, по требованию ее начальника, генерала Лаверня, в ночь со 2-го на 3-е июля подымают мятеж в Ярославле; менее значительные выступления происходят в Рыбинске и Муроме. Не рассчитанные во времени и предпринятые слишком незначительными силами, эти выступления ликвидируются самодеятельностью мест при незначительной помощи вооруженных сил, присланных из Москвы.

Мятеж левых эсеров и его влияние на ход военных действий.

Такова была внутренняя и внешняя обстановка в стране, когда в Москве собрался V всероссийский съезд Советов, который одобрил правильность внешней политики Совнаркома по вопросу об отношениях к Германии, что дало повод партии левых эсеров предпринять на свой риск и страх попытку сорвать Брестский мир с Германией убийством 5-го июля ее посла, графа Мирбаха, и вооруженным мятежом в Москве 6-го июля, окончательно подавленным 8-го июля, каковыми действиями эта партия сама вычеркнула себя из ряда советских партий.

Восстание левых эсеров, разразившееся в Москве вне связи с планом общего контр-революционного фронта, тем не менее, сильнее прочих выступлений подобного же рода отразилось на судьбах красного восточного фронта.

Главнокомандующий Муравьев, не имевший в общем определенного плана кампании против чехо-словаков, едва-было не спутал все карты на начавшем-было организовываться фронте, отдав приказание своим войскам двинуться на Москву на помощь левым эсерам. Это приказание не было исполнено, и сам Муравьев в Симбирске пал жертвой своей измены, но во всяком случае войска еще некоторое время продолжали оставаться без определенного руководства, в то время как противник начал развивать свои первоначальные успехи уже в сторону центральной России, усиливаясь местными мобилизуемыми им контингентами.

Развитие успехов белых на Восточном фронте.

К 25-му июля чехо-словаки и войска „Народной" и Сибирской армий заняли целиком Самарскую, Уфимскую и Екатеринбургскую губернии, овладев Симбирском и Екатеринбургом, и в разных местах выходили к р. Каме [1]).

Железною рукою справившись с попытками взрыва изнутри Советской власти, советское правительство все свое внимание могло обратить на наиболее активный Восточный фронт.

Дальнейшее усиление красного восточного фронта.

13-го июля Наркомвоен тов. Троцкий телеграфировал председателю саратовского губсовета Антонову о том, что „надежные и достаточные силы" отправлены им на волжский и уральский фронты.

Сообщая о назначении нового главнокомандующего, в лице т. Вацетиса, Наркомвоен требовал безусловного ему повиновения со стороны всех начальников и войсковых частей; далее тов. Антонову предлагалось развернуть среди красноармейцев „самую широкую устную и печатную агитацию". „Издайте,—писал тов. Троцкий,—в миллионах экземпляров воззвания к рабочим, крестьянам, солдатам относительно смысла чехо-словацкого мятежа. Направьте в эту сторону все усилия. Наша помощь вам обеспечена" [2]).

Действительно, внутренние мятежи не помешали широкому притоку пополнений на Восточный фронт, которые особенно возросли в июле месяце.

Так, 9-го июля из Орла и Курска в Пензу были направлены 2 пехотных полка, 1 отдельный батальон и батарея,— всего 2.200 штыков [3]).

Кроме того, Курск в течение июля и начала августа направил на Восточный фронт еще две бригады собственных формирований [4]).

Ведомости боевого состава этого фронта за июль позволяют сделать заключение, что весьма многие центры формирования, как, например, Козлов, Калуга, Нижний-Новгород, отдали свои первые готовые формирования Восточному фронту.

Боевая качественность этих войск, численность и организация отрядов, включавших в себя, главным образом, еще

---

[1]) И. Подшивалов, „Гражданская борьба на Урале", стр. 161.
[2]) В.-уч. арх., дело № 5443, л. 83, телеграмма № 118.
[3]) Там же, дело № 344, л. 480.
[4]) Там же, дело № 344, 265.

добровольческие контингенты, были далеко не однородны, и война по форме продолжала носить характер действий отдельных партизанских отрядов.

Армия нуждалась еще в предварительной консолидации, прежде чем переходить к сложным, а главное—планомерным операциям.

Поэтому первоначальный план действий главнокомандующего Вацетиса, несмотря на свою простоту, не был выполнен согласно его пожеланий; события пошли иным ходом, но, тем не менее, с ним надлежит ознакомиться потому, что он определил собою то первоначальное расположение главных сил Восточного фронта, которое являлось основным и в течение последующей кампании.

План действий главкома Вацетиса.

28-го июля 1918 г. Вацетис докладывал Наркомвоену: „Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии Волги на восток“.

Во исполнение этой задачи на 1-ю армию возлагалась пассивная роль—„всеми мерами сдерживать противника и не допускать его распространения на запад от фронта Сызрань—Симбирск“. В дальнейшем эта армия „в нужный момент“ должна была перейти в наступление и сбросить противника в Волгу.

На 4-ю армию возлагалась задача—в ближайшие дни овладеть Хвалынском, а с началом общего наступления действовать в направлении Самары, заслонившись со стороны Сызрани.

3-я армия должна была перейти в наступление для „овладения Екатеринбургом и для дальнейшего действия на фронт Челябинск—Златоуст“.

2-й армии ставилось непременной задачей захватить Уфу и овладеть узловой станцией Чишмы, наступая одной группой на Бугульму для связи с группой, действующей правее. Наконец, 5-я армия, вновь создаваемая в районе Казани, должна была в районе Чистополь — устье Камы — Тетюши сосредоточить возможно бо́льшую группу войск и перейти в решительное наступление на фронт Симбирск—ст. Бряндино.

„В случае нашего успеха,—писал главком Вацетис,—ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск—Орск—Троицк—Курган—Тюмень“ [1]).

---

[1]) Архив Кр. арм., дело № 9937, лл. 136—140.

Таким образом, сущность плана главкома Вацетиса сводилась к захвату в клещи чехо-словацкой группы и „Народной армии", действовавших на фронте Симбирск—Сызрань, двойным ударом по левому берегу Волги: с севера, со стороны Чистополя на Симбирск, и с юга, со стороны Урбаха на Самару. Выполнение этой задачи возлагалось на 3 армии (1-ю, 4-ю, 5-ю), тогда как остальные две (2-я и 3-я) должны были наносить вспомогательные удары на Уфу и Екатеринбург.

Выполнение плана требовало преимущественного сосредоточения красных сил к правому флангу Восточного фронта, что и осуществлялось уже в течение дальнейшего хода кампании.

Пока же в распоряжении командования Восточным фронтом как-раз в районе, намеченном им для образования ударного кулака 5-й армии, имелись настолько ничтожные силы, что противник сам, наоборот, в ближайшие дни имел возможность нанести нам удар в этом районе.

Хотя начало выполнения плана ставилось главкомом Вацетисом в зависимость от сосредоточения достаточных сил, однако, уже в начале августа некоторые из армий Восточного фронта приступили к выполнению поставленных им этим планом задач.

Но результаты этих попыток перехода в наступление были незначительны, в силу прежде всего незначительности тех сил, которые могли выделить армии для активных целей. Так, 2-я армия для действия против Бугульмы могла выделить отряд в несколько батальонов общею численностью около 1.000 штыков, 140 сабель, 17 пулеметов, 4 легких и 2 шестидюймовых орудий. Отряд этот медленно добрался до Бугульмы, занятой ротой чехо-словаков и формирующимся батальоном добровольцев, и 5-го августа атаковал ее. Атака не только была отбита, но противник сам перешел в наступление и принудил отряд к быстрому отступлению в исходное положение. Остальные отряды 2-й армии также не выполнили своих задач. Некоторые из них замитинговали в пути и вернулись назад, а некоторые не пожелали выступить вовсе [1]). Наступление 3-й армии начало развиваться более успешно; она почти подошла к Екатеринбургу и вела даже бой за предместья города, но неустойчивость одной из ее дивизий заставила и ее откатиться назад; во всяком случае ее наступление имело известные стратегические результаты, притянув на себя значительные резервы противника.

---

[1]) И. Подшивалов, „Гражданская борьбы на Урале 1917—1918 гг.", стр. 161—169.

Наступательные попытки 2-й армии показали, что войска фронта нуждаются еще в сколачивании и укреплении своей внутренней мощи, а тем временем события на фронте продолжали развиваться своим чередом, при сохранении наступательной инициативы в руках противника.

После падения Екатеринбурга в действиях противника в свою очередь можно отметить начало выполнения того основного плана кампаний белых армий Восточного фронта, которого они с упорством продолжали держаться и в последующий период борьбы.

План белого командования Восточного фронта.

Насколько можно судить по дошедшим до нас отрывочным сведениям из печатных источников белых армий, белое командование Восточного фронта, избрав за главное операционное направление — направление Екатеринбург — Пермь — Вятка, стремилось этим путем установить скорейшую связь с десантом Антанты. наступающим со стороны беломорского побережья в глубь России. Группировка сил противника, особенно в последующий период кампании, подтверждает это предположение.

Инициатива этого плана, вернее—настойчивая его поддержка, исходила от английского представителя в Сибири, генерала Нокса. План этот нашел также полную поддержку в лице чешского командования, во главе которого стоял ген. Гайда, мечтавший, избегая длинного и изобилующего многими задержками и непредвиденностями пути через Владивосток и кругом света, провести чехо-словацкие эшелоны более коротким путем через Пермь, Вятку, Вологду на Архангельск [1]).

Кто бы ни был главным инициатором этого плана, он был принят и приводился в исполнение в течение всей летней и зимней кампании 1918—19 гг. Как будет видно из последующего изложения событий, державы Антанты и в дальнейшем, уже летом 1919 г., давили на оперативную свободу белого сибирского командования в том смысле, что оно должно было попрежнему развивать активные действия на пермско-котласском направлении силами не менее 30.000 чехо-словаков для скорейшей репатриации их через Архангельск [2]).

---

[1]) См. об этом в книге Гинса, „Сибирь, союзники и Колчак“.
[2]) Архив Наркоминдела, телеграмма Клемансо Колчаку от 2-го июля 1919 г. (из бумаг колчаковского архива).

Учитывая элемент исключительно геометрический и рассматривая этот план под углом зрения интересов чехов, следует признать, что он отвечал обстановке, вернее — одной из ее сторон. Но в целом он в общих интересах русской контр-революции был неудачен.

Действительно, выбранное белым командованием главное операционное направление не являлось кратчайшим и не вело к жизненным для революции или контр-революции центрам.

Оно пролегало по местности, сравнительно мало населенной, с весьма суровым, особенно зимою, климатом и не изобиловавшей средствами для продовольствия значительных войсковых масс; последнее обстоятельство было весьма важно, принимая во внимание весьма неудовлетворительное состояние транспорта у обеих сторон.

Выполнение этого плана привело к массированию белых армий к правому флангу своего фронта на пермском направлении, т.-е. в порядке, обратном тому, который приняли красные для группировки своих сил на Восточном фронте.

Повидимому, в целях уничтожения невыгод главного операционного направления, белое командование после занятия им Симбирска поставило себе задачей овладеть Казанью, с занятием которой в руки противника попадала последняя постоянная железнодорожная переправа через Волгу (Красный мост у Свияжска), осуществлялся широкий прорыв восточного фронта красных, при чем совершенно разобщались их 1-я и 2-я армии, и являлась возможность по более короткому операционному направлению грозить непосредственно Москве.

Падение Казани. *Схема № 6А.*

Только-что начавшие сосредоточиваться под Казанью части 5-й красной армии в пределах возможного в ряде боев с 1-го по 6-е августа сдерживали натиск белых, при чем вся тяжесть боев легла на части 4-го и 5-го стр. латышских полков [1]), но все их усилия только отсрочили, но не отвратили падения Казани, которая была захвачена чехо-словаками 6-го августа 1918 года. Успехам противника под Казанью много способствовали моральное разложение на судах волжской военной флотилии, которые, не принимая боев с вооруженными пароходами противника, спешно отходили перед ними вверх по Волге, и измена

---

[1]) „Сборник трудов ВНО при Военной Академии“, книга III, изд. ВВРС, 1922 года. Статья К. Подгорецкого, „Борьба за Казань“, стр. 5—18.

в самый момент боев за непосредственное обладание городом сербского интернационального батальона, занимавшего казанский кремль.

Взятие Казани явилось последним звеном в цепи тех значительных успехов, которыми сопровождалось начало кампании на Восточном фронте для белых. Эти успехи явились естественным результатом того основного условия, что на Восточном фронте у красных первоначально не было ни достаточных сил, ни достаточной организации, поскольку регулярная Красная армия находилась еще в периоде своего творчества; фактически вся тяжесть первоначальной борьбы опять-таки легла на местные формирования партизанского и полупартизанского типа, подобные тем, которые мы имели случай охарактеризовать, говоря о кампании на Украине.

Стремление противника подать руку десантам Антанты на беломорском побережье во времени совпало с теми решительными операциями, которые они предприняли там в моменты наибольших успехов белых на Восточном фронте.

ГЛАВА IX.

Образование Сев. фронта и развитие борьбы на прочих фронтах.

Образование Северного фронта. Выводы. Возникновение Южного фронта и летняя кампания на нем в 1918 году. Выводы. Осенняя кампания 1918 года на Восточном фронте; обратное взятие Казани. Летняя и осенняя кампания 1918 года на северном Кавказе. Летняя и осенняя кампании 1918 года в Терской области. Выводы.

Образование Северного фронта. *Схема № 5.*

Поскольку Северный и Восточный белые фронты обнаружили взаимное оперативное тяготение, нам представляется необходимым, прежде чем перейти к изложению дальнейших событий на Восточном фронте, остановиться на обстоятельствах возникновения Северного фронта.

Заняв Мурманск в конце июня 1918 года, английский флот в течение месяца медленно рекогносцировал беломорское побережье, высадив, между прочим, десант в Сороках и заняв Соловецкие острова, после чего англичане начали готовиться к захвату Архангельска, распространяясь в то же время к югу по Мурманской железной дороге.

Силы, которыми в это время располагало красное командование в Мурманском крае и на беломорском побережье, не превышали 4.000 чел., разбросанных на огромном пространстве, при чем наиболее значительный из гарнизонов (в Архангельске) не превышал 600 чел. [1]).

Центральное командование, рассматривая беломорское побережье, как второстепенный и притом лишь эвентуальный фронт, не предполагало, да и не могло, учитывая действительную опасность на востоке и юге, значительно усилить этот фронт живою силою. Поэтому в предвидении возможности неприятельского десанта было заблаговременно приступлено к эвакуации военного имущества и огнеприпасов по реке Сев. Двине на Котлас.

Пока интервенты готовились к вторжению на беломорское побережье извне, белогвардейцы в этом районе, подобно тому, как они это делали в других местах, готовились к взрыву изнутри.

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 344, л. 326.

Иностранные военные миссии и тайные организации, еще начиная с мая месяца, направляли на север одиночным порядком и небольшими группами соответствующий элемент.

Подобно тому, как и во многих других местах, и в Архангельске зрела измена в среде высшего командного состава, который в лице бывшего полковника Потапова соответствующей группировкой гарнизона облегчил противнику овладение этим городом при помощи десанта с моря и взрыва изнутри, что произошло 2-го августа 1918 г. [1]).

Для уяснения себе дальнейшего хода кампании на этом фронте, необходимо припомнить характерные особенности этого театра, позволявшие вести операции более или менее значительными силами лишь на определенных направлениях, совпадавших обыкновенно либо с направлением железнодорожных линий, либо с течением больших рек.

Кроме того, продолжительные осенняя и весенняя распутицы вызывали вообще прекращение сколько-нибудь значительных операций на продолжительное время. Таким образом, вся суть операций на этом театре сводилась к борьбе за дефиле, что придавало само по себе ей длительный характер и не позволяло ни той, ни другой стороне развернуть значительные силы.

Английское командование, руководившее продолжительное время вполне самостоятельно операциями на этом фронте, к моменту начала решительных действий располагало силами, несравненно превосходящими те, которые им первоначально могли быть противопоставлены красным командованием.

Действительно, в несколько приемов союзниками было высажено в Мурманском крае 10.334 человека и в Архангельске 13.182 человека; сил русских белогвардейцев сначала хватило лишь на образование двух небольших партизанских отрядов [2]).

Для развития своих операций генерал Айорнсайд, командующий союзными вооруженными силами, располагал двумя операционными направлениями: одно совпадало с линией железной дороги и шло на Вологду, Ярославль и Москву, т.-е. в конечном итоге выводило в жизненные районы революции и в места, удобные для расположения и действия значительных войсковых масс; другое шло на Котлас, Вятку,

---

[1]) Н. П. Зеленов, „Трагедия Северной области“, Париж, 1922 г., стр. 7.

[2]) Там же.

совпадая до Котласа с р. Сев. Двиной, а далее с жел. дорогой Котлас—Вятка. Это направление пролегало по местности суровой, трудно доступной и выводило в район, не имевший ни политического, ни экономического значения и представлявший собою ту единственную выгоду в военном отношении, что по достижении его представлялась возможность искать связи с союзниками, действовавшими на Восточном фронте, при условии их беспрепятственного продвижения на Пермь и Вятку.

Тем не менее генерал Айорнсайд посчитал это второе направление за главнейшее и по этому направлению начал первоначально развивать свои главные усилия.

Продвижение союзных войск вдоль р. Сев. Двины совершалось медленно и с большими усилиями. Кроме суровой и негостеприимной природы и трудных местных условий, немалую задержку их продвижению оказывали наскоро вооруженные суда, вывозившие на Котлас запасы военного имущества из Архангельска и теперь использованные для военных целей.

Вообще продвижение союзников в глубь страны совершалось чрезвычайно медленно и осторожно. Они не использовали тех больших преимуществ, которые им давало их большое численное превосходство, и, потеряв драгоценное время, позволили советским войскам усилиться численно и укрепиться в дефиле.

Действительно, в течение всей осенней кампании союзники продвинулись в Мурманском крае лишь еще только на 40 кил. к югу от г. Сороки, далее их фронт проходил через Чекуево на р. Онеге, станцию Обозерская, Средь-Мехренга-Кодыш на р. Елице, Малый Березничек на р. Ваге, Топса-Тулгас на р. Северной Двине и через Труфанову гору на р. Пинеге [1]).

Упустив первоначально благоприятные для себя возможности быстрого продвижения к югу вдоль железнодорожных линий, противник в дальнейшем начал встречать уже упорное сопротивление частей Красной армии, и операции на этом фронте приобрели исключительно местное значение, сведясь к борьбе за отдельные узлы путей и отдельные направления, при чем широкое распространение получили действия отдельных обходных колонн.

Достигнув первоначальных успехов, противник надолго приостановился, и лишь с середины октября он вновь начал проявлять усиленную деятельность вдоль Архангельской

---

[1]) Н. П. Зеленов, „Трагедия Северной области", Париж, 1922 г., стр. 8.

железной дороги, стремясь овладеть узлом путей ст. Плесецкое [1]). В ноябре он стремился продвигаться от г. Шенкурска по р. Ваге по направлению к г. Вельску, стремясь, очевидно, оттуда выйти на линию Архангельской железной дороги, чтобы отрезать красные войска, действующие на архангельском направлении, от их базы.

Эти наступательные попытки не получили широкого развития как в силу трудности местных и климатических условий, так и в силу возросшего сопротивления красных войск.

Они к этому времени достигали численности 10.549 штыков, 210 пулеметов и 70 орудий и входили в состав 6-й красной армии.

Поскольку фронт состоял из отдельных направлений, войска, его занимавшие, образовали несколько отдельных колонн.

На архангельском направлении действовала архангельская боевая колонна, численностью в 941 шт., 40 пулеметов, 17 орудий; состав плесецко-селецкой боевой колонны определялся в 2.486 шт., 48 пул., 10 орудий; онежская боевая колонна состояла из 781 шт. и 13 пулеметов; в вельском районе действовал отряд в 739 штыков, 6 пулеметов, 4 орудия. Районный резерв архангельского района состоял из 930 шт. и 18 пулеметов; в районе Вологды группировались части, не входившие в состав колонн, общею численностью 336 шт. и 25 пул. Всего же в архангельском районе было сосредоточено 5.474 штык., 145 пулемет. и 27 орудий. Численность отрядов, действовавших на котласском направлении и в Печорском крае, определялась в 4.336 штыков, 59 пулем. и 39 орудий [2]).

Таким образом, уже к поздней осени 1918 г. определилось вполне второстепенное значение Северного фронта в условиях обстановки гражданской войны; и действительно, в последующем ее развитии операции на этом фронте всегда сохраняли свой исключительно местный характер. Некоторое оживление на этом фронте наступило лишь в начале 1919 г., чего мы своевременно коснемся.

Выводы.

Падение Казани и захват Архангельска десантом Антанты является пределом достижений белых в том первоначальном периоде кампании на Восточном и Северном фронтах, который мы только что описали. На-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 15, 17.
[2]) Там же, дело № 468.

чиная с этого момента, на фронтах боевых действий устанавливается известное равновесие, и хотя в ходе последующих операций и наблюдаются еще колебания в ту или иную сторону, но они имеют частное значение в общем масштабе гражданской войны.

Поэтому здесь представляется уместным подвести некоторые итоги этому первоначальному, наиболее бурному и подвижному периоду.

Несомненно, что контр-революционные силы достигли известных успехов, особенно значительных на Восточном фронте, но успехи эти далеко не соответствовали тем конечным целям, которые ставили себе интервенты.

Во многом причины неудачи плана интервентов в целом зависели и от способа выполнения ими своего плана.

Внутренние взрывы в городах на верхней Волге явились преждевременными по крайней мере на месяц; чехо-словаки около 2-х месяцев затратили на усиление своего положения на Урале. Английское командование, промедлив месяц с захватом Архангельска, в дальнейшем действовало настолько медленно и нерешительно, что конкретная опасность образования единого Северо-Восточного белого фронта растворилась в пространстве и времени.

Наличие этой опасности, не осуществившейся в силу несогласованности во времени и пространстве действий интервентов и белогвардейцев, обусловило внутренний перелом в настроениях страны и армии, когда „впервые все поняли, что страна стоит перед смертельной опасностью“ [1]).

Настроение это выразилось в массовом движении на фронты путем добровольных мобилизаций передового пролетарского элемента и членов компартии, которые и образовали крепкий позвоночник Красной армии.

Возникновение Южного фронта и летняя кампания на нем в 1918 году. *Схема № 5 и 6Б.*

Если возникновение Восточного фронта характеризуется рядом крупных, быстро одно за другим следующих событий, то „установление“ Южного фронта носит более замедленный и незаметный характер, являясь непосредственным результатом германской оккупации юга России.

И здесь, как и на востоке, очагом его образования является казачий район—область войска Донского.

Мы остановились в изложении событий, ареной которых явился Дон, на том моменте, когда надвигающаяся волна

---

[1]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том I, 1923 г., стр. 333.

германской оккупации раздула тлевшие на Дону искры повстанчества в большой пожар, при чем отряд партизан походного атамана Попова, скрывшегося на зиму в сальских степях, явился первым основным стержнем, вокруг которого начали нарастать и образовываться силы донского казачества, постепенно распространяясь к северным границам области.

Уже в конце апреля наметились более организованные группы повстанцев: две — в районе станицы Заплавской против Александровска-Грушевска и Новочеркасска, и на левом берегу Дону, против стан. Тихорецкой—задонская группа [1]).

6-го мая восставшими казаками был занят Новочеркасск, а 8-го мая казачьи и германские части с противоположных сторон вступили в Ростов. 11-го мая казаки овладели Александровском-Грушевском, после чего. обеспечив за собою известный плацдарм для формирований, приступили к энергичному увеличению своих сил,

В середине мая эти силы уже достигали 17.000 организованных бойцов при 21 орудии и 5 пулеметах [2]).

Следующей задачей донского командования было стремление подать руку восставшему казачеству северной части Донской области, которое развивало свои действия в направлении к Грязе-Царицынской жел. дор. Для этого необходимо было захватить рокадную линию железной дороги Царицын — Лихая, что и было осуществлено казаками на участке от Дона до Лихой.

Использовав свою старую военную организацию и территориальное военное устройство, донское казачество посредством мобилизации быстро увеличивало свои вооруженные силы, которые к середине августа достигали уже численности 40.000 бойцов при 93 орудиях и 281 пулемете [3]).

Столь значительный прирост вооруженных сил и возможность не разбрасывать их в пространстве, в силу благожелательной поддержки германцев, обеспечивавших левый фланг Донской армии своим выдвинутым по отношению к ней положением, позволили донскому командованию уже к середине августа 1918 г. распространиться по всей территории Донской области, за исключением лишь нескольких станиц восточной части Сальского округа.

---

[1]) Добрынин, „Борьба с большевизмом на юге России“, Прага, 1921 г., стр. 53.
[2]) Там же, стр. 56.
[3]) Там же, стр. 57.

Нарастание советских сил на южном участке нашей завесы происходило гораздо медленнее, и, как нам известно из главы VI, эти силы в середине июля 1918 г. не превышали 17.502 штык., 2.318 сабель, при 38 орудиях и 224 пулеметах. Учитывая выдвинутое в отношении Донской области положение немцев на Украине, что давало им возможность нанести удар во фланг советским войскам, углубившимся в Донскую область, представлялось невыгодным переносить борьбу на территорию Донской области в данный момент; кроме того, это не позволяло сделать и то наличие сил, которыми располагало советское командование на юге России.

С другой стороны, шевеление донских казаков в своем районе не представляло пока непосредственной опасности для революции. Донское казачество в своей массе вовсе не стремилось к походу на Москву, и в нем все-таки сильны были тенденции к возможно мирному улажению спорных вопросов с Советской властью; новому же „державцу“ Донской области—атаману Краснову тоже не особенно улыбалось скорое возвращение в лоно „единой и неделимой России“, и он предпочитал пока изображать роль самостийного главы „всевеликого“ войска Донского, стремясь лишь к выгодному „стратегическому“ округлению своих границ.

В этих целях донской „круг“ 1-го сентября издал „указ“ о занятии Донской армией ближайших узлов за донской границей: Царицына, Камышина, Балашева, Поворино, Новохоперска, Калача и Богучара [1]).

Эти вожделения доморощенного донского „империализма“ придали большое оживление осенней кампании на Южном фронте, при чем боевые действия обеих сторон свелись к борьбе за обладание рокадной линией жел. дороги: Камышин, Балашов, Поворино, Новохоперск, Лиски.

Для выполнения поставленной ему задачи донское командование, опирая свой левый фланг на фронт германской завесы в районе Валуек, произвело сосредоточение главной массы своих сил ближе к своему правому флангу, заслоняясь сильной группой со стороны Царицына.

К началу сентября противник сгруппировал на богучарско - калачском и поворинском участках до 12.000 человек (из них $^2/_3$ конницы и $^1/_3$ пехоты); на балашово-камышинском участке у него было сосредоточено 22.000 человек ($^1/_2$ конницы и $^1/_2$ пехоты), и царицынский заслон состоял из 12.000 человек ($^1/_3$ пехоты и $^2/_3$ конницы) [2]).

---

[1]) Добрынин. „Борьба с большевизмом на юге России“, стр. 60.
[2]) В.-уч. арх., дело № 22, лл. 289—293.

Однако, в выполнении своего общего плана наступления донское командование было упреждено красным командованием 10-й красной армии, образованной в районе Царицына из отрядов, отошедших с Украины еще весною, и из местных формирований.

Наступательные операции этой армии, имевшие целью разорвать блокаду казачьими частями Царицына, определили собою новый фокус упорной борьбы между обеими сторонами на царицынском направлении, что значительно затянуло эту первую наступательную операцию Донской армии, поведенную ею в сравнительно широком масштабе.

Прежде чем говорить о том, как развернулись операции обеих сторон, мы в двух словах остановимся на том значении, которое представлял Царицын и царицынский район для каждой из них.

В революционном отношении Царицын с его значительным и организованным рабочим населением являлся одним из важнейших жизненных центров революции на юго-востоке России; в экономическо-военном отношении он был важен для обеих сторон, как промышленный центр, в котором во время империалистической войны было устроено несколько заводов, работавших на нужды обороны; наконец, в стратегическом отношении он имел значение для обеих сторон, как крупный узел железнодорожных, водных и грунтовых путей.

В условиях общей политической и стратегической обстановки царицынский узел приобретал еще свое особое значение для каждой из борющихся сторон.

Обладая им, красные обеспечивали свое господство на нижней Волге, а благодаря этому и связь с Астраханью и северо-кавказским театром; утвердившись в нем, белые могли рассчитывать на установление более тесной оперативной связи с уральским казачеством, а через него и с Восточным белогвардейским фронтом.

Это значение Царицына в масштабе общероссийской контр-революции верно оценивалось донским атаманом Красновым, который в сентябре 1918 г. пробовал уговорить генерала Деникина предоставить кубанцев их собственным силам, а самому с Добровольческой армией двинуться на Царицын, от чего Деникин, однако, отказался.

Но, кроме этого, общего для всех контр-революционных фронтов, значения, Царицын имел не менее важное значение и для Донского фронта в частности.

Находясь на фланге этого фронта, в узле двух железнодорожных линий от Лихой и от Тихорецкой, сходившихся

к нему, он предоставлял красным возможность всегда использовать выгоды его флангового положения не только для удара непосредственно во фланг донским частям, продвигающимся на север, но и для глубокого маневрирования в тыл им, используя, как ось маневра, железнодорожную линию Царицын—Тихорецкая—Ростов.

Короче говоря, все успехи Донской армии на северных направлениях являлись непрочными при условии оставления Царицына в руках красных.

Казалось бы, это значение Царицына должно было сделать его центральным объектом действий главной массы Донской армии, учитывая ту чрезвычайно для нее благоприятную политическую и стратегическую обстановку, которая сложилась к концу лета 1918 года на границах Дона и Украины, и пассивность противника в силу его слабости на воронежском направлении.

Но донское командование, как это видно из группировки его сил, поступило обратно, почему и на этом фронте в результате последующих операций белым удалось сорвать лишь несколько эффектных, но непрочных успехов чисто-местного значения, не достигнув положительных для них результатов на их главном, т.-е. царицынском, направлении.

В противоположность белому командованию, важность царицынского района по достоинству была оценена красным командованием, которое в течение лета предприняло ряд энергичных мероприятий по качественному и количественному усилению войсковых частей, которым было вверено обеспечение этого важного для революции района.

Кроме того, значительная внутренняя реорганизационная работа была произведена и самим командным составом частей, сосредоточившихся в Царицыне.

Во время решительных операций, завязавшихся в царицынском районе, численность Красной армии, оборонявшей его, достигала уже 31.649 штыков, 7.816 сабель, 240 орудий, 1.005 пулеметов и 13 бронепоездов [1]), в то время как численность прочих войск „южной завесы“ не превышала еще 17.502 бойцов пехоты, 2.318 сабель, 224 пулем. и 38 орудий [2]) и по численности равнялась почти всей Донской армии, вместе взятой.

Эта мощная относительно группа, находившаяся на фланге всего Донского фронта, занимала выдвинутый плац-

---

[1]) „Сборник трудов ВНО при Военной Академии“, книга III, изд. ВВРС, 1922 г. Статья Ф. Анулова: „Красный Верден“, стр. 65.

[2]) В.-уч. арх., дело № 494, лл. 131—132.

дарм на правом берегу Волги впереди Царицына, при чем линия фронта проходила через ст. Гумрак, упираясь севернее ее в р. Волгу, а южнее примыкала к Волге у немецкой колонии Сарепты, захватывая ее в линию обороны.

С этой фланговой позиции 10-я армия короткими ударами прекращала попытки противника продвинуться к северу по направлению к ст. Иловля.

В связи с общим оживлением на Донском фронте и 10-я армия расширила масштаб своих операций. 22-го августа она перешла в общее наступление, развивая его эксцентрически вдоль трех железнодорожных магистралей, сходящихся у Царицына, а именно вдоль железной дороги Царицын—Поворино, вдоль железной дороги Царицын—Лихая и вдоль железной дороги Царицын—Тихорецкая, и, сбив противостоящий ей заслон, подошла к р. Дону на широком фронте, выйдя на тихорецком направлении на р. Сал, но здесь дальнейшее движение ее приостановилось в силу причин, установить которые нам не удалось, в то время как на своем левом фланге противник одержал ряд местных успехов, захватив г. Калач.

Относительная слабость сил противника не позволяла ему планомерно развивать своих успехов, заставляя прибегать всякий раз к перегруппировкам для нанесения очередного удара. В силу этого обстоятельства операции на Южном фронте носят прерывчатый во времени характер. Так случилось и на этот раз.

Угроза со стороны Царицына не позволила донскому командованию развить его успеха на воронежском направлении, а заставила его стянуть все свободные силы на царицынское направление для ликвидации успехов 10-й красной армии.

Для этой цели Краснову пришлось использовать свои резервные формирования, так-называемую „постоянную армию“, которая была укомплектована молодыми призывными возрастами и насчитывала до 15.000 бойцов пехоты и кавалерии [1]).

Эти силы, введенные в дело на царицынском направлении, в середине сентября вновь склоняют успех на сторону донского командования. Наступая на Царицын с юга и запада, донские части сбили части 10-й армии с линии Сала и с линии Дона, принудив их отойти на фронт: хутора Захаров, Майорский, Калач (Донской), ст. Кривомузгинская,

---

[1]) Добрынин, „Борьба с большевизмом на юге России“, стр. 60.

станция Котельниково, хутор Крылов, с. Заветное (Астраханской губ.), где они временно и приостановились [1]).

Октябрь характеризуется крайним напряжением сил Донской армии, при чем ее активные действия начинают развиваться на флангах ее общего фронта в двух расходящихся операционных направлениях: на Царицын и на Воронеж.

На царицынском направлении Донская армия, усилившись новыми частями, в начале октября переходит в концентрическое наступление на Царицын, имея главными осями наступления те же три железнодорожные линии, которые сходятся к Царицыну, и к 17-му октября оттесняет 10-ю армию на узкий плацдарм перед самым Царицыном: ее фронт проходит теперь через с. Пичугино, ст. Качалино, ст. Воропоново и кол. Сарепта.

Однако, на этом и заканчиваются успехи Донской армии. Ее фланги в свою очередь попадают под удары с юга кавалерийской дивизии Жлобы, оторвавшейся от войск северокавказской группы красных, и с севера группы войск красных, действующих со стороны ст. Себряково, что вынуждает противника выпрямить свой фронт и отойти на линию Гнилоаксайская, Лепичево, Калач, р. Дон до устья реки Иловли.

На этом боевые операции на царицынском направлении временно приостановились до декабря месяца.

Тем временем на остальном участке Донского фронта упорные бои завязываются на воронежском направлении, обороняемом частями 8-й армии, только что образованной из частей войск южного участка завесы.

Напрягая последние усилия и умело используя свое превосходство в коннице, донское командование упорно стремится к вынесению своей линии фронта до наступления зимы из пределов Донской области.

Действия обеих сторон сводятся к упорной борьбе за рокадную линию железной дороги Балашов, Поворино, Новохоперск, Бобров, Лиски, при чем операции местами носят встречный характер и проходят с переменным успехом.

Главный удар донское командование направляет на участок железной дороги Таловая—Бобров—Лиски, при чем Бобров несколько раз переходит из рук в руки, и наконец Бобров окончательно остается в руках белых, после

---

[1]) „Сборник ВНО", книга III. Статья Анулова: „Красный Верден", стр. 70.

чего 23-го ноября донские части захватывают ж.-д. станцию Лиски с постоянной переправой через р. Дон, а 1-го декабря в их руки переходит г. Новохоперск [1]).

Вместе с тем донское командование развивает вспомогательный удар и на камышинском направлении, в разрез между 9-й и 10-й армиями, правда, небольшими силами; в половине ноября конные части противника прорываются к самому Камышину, обстреливая его артиллерийским огнем [2]), что заставляет красное главное командование принять экстренные меры для обеспечения Камышина и течения реки Волги севернее него, для чего приказано срочно перебросить с Восточного фронта на камышинское направление Инзенскую стрелковую дивизию в распоряжение командующего 9-й армией, а командующему Южным фронтом принять все меры к ликвидации прорыва, могущего развиться в прорыв на Саратов.

Кроме того, главком Вацетис 14-го ноября указывает командующему Южным фронтом на необходимость: 1) в первую очередь овладеть железной дорогой Борисоглебск—Царицын, 2) установить порядок в 8-й армии и „властною рукой“ двинуть ее вперед [3]).

К этому времени группировка сил противника на фронте носит характер сильного уплотнения на воронежском направлении, где его силы на участке 8-й армии определяются в 17.900 штыков, 6.400 сабель при 34 легких и 3 тяжелых орудиях; на балашовском направлении против 9-й армии противник держит только 7.600 штыков и 6.000 сабель при 17 орудиях, и, наконец, на царицынском направлении у противника опять намечается более плотная группировка в 25 пехотных и 15 кавал. полков при 34 орудиях (т.-е., считая в среднем численность пехотного полка в 500 чел. и кавал. полка в 400 сабель,—12.000 бойцов пехоты и 6.000 сабель [4]).

Выход за пределы Донской области достался донскому командованию ценою тяжелого форсирования сил своей армии. Моральное состояние Донской армии начинало падать, и в ней начали возникать мнения о бесполезности дальнейшего сопротивления, что вскоре повело к разложению Донского фронта [5]), совпавшему с нарастанием сил южного красного фронта.

---

1) Добрынин, „Борьба с большевизмом на юге России“, стр. 62. В.-уч. арх. дело № 282, л. 329.

2) В.-уч. арх., дело № 282, л. 329.

3) В.-уч. арх., дело № 1446.

4) В.-уч. арх., дело № 200, лл. 40—49.

5) Добрынин, „Борьба с большевизмом на юге России“, стр. 60—64.

Таким образом, конец ноября является поворотным моментом в ходе кампании 1918 года на Южном фронте. В дальнейшем наступательная инициатива все больше и больше начинает переходить на сторону красных армий, хотя оборона Донской армии в течение последующего месяца носит еще в высшей степени активный характер, сопровождаемый многими частными успехами.

Эта активность красного южного фронта объясняется теми значительными подкреплениями, которые удалось сосредоточить на нем в течение осени 1918 г., благодаря тому перелому в кампании, благоприятному для Красного оружия, который наступил на Восточном фронте осенью же 1918 года.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению событий и обстоятельств, вызвавших этот счастливый перелом кампании на Восточном фронте, мы остановимся на тех выводах, которые вытекают из первого периода кампании на Южном фронте.

Выводы. При рассмотрении действий командования обеих сторон за истекший период кампании не следует упускать из виду одного основного обстоятельства, а именно, что Красная армия в этот период времени находилась еще в периоде процесса роста и перехода к правильным организационным формам, почему от нее нельзя было требовать того полного коэффициента полезной работы, который соответствовал ее численности. Учитывая это обстоятельство, нельзя мерить равной меркой достижения ее и ее противников, отличавшихся первоначально лучшей организацией и сплоченностью. Поэтому в наших выводах мы остановимся, главным образом, на оценке оперативных планов обоих командований.

В своем месте мы подчеркнули уже недостаточную оценку белым командованием значения для него царицынского района.

В последующем ходе кампании это значение в полной мере выявилось и заставило белых стянуть на царицынское направление несравненно более значительные силы, чем они назначили на него первоначально.

Однако, это сосредоточение уже запоздало во времени. В условиях наших театров, бедных железнодорожными путями, в полной силе сохраняется правило, что „ошибки первоначального развертывания с трудом исправляются в течение последующей кампании“, и борьба за царицынский

район показала верность этого правила в условиях гражданской войны.

Даже прорыв в саратовском направлении, минуя Царицын,—прорыв, возможность которого так обеспокоила главное командование красных, был по существу неопасен в условиях пребывания 10-й красной армии в царицынском районе, поскольку в таком случае всегда являлась возможность взять в клещи прорвавшегося противника со стороны Царицына и Борисоглебска, что главком Вацетис и указывал команд'южу Славену, подчеркивая необходимость скорейшего обеспечения за собой железной дороги Борисоглебск—Царицын.

Неудача на главном царицынском направлении ставила на карту все успехи донцов на воронежском направлении, которое для них не могло явиться главным, если только они не преследовали цели исключительно собственными силами захватить Москву, а на иные силы, кроме своих, они при сложившейся политической и стратегической обстановке рассчитывать не могли.

Таким образом, главною ошибкою белого командования за рассмотренный период кампании мы считаем неправильную оценку операционных направлений и форсирование сил своей армии, что ускорило процесс ее разложения.

Обращаясь к действиям красного командования, мы должны прежде всего еще раз отметить главную положительную сторону его в правильной оценке значения различных участков и районов Южного фронта. Прочное удержание в своих руках царицынского узла предотвратило возможное соединение белых армий Восточного и Южного фронтов, что для революции было несравненно опаснее, чем соединение Северного и Восточного контр-революционных фронтов.

10-я красная армия в мере своих сил и возможностей стремилась использовать выгоды своего флангового положения в отношении Донского фронта. Ее связанная активность, на наш взгляд, зависела не столько от неправильной или недостаточной оценки обстановки ее командованием, сколько от внутренних возможностей самой армии, зависевших от ее организации и боевой устойчивости.

Осенняя кампания 1918 г. на Восточном фронте. Обратное взятие Казани. *Схемы № 6В и 8.*

Мы оставили Восточный фронт в момент развития на нем наибольшего успеха белых, когда они ударом по начинавшей только сосредоточиваться 5-й красной армии овладели Казанью.

Последующий период кампании на этом фронте, в течение примерно месяца, характери-

зуется упорной борьбой обеих сторон в казанском районе; белые стремятся закрепить достигнутый успех и прочно утвердиться на р. Волге; красные преследуют цель восстановления своего положения в казанском районе.

Весь этот эпизод развертывается в плоскости исключительно тактической, поскольку в рамках „армий" и „групп" действуют отдельные отряды и отрядики силою от нескольких рот до нескольких батальонов.

Наиболее поучительным во всем этом эпизоде с нашей точки зрения является то ничтожное количество сил, которыми обе стороны решали задачи крупнейшего стратегического масштаба.

Действительно, силы обеих сторон в казанской операции первоначально исчислялись: на правом берегу Волги у красных было 1.200—1.500 чел. пехоты, 4 легких и 2 тяжелых орудия против 1.200 чел. белых при 4 орудиях; на левом берегу Волги красные располагали 2.000 чел. пехоты, 270 саблями, 9 орудиями и 1 бронепоездом против 900 чел. белых, располагавших всего 2 орудиями и 1 бронепоездом.

Следует иметь в виду, что в состав этих сил белых уже входило 2 офицерских батальона и пеший офицерский эскадрон, которые им дала мобилизация офицеров в Казани.

Таким образом, у красных было с самого начала превосходство в живой силе и, главное, в артиллерии. Это превосходство в последующие дни продолжало быстро расти. На ст. Свияжск прибывали один за другим эшелоны с подкреплениями, которые затем распределялись по группам. Попутно производилась большая организационная работа по укреплению боеспособности частей; в первую очередь была приведена в этом отношении в порядок волжская речная флотилия.

Тотчас по занятии Казани противник пытался захватить постоянную железнодорожную переправу у Свияжска—Романовский (ныне Красный) мост; для этой цели он мог выделить всего один батальон пехоты с 2 легкими орудиями и 1 бронепоездом, которые наступали на этот мост по левому берегу Волги от Казани, в то время как по правому берегу Волги в направлении на Свияжск наступало два батальона пехоты при одной легкой батарее.

Эти наступательные попытки белых были отбиты, после чего красные войска сами перешли в наступление, развивая главный удар от того же самого моста в направлении на Казань. Борьба на подступах к Казани длилась около трех недель, при чем в начале сентября оперативное содействие 5-й армии, наступавшей от Свияжска, начал оказывать

с севера, от Арска, правый фланг 2-й красной армии, отошедшей в это время под натиском белых отрядов с р. Камы на р. Вятку.

Благодаря совместным усилиям обеих этих групп, Казань пала 10-го сентября 1918 г., и отряды противника начали спешно отступать на Лаишев и Буинск [1]).

Падение Казани определило собой поворотный момент если не всей кампании на Восточном фронте, то по крайней мере на средневолжском бассейне.

Вклинение между внутренними флангами 2-й и 1-й красных армий 5-й красной армии, представлявшей к моменту взятия Казани уже достаточно организованную и численно возросшую силу, развязало их, позволило их сгустить и дало возможность в свою очередь обеим этим армиям перейти к широким активным действиям.

1-я армия развивала свои операции в главном направлении на Симбирск, который пал под ее ударами 12-го сентября, при чем передовые части этой армии переправились на левый берег Волги у Симбирска, однако, вскоре контр-ударом противника временно вновь были оттеснены на правый берег.

2-я армия, использовав освободившуюся после падения Казани свою арскую группу, приступила к энергичному очищению от отрядов противника бассейна р. Вятки, каковая операция и была ею выполнена к 24-му сентября, после чего эта армия начала операции на нижнем течении р. Камы.

В дальнейшем правый фланг 5-й армии, оказав содействие 1-й армии по закреплению ее положения под Симбирском, растянулся к югу, сменив части 1-й армии на симбирском направлении, которая получила возможность, таким образом, сосредоточить все свои усилия на самарском направлении.

Неудачи на фронте сопровождались внутренним разложением в рядах противника. Так, разведывательная сводка 5-й армии от 14-го сентября отмечает „массу перебежчиков" со стороны противника, при чем в один только день перебежало 200 человек [2]).

Это обстоятельство, кроме всех прочих, ускоряющим образом действовало на отход противника, который отступал из-под Казани в двух направлениях: часть его двигалась вверх по Каме по направлению к Чистополю; другая

---

[1]) „Сборник трудов ВНО при Военной Академии", книга III, изд. ВВРС, сентябрь 1922. К. Подгорецкий, „Борьба за Казань", стр. 3—39. В.-уч. арх., дело № 192, л. 4.

[2]) В.-уч. арх., дело № 192, лл. 12–14.

часть шла южнее Спасска, очевидно, для присоединения к симбирской группе своих войск; эта часть состояла из 2.000 чел. при 12 орудиях. Чистопольская группа противника, не задерживаясь на Каме, двинулась на Бугульму.

Оперативное донесение 5-й армии от 24-го сентября гласит, что „в виду глубокого отхода противника на участке 5-й армии связь с ним и наблюдение за действиями и группировкой сил временно порвана". Более упорно противник задерживался на симбирском направлении, очевидно, поджидая свои отряды из-под Казани. Бои под Симбирском с переменным успехом продолжались до 29-го сентября, когда противник, наконец, отошел под натиском наших войск из окрестностей Симбирска на ст. Мелекес, при чем в этом районе у него была обнаружена довольно плотная группировка в количестве до 4-х пехотных полков [1]).

В пространственности театра следует искать объяснение причины того явления, что столь крупное развитие казанской операции, являвшееся, если события мерять масштабом империалистической войны, по существу стратегическим прорывом фронта противника, нисколько не отразилось на положении и устойчивости его северного фланга. Наоборот, операции в бассейне средней и верхней Камы за описываемый период времени проходили под знаком постепенного нарастания успехов противника. Левый фланг его общей группировки в этом районе находил себе прочную опору в виде местного повстанческого очага ижевско-воткинского района, о котором мы говорили в своем месте и борьба с которым принимала длительный и упорный характер, связывая маневренную свободу 2-й красной армии.

3-я красная армия, оперировавшая на пермском направлении, в свою очередь была связана значительными силами противника, сосредоточенными им в этом направлении. Здесь в треугольнике Верхотурье—Сарапуль—Екатеринбург у противника было сосредоточено 28.330 штыков, 227 пулеметов, 68 орудий, 3.180 сабель, 10 бронепоездов и бронеплощадок, 4 аэроплана [2]).

К этим силам надлежит еще прибавить силы повстанцев ижевско-воткинского района, которые красным командованием определялись в 5.500 чел. вооруженных бойцов при 9 орудиях и около 4.000 невооруженных рабочих и крестьян, обучавшихся в районе Ижевского завода [3]).

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 192, лл. 21—69.
[2]) В.-уч. арх., дело № 192, лл. 91—94.
[3]) В.-уч. арх., дело № 210, лл. 1—4.

Таким образом, общее количество сил противника, оперировавших на пермском направлении, можно определить в 32—33 тысячи пехоты при 77 орудиях, 3.180 сабель, 10 бронепоездов и бронеплощадок и 4 аэроплана.

Уже в октябре намечался в общих чертах и план противника на этом направлении. РВС 3-й армии в одном из своих донесений отмечал, что „противник концентрирует силы в районе Пермской железной дороги и в то же время совершает обход нашего левого фланга около Верхотурья“ [1]).

Однако, те же условия пространства в связи с трудными местными условиями и суровым временем года вызывали крайне медленное нарастание кризиса операций на этом участке.

Тем временем центральные и правофланговые армии Восточного фронта продолжали развивать свои успехи, продвигаясь в восточном направлении. Вслед за падением Симбирска красные войска в течение первой половины октября овладели Сызранью, Самарой и широким фронтом перенесли свои операции на левый берег р. Волги, продвигаясь к г. Уфе. Более упорное сопротивление противник оказывал лишь на линии Самаро-Уфимской железной дороги, где фронт долгое время держался в 70 килом. восточнее Самары, но зато на более северных к Уфе направлениях наступление красных частей продолжало развиваться успешно, и в период времени между 20-м и 25-м октября они уже вышли на фронт Бугульма — Мензелинск, оказавшись, таким образом, на уступе вперед по отношению к 3-й красной армии.

Разложение противника на уфимском направлении продолжало увеличиваться; согласно донесений с фронта „наблюдалась массовая добровольная сдача белых с оружием в руках“ [2]).

Наконец, в начале ноября на фронте 2-й красной армии был достигнут серьезный успех: линия фронта этой армии значительно продвинулась вперед после того, как „внезапным продвижением вперед был взят Ижевский завод“ [3]), вслед за которым белыми вскоре был очищен и воткинский район.

В то же время обстановка на фронте 3-й армии рисовалась более устойчивой: ряд нажимов противника на части, расположенные к северо-западу от Верхотурья, не увен-

---

[1]) В.-уч. арх., дело № 192, лл. 101—102.
[2]) В.-уч. арх., дело № 192, лл. 150—151.
[3]) В.-уч. арх., дело № 210, л. 251.

чался никаким успехом; на кунгурском направлении красные войска несколько потеснили противника к востоку [1]).

Вместе с тем сведения, поступавшие из тыла белых армий Восточного фронта, рисовали далеко не благоприятную для них картину. Согласно агентурных сведений мобилизация в „Народную армию“ проходила неудовлетворительно; в качестве иллюстрирующего материала сводка приводила сведение, что в г. Камышлове из мобилизованных 9½ тысяч человек осталась только половина, а остальные разбежались—кто куда. Пленные жаловались на недостаток питания и плохое обмундирование. В крупных административных, промышленных и железнодорожных центрах образовывались конспиративные революционные организации. Наконец, противник спешно эвакуировал города Уфу и Челябинск [2]).

Таким образом, в начале ноября 1918 года положение на Восточном фронте, по крайнем мере, на значительной его части, давало ряд вполне благоприятных предпосылок для дальнейшего хода кампании.

Медленное развитие операций противника в пермском районе и устойчивость частей 3-й армии, позволявшая им на некоторых участках вести даже активную оборону, позволяли надеяться, что 3-я армия сумеет продержаться собственными силами еще значительное время. Дальнейшее усиление Восточного фронта не представлялось главному красному командованию необходимым, тем более, что на других фронтах назревали новые события, которые, в связи с общим изменением внешней политической обстановки после революции в Германии, должны были совершенно видоизменить относительное значение всех фронтов, оживить те из них, которые, как, например, западный, в первый период гражданской войны находились в состоянии пассивном, и перенести точку приложения главных сил революции на совершенно иные театры, еще более расширив область распространения гражданской войны. (*Схема № 8*).

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этого события, явившегося одним из наиболее ярких поворотных моментов в ходе нашей гражданской войны, мы для полного уяснения себе той общей стратегической обстановки, которая сложилась к этому времени на всех фронтах, должны предварительно остановиться на тех из них, события на которых в силу их обособленности или пассивности протекали вне общей связи с боевыми операциями на Северном, Восточном и Южном фронтах гражданской войны.

---

[1]) Там же, л. 251.

[2]) В.-уч. арх., дело № 254, лл. 121—129.

Летняя и осенняя кампания 1918 г. на северном Кавказе. *Схема № 7.*

Северный Кавказ в течение всего 1918 г. явился обособленным театром, на котором развивалась борьба местных сил. События на этом театре не могли влиять непосредственно на положение обеих сторон на главных театрах гражданской войны и имели первоначально чисто-местное значение.

Однако, окончательный исход борьбы на этом театре оказал уже непосредственное влияние на обстановку на главных театрах войны, освободив главное ядро белых сил на северном Кавказе—Добровольческую армию и кубанские формирования для действий на других театрах, что в первую очередь сказалось на ходе кампании на юге России в 1919 г.

С этой точки зрения нас должны заинтересовать как ход самой борьбы на северном Кавказе, так и те причины, которые обусловили неудачи красной стороны, несмотря на значительность сил, которыми она располагала.

Мы в предыдущей главе отметили уже зарождение того контр-революционного брожения, которое началось с весны 1918 г. в массах кубанского казачества, а также причины, его обусловившие.

Это движение с течением времени продолжало крепнуть, несмотря на отсутствие тех первичных ячеек организованной военной силы, которая могла бы дать ему опору и влить его в определенное организованное русло, поскольку Добровольческая армия в это время вновь находилась за пределами Кубани.

Однако, на смену ей явился другой фермент-возбудитель, правда, с ограниченной сферой влияния, в виде германских оккупационных войск, распространившихся в Крыму к середине мая 1918 г.

Здесь, как и в Донской области, повторилось одинаковое явление, но в меньшем масштабе.

Как только германские войска заняли Керчь, казаки Таманского полуострова подняли открытое восстание против Советской власти, приняли германскую ориентацию и призвали к себе на помощь немцев.

Немцы поддержали кубанских казаков Таманского полуострова так же, как они поддерживали и донцов, высадив на Тамани небольшой десант силою в 1 пехотный полк [1]).

---

[1]) „Материалы по истории Красной армии", том I, изд. ВВРС, 1923 г. Е. Ковтюх, „Походы красной Таманской армии", стр. 435.

Объектом действий этих контр-революционных сил явился г. Темрюк, местный революционный центр, для защиты которого кубанскому областному совету, кроме местных сил, там уже имевшихся, пришлось направить еще значительные силы из других мест.

Кроме Таманского полуострова, значительные силы пришлось красному командованию держать и на ростовском направлении против оккупировавшей его германской пехотной дивизии и против возможного нового выступления Добровольческой армии, приводившейся в порядок в районе Новочеркасска.

Силы эти составились из отрядов местного формирования, ранее оперировавших на Кубани против Добровольческой армии, и из отрядов, отхлынувших с Украины под натиском немцев и осевших по линии Владикавказской железной дороги.

Те и другие отряды были объединены под общим начальством Сорокина, при чем между ними не было спайки и единения; общая численность их доходила до 30.000 чел., и центральным районом их расположения являлась ст. Тихорецкая [1]).

Те и другие отряды, особенно украинские, были плохо организованы и не отличались боевою устойчивостью.

На Таманском полуострове борьба велась с переменным успехом, при чем красные прочно удерживали в своих руках г. Темрюк с прилегающим к нему районом.

Такова была общая обстановка на Кубани, когда в июне Добровольческая армия, не желая действовать совместно с донцами, к этому времени открыто принявшими германскую ориентацию, вновь двинулась на Кубань.

Первые удары этой армии обрушились на группу Сорокина, при чем белым удалось быстро захватить участок железной дороги Батайск — Сосыка, развивая свое наступление со стороны р. Маныча.

В дальнейшем Добровольческая армия начала продвижение на ст. Тихорецкую и, заняв ее обходом с севера, отрезала северный Кавказ от ближайшего сообщения с революционным центром через Царицын.

Группа Сорокина оказалась отброшенной главными своими силами на участок железной дороги Ейск — Екатеринодар между ст. Новоминская и покатилась далее на

---

[1]) „Материалы В. И. О.“ штаба РККА. Рукопись т. Свечникова, стр. 11.

ст. Тимошевская, где ее, наконец, удалось привести в порядок [1]).

Таким образом, г. Екатеринодар с пребывавшими в нем главными органами управления северного Кавказа оказался открытым для удара со стороны Тихорецкой.

Для управления военными операциями екатеринодарские власти создали „чрезвычайный военный комиссариат Кубанской области“, который немедленно начал стягивать подкрепления к Екатеринодару со стороны Таманского полуострова [2]); однако, вскоре в командование всеми красными силами на северном Кавказе вступил Сорокин [3]).

Заняв Тихорецкую, добровольцы направили на Екатеринодар отряд, силы которого наши источники определяют в 5 батальонов и 2 казачьих полка.

Этот отряд быстро продвигался вдоль линии железной дороги от Тихорецкой на Екатеринодар, сбивая на пути те части красных войск, которые пытались оказать ему сопротивление [4]).

Эти части, вконец деморализованные, собирались в Екатеринодаре. Неоднократно цитируемый нами автор Е. Ковтюх следующими словами характеризует состояние этих войск: „Везде среди разбегающихся частей раздавались крики: „Продали нас и пропили!“ Власти были бессильны что-либо сделать с этой разъяренной массой. А противник уже находился в 18 верстах от Екатеринодара“ [5]).

Однако, в это время с Таманского полуострова начали подходить к Екатеринодару первые подкрепления, состоявшие из более стойких и недеморализованных частей.

Эти части совместно с сохранившими некоторую боевую устойчивость частями екатеринодарского гарнизона, в количестве 2-х пехотных и одного кавалерийского полков при общей численности в 6.700 штыков, 1.700 сабель при 7 полевых орудиях, 23-го июля задержали противника у ст. Динской, а затем начали теснить его к северу [6]).

Вместе с тем и оправившаяся армия Сорокина вновь перешла от ст. Тимошевской в наступление, двигаясь

---

[1]) Там же, стр. 12.

[2]) „Материалы по истории гражданской войны“, том I, стр. 442.

[3]) Рукопись М. Свечникова, стр. 12.

[4]) „Материалы по истории гражданской войны“, том I, стр. 442.

[5]) Там же, стр. 443.

[6]) Там же, стр. 444—446.

двумя колоннами на станции Кореневскую и Выселки, т.-е. на перерез железной дороги Тихорецкая — Екатеринодар и в тыл противнику у ст. Динской [1]).

В свою очередь белые были принуждены к поспешному отступлению, и красные войска вновь на 50 килом. приблизились к Тихорецкой, но в это время последовал второй удар со стороны главных сил Добровольческой армии, при чем армия Сорокина откатилась на этот раз за реки Кубань и Лабу, оставив Екатеринодар и потеряв связь с войсками, действовавшими на Таманском полуострове и к западу и югу от Екатеринодара. Вместе с тем части Добровольческой армии овладели Ставрополем. Одновременно с этими неудачами красных войск повстанчество широкой волной охватило всю территорию кубанского войска.

Один из использованных нами авторов, т. Свечников, одну из причин этого общего взрыва видит в том, что во время контр-наступления армии Сорокина „советские войска, особенно украинские, подвергли полному разгрому станицы казаков, лежавшие по дороге, совершенно не считаясь со степенью их обеспеченности, что естественно бросило кубанских казаков из революционного лагеря в руки Деникина и Алексеева“ [2]).

Отрезанные от главных сил Сорокина отряды вынуждены были покинуть Таманский полуостров и начали стягиваться в район Новороссийска, стремясь найти кружный путь для выхода на северный Кавказ; вместе с деморализованными войсковыми частями перемешались и беженцы, число которых доходило до 25.000 чел. Однако, численность вооруженных сил была весьма значительна. Согласно Е. Ковтюху, боевой состав одной только его колонны определялся в 12.000 штыков, 600 сабель при одном полевом орудии; прочие части, по примеру колонны Ковтюха, также объединились в колонны не меньшей численности. Начальники их, выбранные своими частями, установили род конституции, по которой „колонны должны были управляться каждая своим командующим, но в бою должны друг-другу помогать“. После этого все колонны, сопровождаемые беженцами, двинулись в путь к Новороссийску, при чем колонна Ковтюха от ст. Крымской ехала, погрузившись в эшелоны. Новороссийск был занят в это время уже немецкими и турецкими войсками. Однако, они беспрепятственно пропустили две передовых колонны и лишь при приближении третьей, на хвост кото-

---

[1]) Рукопись т. Свечникова, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 12.

рой наседали преследовавшие ее казаки, погрузились на свои пароходы и с них обстреляли скопившиеся в Новороссийске белые и красные войска.

В дальнейшем все колонны уже походным порядком двигались по побережью Черного моря на Геленджик и Туапсе. 1-го сентября они выбили из Туапсе занимавшую его грузинскую дивизию, после чего свернули вдоль железной дороги на Армавир. В бою у Туапсе они захватили у грузин 16 полевых орудий и значительное количество огнеприпасов.

На этом участке своего пути им пришлось вновь прорываться с боями сквозь казачьи части генерала Покровского, высланные на перерез им из Екатеринодара. После упорных боев под станицами Пшехской и Белореченской они 17-го сентября под Армавиром соединились, наконец, с армией Сорокина [1]).

И на этот раз подход таманских частей выручил армию Сорокина из трудного положения. Начиная с 15-го сентября, белые после очередной своей перегруппировки вели сильные атаки на Армавир и ст. Невинномысскую. Положение Сорокина сильно затруднялось еще и тем обстоятельством, что целые полки его армии самовольно снимались с позиций и уходили частью в район ст. Минеральные Воды и Пятигорска, частью на север степями к Царицыну.

Благодаря этому обстоятельству, белым удалось 18-го сентября овладеть Армавиром и ст. Невинномысской, но 21-го сентября они были выбиты из Армавира войсками Таманской армии, которая вслед затем заняла фронт: Армавир, Михайловская, Дондуковская, прикрыв армию Сорокина. Взятие Невинномысской было возложено на части армии Сорокина, что было выполнено не без трений, при чем дело доходило до междоусобных стычек в 5 километрах от противника.

Силы Таманской армии в это время определялись в 30.000 штыков, 4.000 сабель, 141 пулемет и 32 орудия [2]).

После этих боевых эпизодов на фронте обоих противников наступило временное затишье, чем воспользовалось красное командование для реорганизации и приведения в порядок своих сил.

Из всех частей, занимавших район: Ставрополь, Армавир, Невинномысская, было сформировано пять колонн, кавалерийский корпус и особая ставропольская группа.

---

[1]) „Материалы по истории Красной армии", том I, стр 449—486.

[2]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 13—17.

Общая их численность достигала 150 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра [1]).

Расположение этих сил было следующее:

Таманская армия заняла фронт от г. Армавира на ст. Михайловская, далее фронт ломался под прямым углом и шел на станции Родниковская и Лабинская. „Колонны" Сорокинской армии держали фронт от Армавира до Невинномысской; в Благодаренском уезде Ставропольской губернии действовала ставропольская группа [2]).

На фронте Таманской армии силы противника исчислялись в 10 тысяч штыков и сабель при 12 орудиях [3]). С этими силами противник пытался несколько раз отбить обратно Армавир. 30-го сентября, доведя свои войска, действующие непосредственно против Армавира, до 10 тыс. штыков и сабель, он ворвался-было в город, но с большими потерями был выбит обратно, при чем два его офицерских полка были разбиты на-голову. Попытки противника одновременно вести атаки на западный фас расположения красных армий также были отбиты.

Таким образом, в операциях наступил известный перелом, воспользовавшись которым, красное командование само решило перейти к активным действиям.

Предстояло выбрать план действий, и тут возникли крупные разногласия в отношении плана дальнейших действий между командованием Таманской армии в лице Матвеева и „главкомом" Сорокиным. Первый считал необходимым наносить удар главною массою красных сил на ст. Кавказская с тем, чтобы в дальнейшем ударить либо на центр контр-революции — Екатеринодар, либо через Тихорецкую искать связи с советскими войсками, действующими в районе Царицына [4]).

Второй, к мнению которого присоединился и РВС северного Кавказа, считал необходимым овладеть Ставрополем и его районом и тем закрепиться в восточной части северного Кавказа, держа связь с центром по дороге Святой Крест—Яшкуль—Астрахань, проходившей на значительном своем протяжении по пустынной и безводной степи.

План первого был более безопасен, так как в случае неудачи предоставлял войскам удобный путь отхода

---

[1]) Там же, стр. 17.

[2]) В. И. О. Штаба РККА. Рукопись т. Свечникова, стр. 17—18. Г. Н. Батурин, „Красная Таманская армия". Изд. Славянского отдельного исполкома, 1923 г., стр. 27.

[3]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 17.

[4]) Г. Н. Батурин, „Красная Таманская армия", стр. 28.

вдоль линии железной дороги Тихорецкая — Царицын, в плане второго был большой риск, так как в случае неудачи войска отбрасывались в пустыню, но зато он в случае успеха обеспечивал для красных центральное расположение их на северном Кавказе и надолго связывал те контр-революционные силы, которые складывались вокруг Добровольческой армии.

Точка зрения Сорокина победила, при чем Матвеев пал жертвой своего упорства, будучи расстрелян Сорокиным за неисполнение боевых приказов, и 7-го октября красное командование приступило к перегруппировке для овладения Ставрополем. Для этой цели Таманская армия, усиленная 10-й колонной из войск Сорокина, в эшелонах перебрасывалась на ст. Невинномысскую, откуда она походным порядком должна была наступать на Ставрополь. Вместе с тем западный участок фронта сокращался отводом войск на фронт Армавир—Урупская—Упорная—Ахметовская.

Перед началом ставропольского похода Таманская армия была вновь реорганизована и сведена в две стрелковые дивизии, 4-полкового состава каждая; общая численность их определялась в 15.000 штыков; кавалерия в количестве 4.000 сабель была сведена в 3 кавалерийских полка; артиллерийская бригада состояла из 30 орудий различного калибра [1]).

В районе ст. Невинномысской армия сосредоточилась к 23-му октября и двинулась двумя колоннами по направлению к Ставрополю через станции Барсуковская и Темнолесская [2]).

Армия испытывала большой недостаток в огнеприпасах. По свидетельству тов. Батурина, на стрелка приходилось не более 15—20 патронов. 25-го октября левая колонна после упорного боя выбила противника из ст. Барсуковской, а в ночь на 30-е октября ночной атакой овладела Ставрополем [2]), захватив в нем богатые трофеи и 2 бронепоезда с 5-ю дальнобойными орудиями. По занятии Ставрополя части Таманской армии энергично преследовали противника, при чем некоторые ее части доходили даже до ст. Кавказской. Однако дальнейшего развития действия Таманской армии не получили, и она около 3-х недель пассивно простояла на месте в районе Ставрополя, не получая никаких указаний от высшего командования. Произошло это в силу

---

[1]) Г. Н. Батурин, „Красная Таманская армия", стр. 31.
[2]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 18.
[3]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 21.

тех особых обстоятельств, которые потрясли в это время аппарат высшего политического и военного управления северного Кавказа.

Избавившись от мешавшего командующего Таманской армией, „главком“ Сорокин пожелал избавиться и от опеки РВС северного Кавказа, почему вероломно расстрелял и некоторых его членов. Будучи объявлен „вне закона“, Сорокин бросил управление и со своим конвойным эскадроном, скрываясь от преследований, бросился в Ставрополь, где был арестован 1-го ноября, а 3-го ноября убит одним из командиров полков Таманской армии из мести за расстрел Матвеева [1]). Таким образом, некоторое время войска северного Кавказа оставались без объединенного управления, чем сумел воспользоваться противник.

Сильная рокировка к северу наиболее боеспособной массы войск северного Кавказа облегчила противнику возможность развить активные операции на армавирском и владикавказском направлениях.

Здесь им был сосредоточен мощный кавалерийский кулак, силою до 14 кавалерийских полков, под командою полковника Шкуро, который прорвал армавирский фронт красных и, отрезав Таманскую армию от Пятигорска, откуда она получала не только распоряжения, но и снабжение, начал с юга и юго-востока грозить Ставрополю.

Таманская армия оказалась вновь окруженной в Ставрополе со всех сторон и 14-го ноября с боем вынуждена была пробиваться в восточном направлении, неся большие потери в своем составе.

К 20-му ноября Таманская армия вышла на фронт с.с. Петровское, Донская балка, Высоцкое, где и закрепилась; южнее к ней пристроились прочие войска бывшей Сорокинской армии, протянув свой левый фланг до района с. Нагут, станция Минеральные Воды, которую они удерживали за собою [2]).

Таким образом, в результате осенней кампании 1918 г. и борьбы за Ставрополь главные силы красных армий северного Кавказа почти вплотную были прижаты тылом к той песчаной и пустынной степи, которой ходом последующих событий суждено было стать могилой многих из их бойцов.

Наступившая осенняя распутица и период дождей содействовали развитию сильных эпидемий, в роде тифа, цынги

---

[1]) Г. Н. Батурин, „Красная Таманская армия“, стр. 33—41.
[2]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 20—23.

и черной оспы. Ряды Таманской армии, являвшейся боевым стержнем всех красных сил, сильно поредели от этих эпидемий и непрерывных боев. Обмундирование и снаряжение войск было в плачевном состоянии, и все, вместе взятое, отрицательно влияло на их моральное состояние. Объявленная РВС мобилизация крестьянства восточной части Ставропольской губернии не увеличила боеспособности армии: ряды ее пополнились элементом, либо не желавшим воевать, либо даже настроенным контр-революционно [1]).

Таково было положение красных советских войск на северном Кавказе в момент окончания на нем осенней кампании 1918 г.

Прежде чем перейти к общим выводам относительно нее, нам предстоит бросить взгляд на боевые события, происходившие в это же время в Терской области и приморском Дагестане.

Летняя и осенняя кампания 1918 г. в Терской области. *Схема № 7.*

События гражданской войны в Терской области и на северном побережье Каспийского моря приняли более планомерный характер после появления в районе Петровска отряда Бичерахова, о котором мы уже упоминали в одной из предшествовавших глав.

Около этого отряда начало группироваться терское казачество и контр-революционные элементы, которые к осени 1918 г. широкой волной разлились по Терской области, начиная от станицы Прохладной, через Моздок до низовьев Терека. Общая численность сил контр-революции в этом районе определялась в 15.000 бойцов.

В пределах области главным фокусом борьбы явился местный революционный центр, г. Грозный, выдержавший 3-месячную осаду с его гарнизоном из вооруженных рабочих, не превышавшим 3.000 ч.

Лишь в ноябре, когда из Сорокинской армии на помощь красным войскам в Терской области была двинута особая колонна, их положение начало заметно улучшаться.

Подкрепления, шедшие из Кубанской области и некоторых гарнизонов Ставропольской губернии, нанесли ряд чувствительных поражений терским казакам и отрядам Бичерахова и в короткое время очистили от них всю область.

---

[1]) Там же, стр. 24.

К 26-му ноября красные отряды деблокировали Кизляр, также осажденный белыми, и освободили от них путь Кизляр—Черный Рынок, открыв таким образом приморское сообщение с Астраханью.

Вскоре вслед за этим освобожден был и Грозный [1]).

Белогвардейцам не оставалось ничего иного, как признать свое поражение на Тереке, размеры которого были велики.

По этому поводу белогвардейская газета, издававшаяся на Кубани, „Наш Голос“ в № от 1 декабря писала [2]):

„Десятитысячная армия вдребезги истомленных непрерывными боями людей вынуждена была сдаться красноармейцам; командующий армией—генерал Мистулов застрелился. Терское краевое правительство, временно образовавшееся в Моздоке, бежало в горы. В связи с событиями на Тереке туда направляются корпус генерала Покровского и партизанские отряды полковника Шкуро“.

Действительно, успехи белых в Кубанской области и Ставропольской губернии и успехи красных в Терской области повлекли за собою ряд новых перегруппировок и операций обеих сторон, результаты которых имеют непосредственное значение не только для местного театра военных действий, но и для сопредельного с ним южного театра, который получил особое значение после германской революции.

Выводы.

Вторичный захват белыми Ставрополя и очищение красными почти всей Терской области от белогвардейских отрядов являются двумя событиями, лежащими на грани первого периода кампании на северном Кавказе.

Как общий результат этого периода следует отметить неуспех красных на главном театре северного Кавказа, каковым являлся кубанский, как главное сосредоточение сил контр-революции, и успех их на второстепенном театре, каковым для обеих сторон являлся терский театр.

Обращаясь к причинам этого явления, наше внимание прежде всего должно остановиться на том факте, что в отношении численности в начале кампании красные на северном Кавказе, особенно на его главном театре, находились в условиях несравненно более благоприятных, чем они были на каком-либо из других театров гражданской войны

---

[1]) Рукопись тов. Свечникова, стр. 26—29.

[2]) В.-уч. арх., дело № 200, л. 134.

в это же время. Таким образом, главную причину неудач следует искать не в недостатке численности, а в недостатках организации и качественности войск. Оторванные от центра, предоставленные собственным партизанским навыкам и замашкам, войска северного Кавказа долго не испытывали на себе организующего влияния центра, а когда начали его испытывать, то воспринимали его с большим трудом.

Поэтому привычки и приемы эшелонной войны долго еще жили в рядах армии Сорокина, в то время как на других театрах уже переходили к правильным методам ведения войны.

Действительно, во время июльских боев за Тихорецкую и Екатеринодар мы видим еще непостижимое маневрирование армии Сорокина, которая, подобно „перекати-полю", под ударами белых перекатывается в эшелонах с одной железнодорожной магистрали на другую, не заботясь ни о своих базах, ни о сообщениях с тылом, бросая без прикрытия важные операционные направления.

Правда, в процессе борьбы начинает складываться более организованная и боеспособная сила в виде Таманской армии, на плечи которой в дальнейшем в сущности и ложится вся тяжесть борьбы на северном Кавказе; но сила эта составляет только меньшую часть массы небоеспособных и распущенных „союзников", как иронически называли таманцы прочие части Сорокинской армии. Партизанщина, в дурном значении этого слова, свивает себе прочное гнездо и в аппарате высшего управления, что расстраивает его в момент наиболее решительных и ответственных операций и на 3 недели оставляет наиболее сильную и боеспособную группу войск в виде таманских дивизий без всякого оперативного руководства.

Авантюризм личности Сорокина сказался и в методе ведения им операций. В погоне за ставропольским районом он ослабляет важное стратегическое направление Владикавказской железной дороги, не заботясь достаточно опять-таки о безопасности своих сообщений, чем умело пользуется противник, делая стратегический прорыв центра его общего фронта и припирая наиболее сильную его группу к пескам астраханских степей.

Эта неудача на главном театре, как показали дальнейшие события, не могла быть уравновешена успехами на второстепенном терском театре.

В варианте плана действий Матвеева положительной стороной являлось большее обеспечение Владикавказской

железной дороги,—жизненной артерии для обеих сторон на северном Кавказе, поскольку во всех положениях она обеспечивалась бы главной массой красных войск.

Обращаясь к действиям белых, мы не можем дать полного анализа их действий по отсутствию необходимых источников и описаний.

Однако, насколько можно судить по их действиям, они главным своим операционным направлением избрали, после овладения Екатеринодаром, именно Владикавказскую железную дорогу.

В их операциях нельзя наметить непрерывности развития ударов. После каждого более или менее значительного удара следует некоторый перерыв, что объясняется, очевидно, необходимостью в силу их относительной малочисленности прибегать к очередной перегруппировке для накопления нового кулака.

Несмотря на ряд недостатков управления и организации, красные войска северного Кавказа в ряде отдельных боев нанесли ряд чувствительных ударов белой армии; при этом следует иметь в виду, что им пришлось иметь дело с наиболее квалифицированными белогвардейскими силами в лице Добровольческой армии.

Общее заключение.

Прежде чем перейти к изложению тех событий, которые, явившись непосредственным следствием германской революции, поставили перед советской стратегией ряд совершенно новых задач и открыли перед нею новые обширные горизонты, необходимо подвести общие итоги минувшему почти годичному периоду гражданской войны.

Обращаясь к общему положению на фронтах, следует отметить, что к концу описываемого периода полностью сложились уже два главных фронта гражданской войны: Восточный и Южный, и обозначилось второстепенное значение Северного фронта.

Наличие двух фронтов почти одинаково важного значения, являвшихся охватывающими в отношении центрального театра, бывшего средоточием источников материального питания и питания живой силой красных армий, ставило в неблагоприятные условия советскую стратегию, поскольку ей приходилось свое внимание и силы раздваивать между обоими этими фронтами.

Ей надлежало бы в подобных условиях действовать по внутренним операционным линиям, а подобный образ действий в условиях современного способа ведения войны обязательно требовал наличия хороших условий транспорта, чем не располагали ни та, ни другая из борющихся сторон.

При отсутствии же возможности быстрых оперативных перебросок возможно ли было действовать и поступать так, как рекомендует делать теория военного искусства в подобных случаях, т.-е., ограничившись заслоном на одном фронте, развивать решительные операции всею массою сосредоточенных для этого сил на другом фронте до полного уничтожения или истощения противника?

Опасность запоздать с очередной перегруппировкой для своевременного разгрома противника на другом фронте в силу плохих условий транспорта и пространственности театров была слишком очевидной, чтобы советская стратегия могла рискнуть на применение способа действий по внутренним операционным линиям в его чистом виде.

Действительно, ослабление внимания в отношении Южного фронта сейчас же сказалось на росте успехов противника на этом фронте, принявших такие размеры, что они начали грозить даже центральному театру.

Поэтому советской стратегии в силу указанных объективных причин приходилось поддерживать в состоянии достаточного насыщения войсками оба фронта, что у поверхностного исследователя может создать представление о стратегической разброске сил без достаточно ясно выраженного направления главного удара.

Однако, там, где налицо были условия иного порядка, т.-е. там, где советскому командованию не приходилось опасаться за целость и неприкосновенность жизненных районов революции, как, например, это было на Северном фронте, в силу ли местных условий или пассивности противника, там советская стратегия умела обходиться строго необходимым количеством сил, не уделяя для второстепенных фронтов ничего лишнего.

Ни на главных, ни на второстепенных театрах обе стороны в течение описанного периода не достигли своих конечных целей.

Если это вполне естественно в отношении советской стратегии, силы которой только-что складывались и оформливались в самом процессе войны, то для стратегии противника недостижение им поставленных себе целей следует искать в тех общих ошибках, которые нами были попутно подчеркнуты при разборе операций белой стороны.

Нам остается лишь суммировать их еще раз, указав при этом, что часть из них явилась следствием принятия общего плана, не согласованного с достаточной оценкой местных условий и выразившегося в стремлении создать единый контр-революционный и антигерманский Северо-Восточный фронт.

В силу этого обстоятельства противник на Восточном фронте, отрокировав главную массу своих сил сильно к северу, вынужден был действовать ими в местности труднодоступной, суровой и бедной местными средствами, что, конечно, отразилось прежде всего на темпе его операций. С другой стороны, интервенты, высадившиеся на беломорском побережье и стремившиеся в силу опять-таки этого же плана подать руку белым сибирским армиям, двигая главную массу своих сил вдоль р. Северной Двины, наткнулись на еще более трудные местные условия и завязли на этом направлении, упустив благоприятную для себя возможность, действуя вдоль Архангельской железной дороги,

ударом на Вологду приблизиться к жизненным районам и центрам революции, пока это направление было слабо занято советскими силами.

На действиях союзных сил внешней и внутренней контрреволюции особенно резко сказалась в условиях нашего бездорожья и пространств характерная черта всех коалиционных войн: трудность согласования действий во времени и пространстве.

Действительно, мы видели уже из описания хода кампании, что три основных момента, в которые должно было бы вылиться осуществление плана создания единого контр-революционного фронта на северо-востоке во времени растянулись почти на три месяца. Выступление чехо-словаков последовало в конце мая, захват Архангельска и наступление вражеских десантов внутрь страны произошли в августе, и совершенно изолированно во времени от этих событий возникли белогвардейские мятежи на верхней Волге.

Советская стратегия оказалась бы в несравненно худшем положении, если бы все они последовали друг за другом на протяжении хотя бы месяца, и если бы белогвардейские мятежи последовали тогда, когда фронт чехо-словаков вплотную приблизился к Волге и Каме.

Таким образом, основная цель, к которой стремились интервенты и белогвардейцы, т.-е. соединение англо-французского Северного фронта с белогвардейским Восточным фронтом на Волге и на Урале, не была достигнута ими в силу вышеуказанных причин, и это обстоятельство значительно развязывало руки красной стратегии.

Действительно, уклонение главной массы сил противника на второстепенные операционные направления на Восточном фронте позволило советской стратегии достигнуть важных успехов на главных операционных направлениях, ведших к южным проходам через Уральский хребет. Борьба на подступах к среднему Уралу носила более затяжной и медленный характер в силу необходимости для советской стратегии уделить значительное внимание и силы для борьбы с мятежом в ижевско-воткинском районе, который окончательно ликвидирован был только в начале ноября. Борьба за эти центры военного питания, чрезвычайно необходимые для обеих сторон, оттягивала часть сил красного восточного фронта с пермского направления, на котором противник проявлял наибольшую активность и продолжал одерживать успехи пока еще местного значения.

Таким образом, общее положение дел на Восточном фронте было таково, что обнаружившийся в сентябре перелом в операциях в благоприятную для красных сторону требовал дальнейшего своего развития и закрепления.

К наступлению зимы можно было лишь с уверенностью отметить полное отсутствие для РСФСР опасности со стороны Северного фронта, на котором противник закреплялся, готовясь к зимней стоянке.

Осенняя кампания на Южном фронте характеризуется проявлением наступательной энергии противника и рядом его частных успехов с попутным причинением довольно значительного урона советским войскам.

Но все эти успехи являлись успехами чисто-местного значения, поскольку противник, представленный в данную кампанию одной только Донской армией, преследовал ограниченную в пространстве цель, а именно утвердиться на зиму на главнейших стратегических узлах, лежащих вне пределов Донской области. Кроме того, они были и непрочны, поскольку противник, гонясь, главным образом, за территорией, своевременно не обратил достаточного внимания на ликвидацию фланговой угрозы себе в виде красного Царицына. Несравненно большую роль этому фронту предстояло сыграть в ближайшем будущем, когда этот фронт сделался объектом усиленного внимания англо-французского милитаризма.

Пока завеса германских войск продолжала держаться против Западного фронта, этот последний сохранял для советской стратегии совершенно второстепенное значение.

Наконец, на северном Кавказе в результате последних операций, в силу причин, на которых мы здесь останавливаться не будем, поскольку они достаточно подробно освещены нами в своем месте, обнаружился определенный перевес на стороне белой стратегии. Поскольку северо-кавказский театр в описываемый нами период являлся театром, изолированным от прочих театров гражданской войны, значение этого обстоятельства для красной стратегии сказалось не сразу, но результаты его были весьма велики, так как они отразились на всем ходе кампании 1919 г. на Южном фронте гражданской войны.

Еще более изолированный и совершенно местный характер и значение имели операции обеих сторон в пределах Туркестана и Закаспийской области. В общем и целом следует признать, что обстановка складывалась более благоприятно для советской стратегии. Ход кампании на Восточном фронте давал место благоприятному прогнозу для

ее исхода. Предвестники крушения германского империализма давали уже себя знать и заставляли ожидать появления ему на смену англо-французского милитаризма в тех областях и районах, где первый до сих пор безраздельно господствовал. Это обстоятельство требовало уделения особого внимания Южному фронту.

Предстоящие задачи советской стратегии на Южном фронте Наркомвоен тов. Троцкий 9-го ноября 1918 года на VI съезде Советов формулировал следующим образом: „Нам нужно просунуться между уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским милитаризмом. Нам нужно занять Дон, северный Кавказ и Каспий, поддержать рабочих и крестьян Украины, раздвинуть их врагов и войти в наш советский дом,—в который мы включаем мысленно и северный Кавказ, и Дон, и Украину“ [1]).

Эти слова определили линию поведения советской стратегии для предстоящей кампании 1919 г. Из состояния активной обороны она переходила к широким наступательным планам на главных театрах.

Наступательные тенденции красной стратегии встретились с таковыми же белой стратегии, нашедшей себе мощную поддержку в англо-французском империализме, и совокупность этих обстоятельств придала особые напряженность и упорство операциям кампании 1919 г., сделав вместе с тем их высоко поучительными в военном отношении.

Результаты первого периода гражданской войны подтвердили правильность организационной политики Советской власти в отношении военного строительства. В боях первого периода гражданской войны Красная армия непрерывно росла, совершенствовалась и укреплялась, становясь фактором международного значения, привлекающим на себя внимание врагов и друзей советских республик. Замена добровольчества обязательной воинской повинностью сразу сказалась на быстром росте ее численности; в кампанию 1919 г. она уже вступала, как вполне сложившийся войсковой организм.

Вместе с тем сказались и результаты ее органической спайки с массами трудящихся, интересы которых она была призвана защищать. Цвет этих масс, в лице лучших и наиболее самоотверженных пролетариев из числа партийных

---

[1]) Л. Троцкий, „Как вооружалась революция“, том I, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 337.

товарищей и членов профсоюзов, вливался в ряды армии, образуя ее твердый остов, вокруг которого формировалась и закалялась остальная армейская масса. Этот процесс закаления и укрепления организма Красной армии происходил на фоне разложения и распыления армий германского империализма, глухого брожения в армиях победоносного англо-французского империализма и сильного разложения в тех белых частях, которые были сформированы не по классовому, а по „общенародному“ признаку.

Список источников и материалов для I-го тома.

1. *М. С. Маргулиес.* „Год интервенции“. Книга I. Берлин, 1923 г 364 стр.—Книга II. Берлин, 1923 г. 321 стр.

2. *К. Н. Соколов.* „Правление генерала Деникина“. София, 1921 г. 290 стр.

3. *Г. К. Гинс.* „Сибирь, союзники и Колчак“. 1918—1920 гг. Том II. Пекин, 1921 г. 590 стр.

4. „Архив русской революции“. Берлин, 1922--1923 гг. Тт. II, V, IX.

5. *М. Рафес.* „Два года революции на Украине“. Москва, 1920 г. 168 стр.

6. Журнал „Пролетарская Революция“, № 8—9, 1924 г.

7. „Гражданская война в России 1918—1919 г. Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь—май 1919 г.“—„Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—18 гг.“. Москва, 1919 г. 62 стр.

8. *Владимир Маргулиес.* „Огненные годы“. Издательство „Манфред“. Берлин, 1923 г. 322 стр.

9. *Л. Троцкий.* „Как вооружалась революция“. Том II, книга I, изд. ВВРС. Москва, 1924 г. 476 стр.

10. *И. Подшивалов.* „Гражданская борьба на Урале 1917—1918 гг.“ ГВИЗ, 1925 г. 221 стр.

11. *Л. Д. Синицкий.* „Учебник экономической географии СССР“. Изд. „Новая Москва“, 1924 г. 270 стр.

12. *С. Венцов и С. Белицкий.* „Краткий стратегический очерк гражданской войны 1918—20 гг.“, изд. Военной Академии РККА. Москва, 1923 г. 111 стр.

13. *Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны.* „Гражданская война. Материалы по истории Красной армии“, том I, изд. ВВРС. Москва, 1923 г. 508 стр.

14. Собрание сочинений В. И. Ленина, тт. VII и XVII.

15. Комплект №№ газеты „Деревенская Беднота и Трудовое Казачество“ за декабрь 1917 г. и январь 1918 г.

16. *Военно-историческая комиссия.* „Гражданская война. Материалы“, изд. ВВРС, том II. Москва, 1923 г. 226 стр.

17. *В. А. Антонов-Овсеенко.* „Записки о гражданской войне", том I, изд. ВВРС. Москва, 1924 г. 300 стр.

18. *Военно-историческая комиссия.* „Сборник трудов ВНО при Военной Академии РККА", книга IV, изд. ВВРС. Москва, 1923 г. 217 стр.

19. Журнал „Красная Новь" за 1922 г. Книга четвертая. № 5, № 6 (9—10) за 1923 г. Книга первая и третья. Статья *И. Майского*: „Демократическая контр-революция".

20.Capitaine *Jacques Sadoul.* „Notes sur la révolution bolchevique", édition de la Sirène. Paris, 1919.

21. Генерал *Денисов.* Записки „Гражданская война на юге России 1918—20 гг." Книга 1. Константинополь, 1921 г. 119 стр.

22. Полковник *Добрынин.* „Борьба с большевизмом на юге России", „Участие в борьбе донского казачества". Прага, 1921 г. 118 стр.

23. *Н. П. Зеленов.* „Трагедия Северной области". Париж, 1922 г. 77 стр..

24. „Сборник трудов ВНО". Книга III,изд. ВВРС. 1922 г. 217 стр.

25. *Г. Н. Батурин.* „Красная Таманская армия", издание славянского отдельного исполкома. Ст. Славянская, Куб.-Черн. области. 1923 г. 51 стр.

26. Материалы ВИО штаба РККА. Рукопись *М. С. Свечникова*: „Борьба Красной армии на северном Кавказе". 181 стр.

27. *Лукомский.* „Воспоминания", том II. Берлин, 1922 г.

28. *М. Левидов.* „К истории союзной интервенции в России", изд. „Прибой", Ленинград, 1925 г. 181 стр.

В.-уч. арх., дело № 1136, лл. 35—36.

В.-уч. арх., дело № 1, приказ Наркомвоен № 14. лл. 60, 250—251.

В.-уч. арх., дело № 2, приказы нижегородского губисполкома № 1 и № 2 и приказы Наркомвоен №№ 104 и 107.

В.-уч. арх., дело № 22, лл. 289—293.

В.-уч. арх., дело № 48, лл. 387—389.

В.-уч. арх., дело № 55, лл. 3—4.

В.-уч. арх., дело № 60, л. 9, приказ РВСР от 7-го авг. 1919 г., № 1272/247, л. 33.

В.-уч. арх., дело № 65, лл. 3—4, 11, 47, 52, 141.

В.-уч. арх., дело № 96, лл. 35, 43, 55.

В.-уч. арх., дело № 130, лл. 183—219.

В.-уч. арх., дело № 192, лл. 4, 21—69, 91—94, 101—102, 150—151.

В.-уч. арх., дело № 200, лл. 40—49.

В.-уч. арх., дело № 210, лл. 1—4, 251.

В.-уч. арх., дело № 218.

В.-уч. арх., дело № 254, лл. 15, 17, 77—78, 91—92, 114—116, 121—129, 142—148, 153—161, 194.

В.-уч. арх., дело № 268, л. 2.

В.-уч. арх., дело № 277, лл. 155—167.

В.-уч. арх., дело № 282, лл. 268—269, 327, 329—331.

В.-уч. арх., дело № 344, лл. 79, 138, 140, 160, 171, 227, 233—234, 236, 239, 265, 456, 48.

В.-уч. арх., дело № 428, лл. 152—156.

В.-уч. арх., дело № 434, лл. 131—132.

В.-уч. арх., дело № 468.

В.-уч. арх., дело № 494, лл. 131—145, 229—235, 531.

В.-уч. арх., дело № 820, лл. 10, 12, 30.

В.-уч. арх., дело № 921, л. 136.

В.-уч арх., дело № 1136, лл. 35, 36.

В.-уч. арх., дело № 1163.

В.-уч. арх., дело № 1180, лл. 22, 187, 197—218, 227.

В.-уч. арх., дело № 1183, л. 111.

В.-уч. арх., дело № 1446, „Журнал военных действий полевого штаба РККА“ № 380/111 и приказ РВСР № 94 от 14-го октября 1918 г.

В.-уч. арх., дело № 4795, л. 19.

В.-уч. арх., дело № 5245, лл. 104, 196, 318.

В.-уч. арх., дело № 5240, лл. 210, 203, 221.

В.-уч. арх., дело № 5246, л. 317. Разговор Автономова с председателем ревкома Ростова-на-Дону 23-го марта 1918 г., чл. 104, 196, 317—318, 333—336.

В.-уч. арх., дело № 5264. л. 36.

В.-уч. арх., дело № 5320, л. 22.

В.-уч. арх., дело № 5321, лл. 71—72.

В.-уч. арх., дело № 5443, лл. 50—51, 22, 83, телеграмма 118.

В.-уч. арх., дело № 6136, лл. 7, 135.

В.-уч. арх., дело № 6142, л. 3.

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА

А. ДЕ-ЛАЗАРИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

(В СХЕМАХ)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

1917—1918 г.

Приложение к труду Н. Какурина

КАК СРАЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

ПЕРЕЧЕНЬ

карт и схем гражданской войны в России.

Кампания 1918 года.

Театр войны.

Карта театра военных действий с указанием политических группировок населения к концу 1917 г.— по результатам выборов в Учредительное собр.	Карта № 1 с объяснит. запиской.	**Схема путей вторжения, путей связи, укрепленных пунктов и операционных направлений . . . .**	Схема № 2.

Боевые действия.

Эшелонная война.

А. Боевые действия против Дона, Украины и 1-го Польского корпуса ген. Довбор-Мусницкого в январе и феврале мес. 18 г. Б. Схема наступления на Донбас т. Сиверса, Саблина, Петрова и Донревкома 20/I — 3/II 1918 года. В. Схема наступления отрядов красных к Ростову и Новочеркасску и овладения ими 24 — 26/II 1918 г.	Схема № 3. с объяснит. запиской к Б. и В.
А. Оккупация России австро-германцами с 18/II по ноябрь мес. 1918 г. Б. Ледяной поход Добровольческой армии с 13/III по май 1918 г. В. Общее положение в Сибири накануне свержения в ней Советской власти к началу июля 1918 г.	Схема № 4.
Схема постепенного нарастания движущих сил контр-революции, организации полевого управления Красной армии и зарождения фронтов в кампанию 1918 г.	Схема № 5.

Боевые действия с августа по октябрь 1918 г.

А. Обстановка на Вост. фронте 1 августа и операция чехословаков по овлад. Казанью 6/VIII. Падение Казани. Б. Операции Донской армии под Царицыным и на фронте Лиски—Камышин с 22 авг. до ноября 1918 г. Б. Второе окружение Царицына. Положение 17/X. В. Обстановка на Вост. фронте перед овладением Красной армией Казанью. Положение 27/VIII. Обратное взятие Казани. Положение со 2 по 15 сентября 1918 г.	Схема № 6.

Боевые действия на Северном Кавказе осенью 1918 г. . . . . . Схема № 7.
Образование фронтов. Положение к 1 декабря 1918 г. . . . . . Схема № 8.

Объяснительная записка.

К карте № 1.

Объяснения Н. Ленина к результатам голосования по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, как их приводит Н. В. Святицкий в таблицах (смотри карту № 1).

(Н. Ленин. Выборы в Учредительное Собрание] и диктатура пролетариата". Коммунистический Интернационал" № 7—8 ноябрь—декабрь 1919 г.).

„Как же могло произойти такое чудо; победа большевиков, имевших 1/4 голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (каолиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими 3/4 голосов"...

„Большевики победили прежде всего потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учредительное Собрание подано было в них 1.765 тысяч. Из них получили: эсеры—218,0 тысяч, большевики—837,0 тысяч, кадеты—515,4 тысяч"...

„Большевики имели преобладание над эсерами в промышленных районах: Петроградский столичный округ—45% большевиков, 16% эсеров; Петроградская губерния—50% большевиков, 26% эсеров; Лифляндская губерния—72% большевиков, 0% эсеров; Московская губерния—56% большевиков, 25% эсеров; Московский столичный округ—50% большевиков, 8% эсеров; Тверская губерния—54% большевиков, 39% эсеров; Владимирская губерния—56% большевиков, 32% эсеров"...

„Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени на-голову (9 миллионов голосов против 1,4, если сложить 668 тысяч и 700—800 тысяч Закавказья"...

„Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом революционный авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий „ударный кулак" в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил—этот „закон" военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией"...

„Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия“...

Главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий, указаны в таблице, помещенной на карте № 1, прилагаемой к сему.

„Следовательно, большевики получили немногим менее, чем эсеры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 года наполовину большевистской.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столицам и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков получается свыше 1 миллиона голосов против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 г. политический „ударный кулак“, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент“.

Объяснительная записка.

К схеме № 3 Б.

1. Вступив в Донбасс, Сиверс, увлекаясь преследованием казаков, двинулся из Никитовки не на восток, как ему было указано, а на юг на поддержку восставших рудничных партизан района Макеевка—Юзово, не закрепившись в Донбассе и не связавшись с Саблиным. 7/I он занял Ясиноватую, Макеевку, а 17/I—Иловайскую.

2. Воспользовавшись разрывом между колоннами Саблина и Сиверса и приостановкой последнего, белые под командой Чернецова, подъехав тайком в эшелонах, коротким ударом на Дебальцево заставили Сиверса отступить от Макеевского района и вернуться в Никитовку, а Саблина—в Дебальцево и временно приостановиться.

3. Во исполнение приказания штаба, колонна Саблина, двигаясь на помощь силам донревкома, теснимым калединцами, заняла 19/I Петровеньки и Колпаково, 31/I—Лихую, но на следующий день, после короткого удара Чернецова, отскочила по двум направлениям: в В. Дуванное, Семейкино и в Долженское—Провалье.

4. Во исполнение того же приказания о начале вторичного наступления на Каледина Сиверс 10/I вновь занял Ханжонково—Макеевку, имея перед собой сначала ген. Орлова, потом полк. Кутепова. Оттеснив последних, Сиверс начал наступление на Таганрог, заняв 21/I Матвеев Курган, 28/I—Ряженое, но, получив 29/I удар под Неклиновкой, отскочил к Амвросиевке. Тем временем в Таганроге вспыхнуло 28/I рабочее восстание, и Сиверс, оправившись и подкрепившись новыми силами, вновь 31/I начал наступление и 6/II занял Матвеев Курган.

5. 28/I—29/I Чернецов, овладев станциями Лихая и Зверево, открыл движение на Каменскую и 30/I занял ее, оттеснив войска донревкома. 2/II он начал наступление на Глубокую, овладел ею, но затем 3/II был разбит на-голову соединенными силами донревкома и подошедшей от Воронежа колонной Петрова. Сам Чернецов был убит.

6. Подкрепленный черноморскими моряками (400 чел. при 4-х орудиях) и революционными отрядами армии Кудинского, Саблин перешел в наступление и 8/II вновь занял станции Зверево и Лихая и продвинулся до станции Сулин.

К схеме № 3 В.

1. Развивая наступление на Ростов, занятый частями Добрармии Корнилова, Сиверс 6/II занял Неклиновку, 10/II—Таганрог, а 21/II от ст. Хопры повел решительное наступление на Ростов и 22/II взял ст. Гниловскую. 23/II артиллерия Сиверса громит Ростов, к вечеру бой завязался в предместьи города около кирпичного завода, белые отступили и 24/II совершенно очистили город, взорвав железнодорожный мост в Темернике.

2. 4 кав. дивизия, подчиненная Сиверсу и направленная им на Ростов со стороны Генеральского Моста, с боем заняла 16/II Султан-Салы.

3. Части 39 пех. дивизии юго-восточной революционной армии Автономова, действуя от ст. Тихорецкой в тыл Добровольческой армии, 13/II заняли Батайск, имея приказание в дальнейшем занять Ольгинскую в целях преграждения пути Корнилова на Кубань Но, благодаря развалу митинговавших частей, приказания не выполнили и отступавшей на Екатеринодар армии Корнилова сопротивления не оказали. Части Добрармии Корнилова и 1500 казаков ген. Попова ускользнули из кольца сов. войск и направились: Корнилов—на Кубань, а Попов—через Аксай в сальские степи.

4. Саблин 22/II со ст. Шахтная, имея на левом фланге отряды Петрова, Голубова, с войсками Донревкома, а на правом—отряд Медведева, повел наступление на Новочеркасск, имея перед собой противника под командой ген. Абрамова. Наступление задерживалось выжиданием результатов обходного движения Голубова (казачья бригада Донревкома, которая обходила Новочеркасск с востока и которая вошла в город 25/II настолько неожиданно, что не встретила сопротивления) 26/II в Новочеркасск вошел Медведев, а вслед за ним—Петров.

Гражданская война в России. Кампания 1918 г.

№ 1

Карта театра военных действий с указанием политическ. группировок населения к концу 1917 г. по результатам выборов в Учредительн. Собрание.

Условные обозначения:

Цвета штриховки соответствуют основным политическим группам выборов в Учредительное Собрание согласно приведенной ниже таблицы из статьи Ленина.

- Большевики.
- Эсеры.
- Кадеты и проч. партии.

Толщина штрихов пропорциональна % выборов в Учредительн. Собрание.

- Линия фронта на русско-румынск. театре Миров. войны.
- Флот.

Примечание: Данные по Донской и Кубанской областям по труду Н. Какурина.

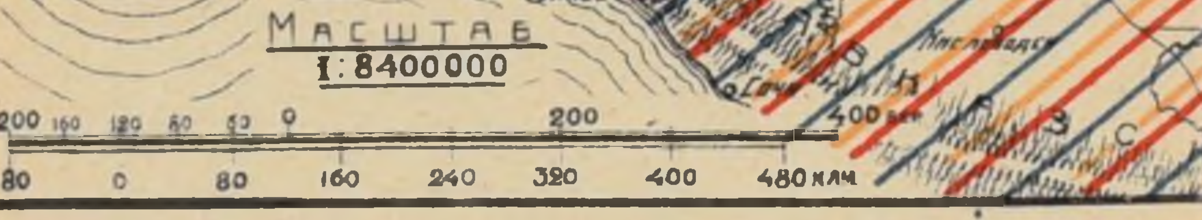
Таблица распределения голосов на выборах в Учредительное собрание по районам.

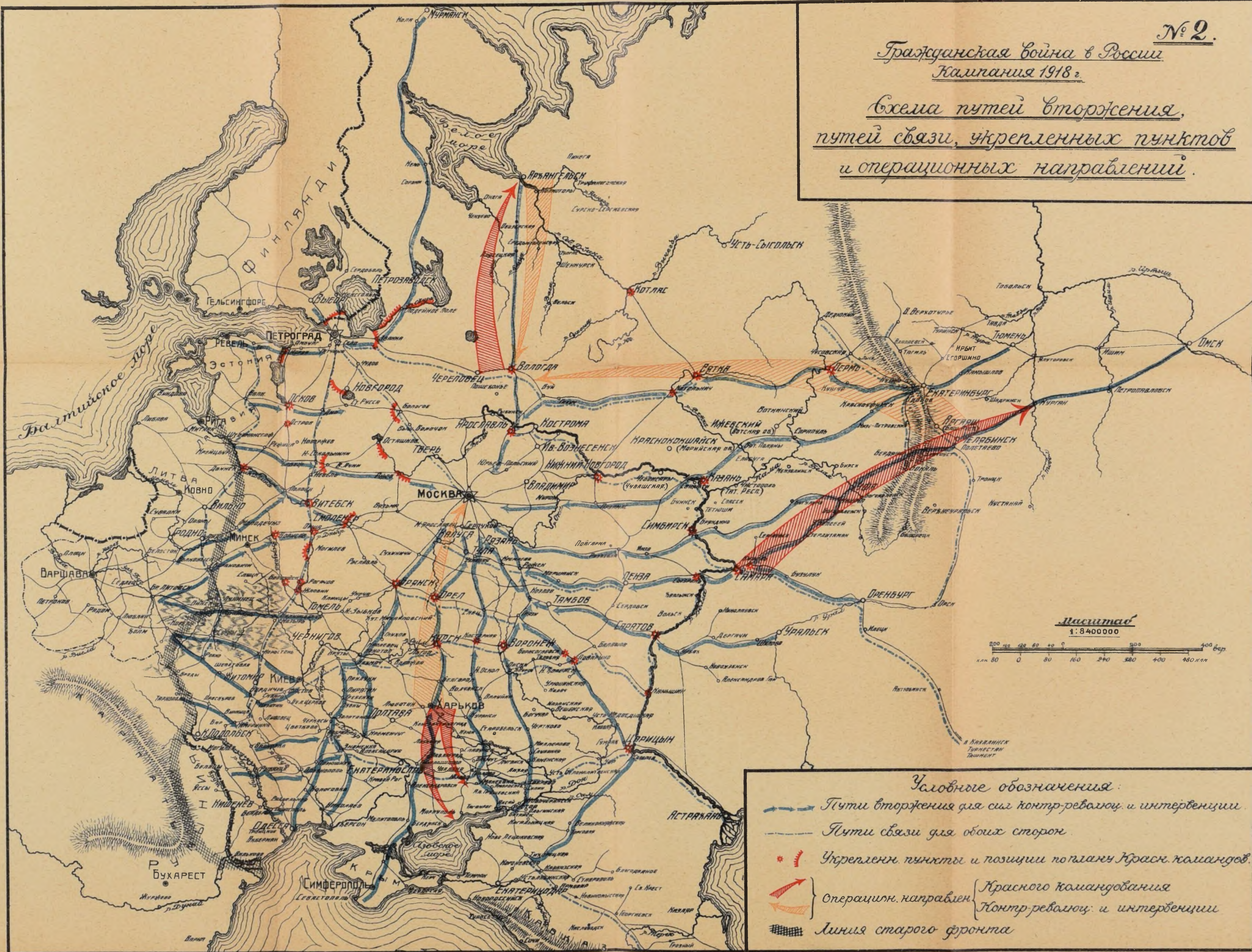
Районы	За эсеров (в тысячах)	%	За большевиков (в тысячах)	%	За кадетов (в тысячах)	%	Всего голосовало (в тысячах)
Северный	1.140,0	38	1.177,2	40	393,0	13	2.975
Центр-Промышл.	1.987,9	38	2.305,6	44	550,2	10	5.242
Поволж-Чернозем	4.733,9	70	1.115,6	16	267,0	4	6.764
Западный	1.242,1	43	1.282,2	44	48,1	2	2.961
Восточно-Уральский	1.547,7	62	443,9	12	181,3	5	3.583
Сибирский	2.094,8	75	273,9	10	87,5	3	2.786
Украина	1.878,1	77	754,0	10	277,5	4	7.581
Армия и Флот	1.885,1	43	1.671,3	38	51,9	1	4.363

по фронтам

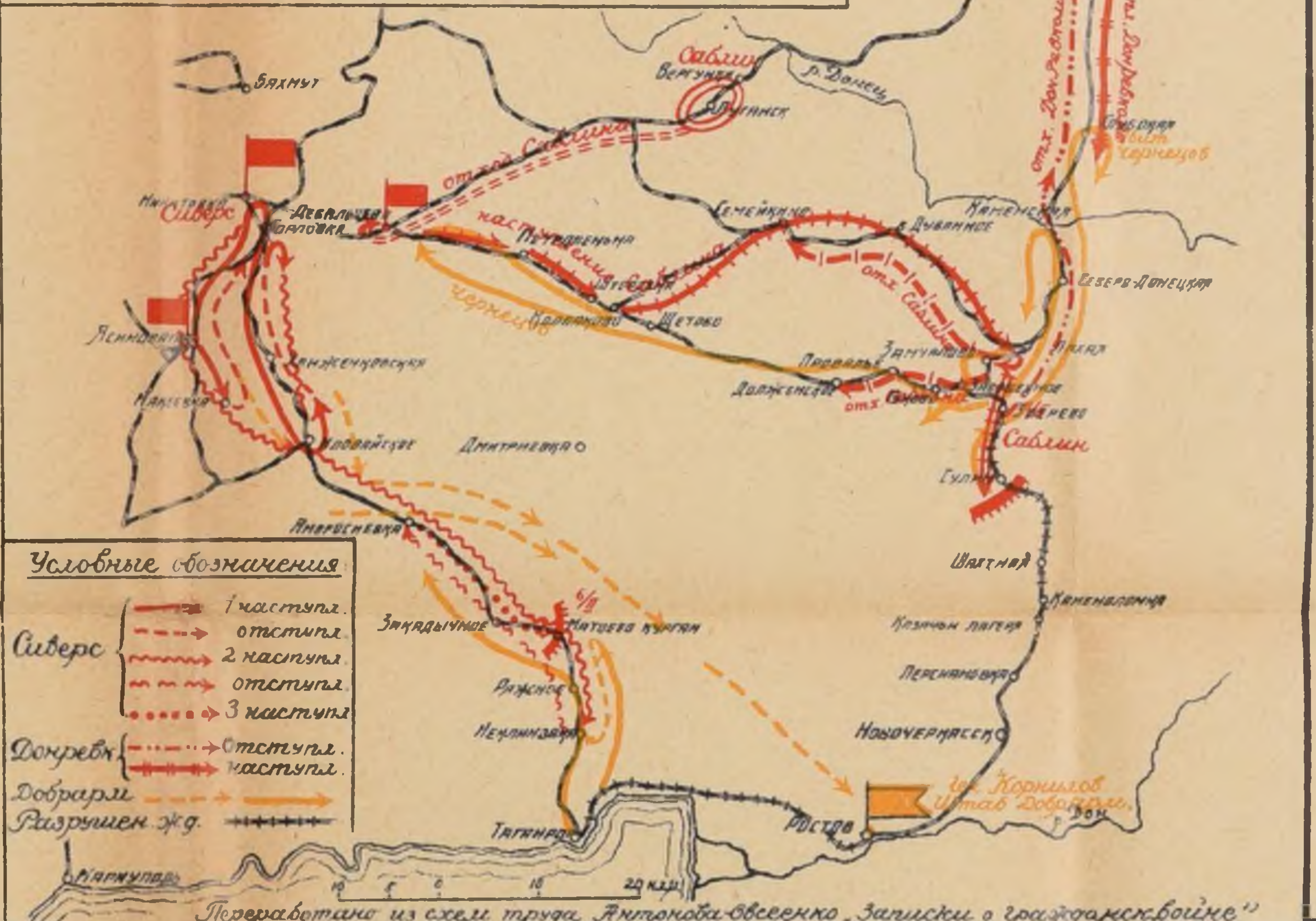
	За эсеров (в тысячах)	%	За большевиков (в тысячах)	%	За кадетов (в тысячах)	За национ. и др. группы (в тысячах)	Всего голосовало (в тысячах)
Северный фронт	240,0	30	480,0	62	?	60,0	780,0
Западный	180,6	18	653,4	68	16,7	125,2	976,0
Юго-Западный	402,9	40	300,1	30	13,7	290,6	1.007,4
Румынский	679,4	60	167,0	15	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский	360,0	86	60,0	14	?	—	420,0
Балтийский флот	—	0	120,0	100	—	—	120,0
Черноморский фл.	22,2	41	10,8	20	—	19,5	52,5

Составлена по данным статьи Н. Ленина „Выборы в Учредит. собрание и диктатура пролетариата“ — Коммунист. Интернационал № 7-8, ноябрь-декабрь 1919 г.

№ 2.
Гражданская война в России
Кампания 1918 г.
Схема путей вторжения, путей связи, укрепленных пунктов и операционных направлений.
Условные обозначения:
Пути вторжения для сил контр-революц. и интервенции
Пути связи для обоих сторон
Укрепленн. пункты и позиции по плану Красн. командов.
Операцион. направлен.
Красного командования
Контр-революц. и интервенции
Линия старого фронта
Масштаб
1:8400000
Мурманск
Белое море
Архангельск
Финляндия
Гельсингфорс
Петрозаводск
Петроград
Ревель
Эстония
Балтийское море
Рига
Литва
Ковно
Вильно
Гродно
Минск
Варшава
Псков
Новгород
Вологда
Череповец
Котлас
Усть-Сысольск
Вятка
Пермь
Екатеринбург
Тюмень
Омск
Курган
Петропавловск
Челябинск
Тобольск
Ярославль
Кострома
Тверь
Москва
Иваново-Вознесенск
Нижний Новгород
Владимир
Ижевский
Казань
Симбирск
Самара
Оренбург
Уральск
Витебск
Смоленск
Могилев
Калуга
Тула
Рязань
Брянск
Орел
Курск
Воронеж
Тамбов
Пенза
Саратов
Гомель
Чернигов
Житомир
Киев
Полтава
Харьков
Екатеринослав
Царицын
Астрахань
Кишинев
Одесса
Бухарест
Симферополь
Севастополь
Крым
Азовское море
Екатеринодар
Новороссийск

А. „Эшелонная война." Боевые действия против Дона, Украины и 1го Польского корпуса ген. Довбор-Мусницкого в январе и феврале мес. 1918 г.

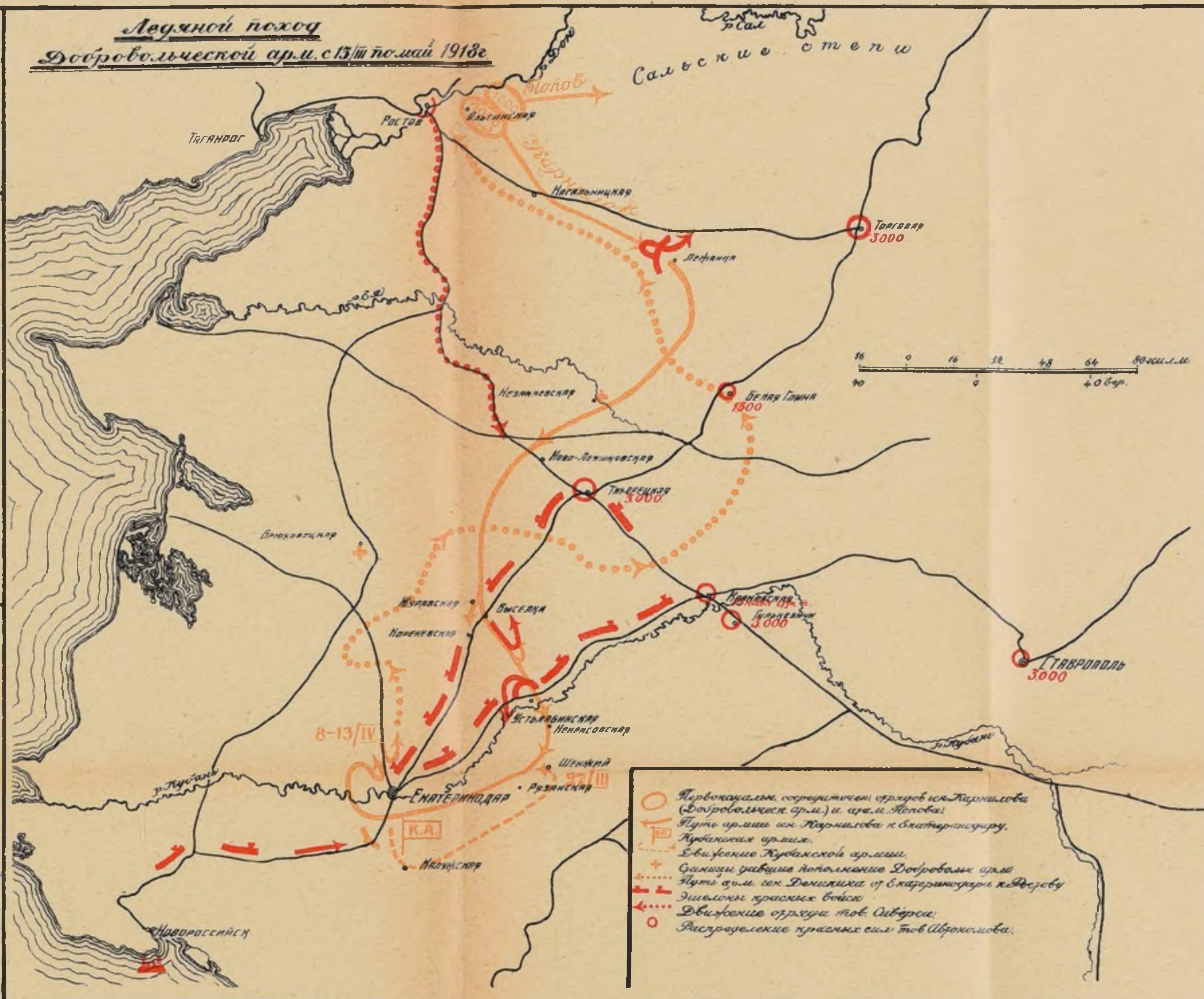

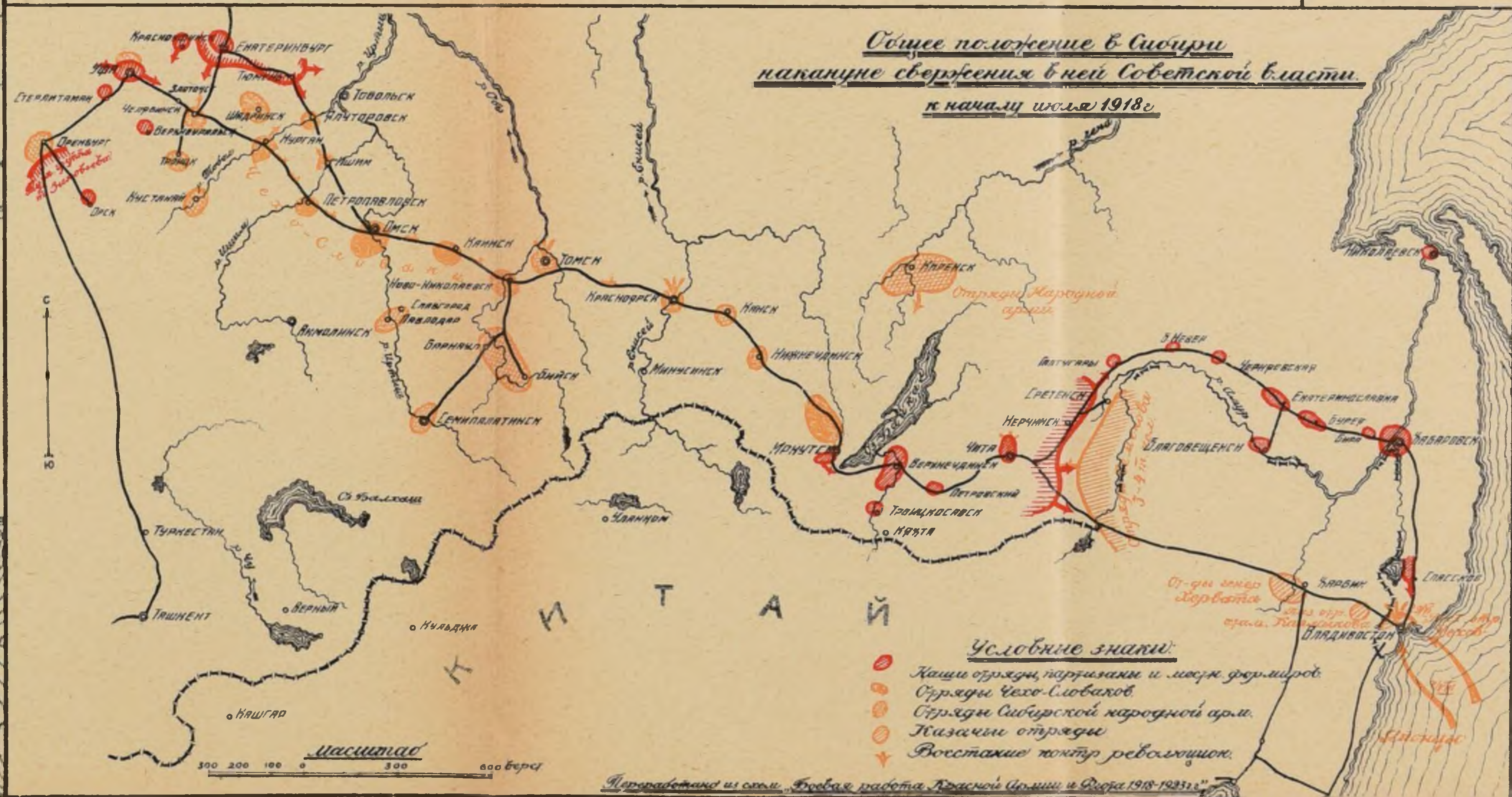
№ 4

Гражданская война в России
Кампания 1918 г.
Оккупация России австро-германцами
с 18/II по ноябрь мес 1918 г.
Условные обозначения:
Наступление германцев
австрийцев
Граница оккупации
Последн. расположения русских армий на фронте Мировой войны
Штаб Высшего Военного Совета
Штабы участков завесы
отрядов и районов завесы
Границы между отрядами завесы
Отход красных частей
Штаб армии (будущей 10й)
Ледяной поход добровольч. армии Корнилова и Деникина
Финляндия
Гельсингфорс
Петрозаводск
Котлас
Петроград
Ревель
Эстония
Новгород
Череповец
Вологда
Вятка
Ярославль
Кострома
Тверь
Ив.-Вознесенск
Нижний Новгород
Краснококшайск
Казань
Ковно
Литва
Вильно
Витебск
Смоленск
Москва
Владимир
Минск
Калуга
Тула
Рязань
Симбирск
Брянск
Орел
Пенза
Тамбов
Чернигов
Курск
Саратов
Воронеж
Киев
Полтава
Харьков
Екатеринослав
Царицын
Кишинев
Одесса
Херсон
Азовское море
Астрахань
Бухарест
Симферополь
Севастополь
Екатеринодар
Владикавказ
Масштаб
1:8400000

Ледяной поход
Добровольческой арм. с 13/III по май 1918 г.
Сальские степи
Таганрог
Ростов
Ольгинская
Попов
Торговая
3000
Белая Глина
1500
Тихорецкая
3000
Кавказская
Ставрополь
3000
Екатеринодар
Новороссийск
8-13/IV
Первоначальн. сосредоточен. отрядов ген. Корнилова (Добровольческ. арм.) и арм. Попова.
Путь армии ген. Корнилова к Екатеринодару.
Кубанская армия.
Движение Кубанской армии.
Станицы давшие пополнение Добровольч. арм.
Путь арм. ген. Деникина от Екатеринодара к Ростову
Эшелоны красных войск
Движение отряда тов. Сиверса.
Распределение красных сил тов. Автономова.

Общее положение в Сибири
накануне свержения в ней Советской власти
к началу июля 1918 г.
Екатеринбург
Тобольск
Петропавловск
Омск
Томск
Красноярск
Иркутск
Верхнеудинск
Чита
Сретенск
Благовещенск
Хабаровск
Владивосток
Семипалатинск
Ташкент
Китай
Отр-ды генер. Хорвата
Условные знаки:
Наши отряды, партизаны и местн. формиров.
Отряды Чехо-Словаков.
Отряды Сибирской народной арм.
Казачьи отряды
Восстание контр революционн.
Масштаб
Переработано из схем „Боевая работа Красной Армии и Флота 1918-1923 г."

Гражданская война в России. Кампания 1918 г. № 5

Схема постепенного нарастания движущих сил контр-революции, организации полевого управления Красной Армии и зарождения фронтов в Кампанию 1918 года.

Масштаб 1:8400000

200 100 ... 0 ... 200 ... 400 вер.

клм 80 0 80 160 240 320 400 480 клм.

Заимствована из схем рукописи т. Вацетиса „Гражданская война в России."

Схема к плану наступательн. операции составленная лично Главкомом Вацетисом 27 июля 1918 г. и представленная им при рапорте № 237 Наркомвоену т. Троцкому

Положение сторон к 27 июля 1918 года

Условные обозначения:

Завеса

Штабы завесы.

Штабы армий.

Отряды красных: наступающие; занимающ. пункты; отступающие; в эшелонах

отряды чехо-словак. войск Антан. и белых

Восстания организованные эс-эрами

Подавление восстаний

Плацдарм белых в Сибири

Район действий казачества ген. Дутова

Операционные направления Чехо-Словаков и интервентов Антанты.

Район германской оккупации и границы ее достижения.

Наступл. повстанч. и донских казак. войск

Группировка сил по плану Донск. командов.

Задачи Донск. арм. по „Указу" донск. круга 1/IX

Высадка интервентов

Линия фонта интервентов осенью 1918 г.

Колонны и резервы 6ой Кр. Армии

Линия зародившихся фронтов Вост. и Кавказск. к 15/VIII

Гражданская война в России.
Кампания 1918 г.

Боевые действия с августа по октябрь 1918 г

№6.

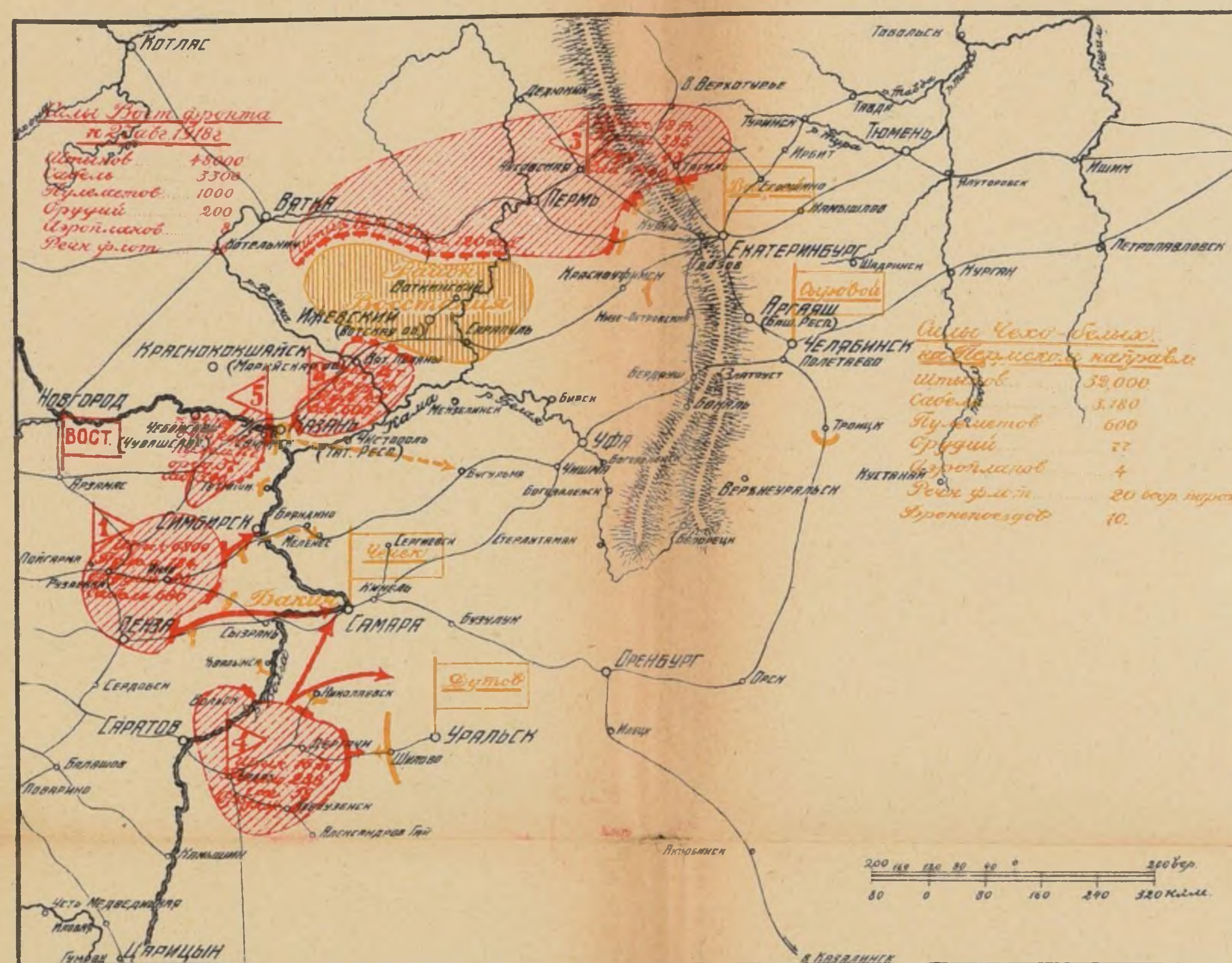
А. Обстановка на Восточн. фронте 1го августа и операция чехословаков по овладению Казанью 6го августа.

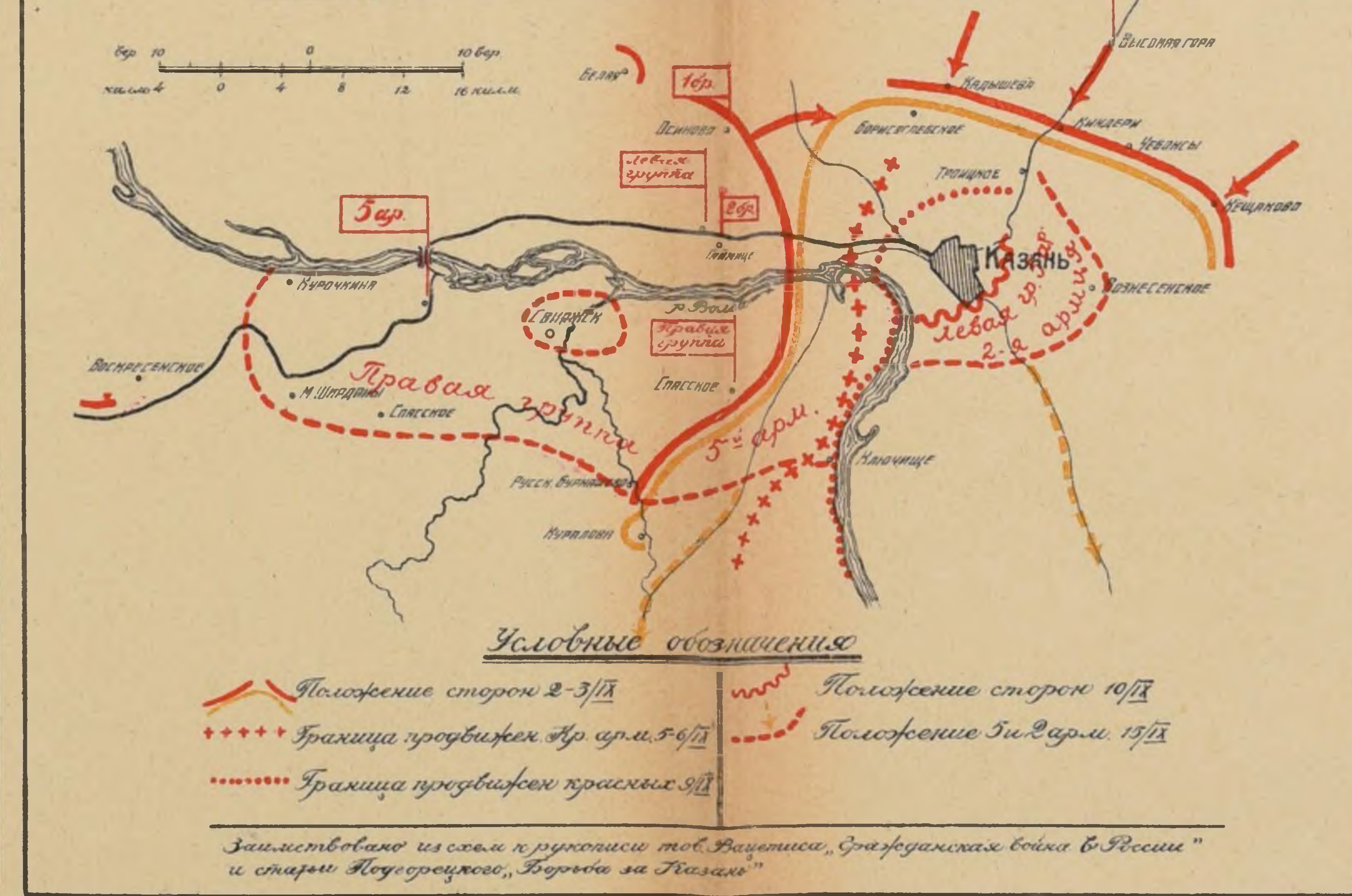

В. Обстановка на Восточном фронте перед овладением Красн. армией - Казанью: положение 27-VIII

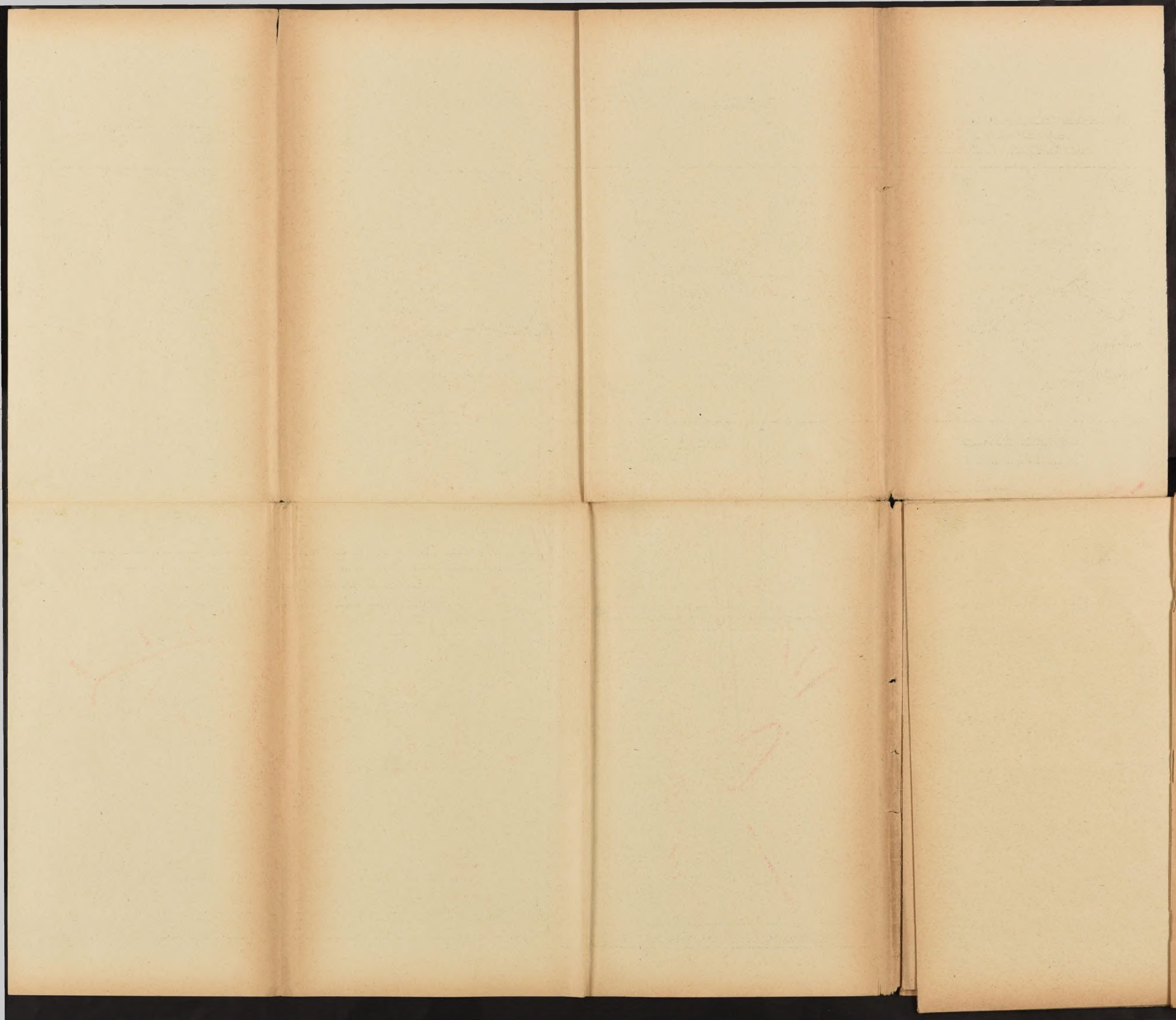
Заимствовано из схем к рукописи тов. Вацетиса „Гражданская война в России" и статьи Подгорецкого „Борьба за Казань"

Б. Операции Донской армии под Царицыным и на фронте Лиски-Камышин с 22 августа до ноября мес. 1918 г.

Заимствовано из ст. Анулова „Красный Верден"

Гражданская война в России
Кампания 1918 г.

Боевые действия на северном Кавказе осенью 1918 г.

№ 7

Условные обозначения:

- Германский флот и дессант
- Район занятый германцами.
- Турецкие войска.
- Районы занятые красными.
- Наступление } Армии Сорокина.
- Отход } Армии Сорокина.
- Наступление } Таманской армии
- Отход } Таманской армии
- Подкрепления Таманской арм. направленные в Екатеринодар
- Грузинская дивизия
- Наступление } Добровольческ. арм.
- Отход } Добровольческ. арм.
- Фронт Таманской, Сорокинской армий и Ставропольской группы в конце сентября.
- Планы наступления { Команд. Таманск. армией т. Матвеев. / т. Сорокина и Р.В.С. Северн. Кавказа.
- Фронт армий, Таманской и Сорокина после перегруппировки в октябре.
- Наступление Таманской арми на Ставрополь 23/X—30/X
- Сосредоточение 14 кав. полков ген. Шкуро и прорыв ими фронта Красных у Армавира в ноябре.
- Фронт Красных 20 ноября.
- Блокада белыми Кизляра и Грозного до конца ноябр
- Связь кавк. арм. с центром.

Главлит № 38589 Типолитография Военной Академии Р.К.К.А. Тираж 10.500 экз.

4 р. 50 к.

